

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

КАЖДОМУ СВОЕ

(сборник повестей и рассказов)

2014

Оглавление

О книге	3
Повести	5
Схожесть желаний	5
Знак вопроса, или почти психопатология	22
Рассказы	42
Мишель	42
Девушка из регистратуры	45
Дед Вася.....	50
Мудак	54
Иван Непомнящий	58
Истина.....	61
Иракий Веселовский.....	64
Студенческая жизнь.....	67
Недолгое счастье.....	70
Такая судьба	73
Теория	76
Проклятие рода	82
Любовь к женщине	83
Трудный случай	88
Просто жить.....	91
Куб сомнений	95
Всемирная паутина	97
Борьба.....	100
Воспоминание	102
Луис Альберто.....	106
Почти фантазия	111
Музыка.....	113
Вымышленный герой	115
Мои герлз.....	119
Каждому свое	123
Миф	126
Жизненный период	129
Любовь	132

С. А. Зелинский
Каждому свое. Сборник повестей и рассказов.

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

О книге.

«За последние годы я усвоил мудрую истину: все девушки одинаково годятся, чтобы с ними жить. Берите любую, не ошибетесь». Э. Лимонов.

С.А.

Зелинский

Каждому свое

СБ.ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

2014

Каждому свое. Сборник повестей и рассказов.

Повести

Схожесть желаний

«За последние годы я усвоил мудрую истину: все девушки одинаково годятся, чтобы с ними жить. Берите любую, не ошибетесь».

Э. Лимонов.

Глава 1

Он подходил к пустым витринам.

Потом убежал от них... Подходил вновь.

Ему не верилось, что того, что он собирался купить – теперь не было. И предательская мысль, что этого уже никогда и не будет – закрадывалась в его голову.

Сначала закрадывалась медленно, с опаской, неуверенно. А потом, проникнув, уже начала (достаточно неприятно для него) свое господство.

--Хм... А ведь когда-то у него получалось от подобных мыслей избавляться,-- мужчина на миг задумался (даже как-то неестественно закатил глаза вверх), вероятно вспоминая то время. – Да. Тогда у меня получалось,-- улыбнулся он.— Наверняка получалось,-- проговорил он, уже немного неуверенно.

Конечно же, он помнил то время.

Можно даже сказать, что Сергей Аркадиевич Вышеславцев помнил всю свою жизнь. Хотя лично он бы, наверняка, поостерегся от каких-то категоричных выводов. И – утвердительных, разумеется. «Ничему нельзя верить»,-- вот некий девиз его жизни. Вернее,-- ставший таковым в последние лет десять (из его тридцати пяти лет) жизни.

--Почему нельзя верить?— Вышеславцев словно бы еще раз прошептал эти слова. Мучительные, в своем роде. Потому как – доставляли они ему самые мучительные раздумья. Раздумья, которые когда-либо только могли прийти в его голову.

Но он ошибался. Немного ошибался. И на самом деле,-- подобные мысли (схожие по мрачности содержания) достаточно часто приходили к нему. Настолько часто, что уже можно было чуть ли не утверждать, что вся его жизнь в последние годы как раз и состояла из подобных...

Мыслишек,-- как презрительно он позволял себе называть их. И в душе, должно быть, Сережа Вышеславцев с удовольствием бы и поборолся со всякой подобной нечистью, заполнявшей его мозги. Поборолся бы... Если бы...

Нет. Смириться он, конечно же, не мог. Смириться, – значит заранее признать, что дальнейшее противостояние лезущей в его голову «гадости» уже невозможно. И уже как вроде бы ничего и не остается, как...

--Черт-те – два! – вскричал Вышеславцев (и, должно быть, для достижения должного эффекта еще и выругался. Матом. Смачно и красиво вычеканивая фразы, от которых даже испытал какое-то внутреннее удовлетворение).—Вот же блядский рот,-- повторил он, и неожиданно вспомнил как совсем недавно к нему в кабинет зашла недавно им принятая на работу сотрудница, и только успела подойти к столу – тут же опустилась вниз, и принялась сосать его член. Его член тогда принял такие размеры, что Вышеславцеву казалось, что еще немного – и тот лопнет. Вероятно сказалось несколько недельное воздержание (когда он хотел что-то доказать себе, и намеренно не приглашал проституток, которые уже несколько лет обслуживали его. С того момента как Вышеславцев получил назначение, став вице-президентом фирмы, и теперь мог себе позволить некоторые дополнительные финансовые расходы). А может эта сотрудница, с ее пухлыми губами и каким-то уже изначально блядским выражением лица, будили в Сергее Аркадиевиче какие-то новые эмоции. И уж наверняка, вызывая сексуально-эротические переживания, базировавшиеся на схожих ассоциациях (точнее,-- являющиеся следствием их).

--Ты действительно блядь,-- сказал тогда в порыве страсти Вышеславцев (уже после того, как страсть была удовлетворена), а девушка почему-то обиделась. Ну, или, разыграла удивление,-- подумал тогда Вышеславцев, решив, что она это делает намеренно, чтобы он ей повысил зарплату.

Но зарплату он ей и так повысил. О необходимости повышения зарплаты ему сказал его шеф, который как раз и был президентом фирмы, и которому наверняка эта девица проделывала нечто схожее.

.....

--Минет ни к чему не обязывает,-- считала Лена Михайлова, первый раз попробовав сделать нечто подобное еще учась в школе, и неожиданно – выждав момент – припав губами к члену учителя географии. Тот видимо настолько опешил от этого, что тут же предложил девушке выйти за него замуж.

Через год, уже семнадцатилетняя Лена действительно вышла замуж за двадцативосьмилетнего учителя. И судя по тому, что ребенок у них появился лишь через пять лет после этого, можно было решить (ну, сразу скажем,-- решил так Вышеславцев, которому Лена

рассказала свою историю «любви»), что как минимум четыре года учитель получал исключительно оральное наслаждение (ну, может быть, конечно, с анально-генитальными вариациями. Это Вышеславцев допускал). И лишь только представил он это – как тотчас же вызвал по селекторной связи Михайлову, и уже без всяких сантиментов приказал сосать.

Потом он удовлетворил чуть иным способом свою страсть. И подождав пока Елена оправит юбку – смущенно уставился в окно. Ему всегда было почему-то стыдно, когда он использовал для собственного наслаждения какую-нибудь девушку. Уж очень явственно он начинал испытывать после этого чувство вины. И обычно только рюмка–другая коньяка спасала его. Ну, или, новая страсть. Или... или скандал.

Недовольство и как следствие этого – скандал – были еще одной страстью Вышеславцева. Ругаться он любил. Но стоило ему только начать ругаться, и уже достаточно трудно было остановиться. А, ругаясь, Вышеславцев испытывал настоящее наслаждение. Иной раз и несравнимое с тем, что рождалось у него в результате страсти.

.....

Лена тоже иногда думала. Но обычно старалась подобным себя не утруждать. И уже как оптимальную (и проверенную временем) защиту от неких мучительных состояний, которые нет-нет, да и начнут возникать в ее голове – она нашла в сексе. Ну, если быть еще точнее, в оральном сексе. И стоило только какой-нибудь «гадости» начать крутиться в ее голове, как Лена тот час же поводила глазками. Находила какого-то мужчину (ну или женщину, если уж совсем не оказывалось поблизости мужиков), и без всякой предварительной подготовки – опускалась перед ними на колени, и принималась сосать. А сосала она так, что у всех, с кем хоть раз Лена проделывала подобное – «вставал» -- уже от одних воспоминаний. (А кто-то чуть ли и не кончал, вспоминая ту бурю страстей, которая разыгрывалась когда-то).

.....

Носила Лена ярко красные короткие волосы. Была худенькая, невысокая, с торчащими в разные стороны «озорными» грудками, подтянутым животом и ягодицами,-- ну и вообще-то фигурой она была обязана почти двенадцатилетним занятиям художественной гимнастикой (была даже призером первенства Европы).

.....

Виктория зашла в кабинет, окинула сквозь очки обстановку, села в кресло, и только тут почувствовала, что по настоящему устала.

Это была высокая, сорокапятiletняя женщина (выглядевшая на «начало тридцати»), как мы уже заметили -- в очка, с красивым, и даже больше строгим и властным лицом.

Больше всего на свете Виктория любила когда ее «брали» сзади.

Испытывала она тогда настоящее наслаждение. И успев «кончить» несколько раз,-- всегда с удовольствием успевала еще раз, уже только от одних воспоминаний об этом.

Нет, конечно, секс был не одной ее радостью. Быть может ее «радостью» еще были двое детей (мальчики учились в Англии, где сейчас жил бывший муж, который когда-то был бизнесменом в России, и развод с Викторией у него совпал с попыткой возбуждения против него уголовного дела. От прокуратуры удалось откупиться. Но он внял совету майора, занимающегося его делом, и уехал на Запад. А через время забрал с собой и детей. Учиться. Мальчикам было по пятнадцать, и после колледжа они должны были поступать в университет. Там же, в Лондоне).

Виктория наконец-то могла признаться, что довольна своим назначением. Теперь всю пресс-службу крупной компании курировала исключительно она, Виктория Олеговна Зехер. (Немного неприличная была у нее фамилия, но Виктория к этому привыкла. Да и каким-то образом, проблемы с мужиками у нее никогда не было. Те словно подсознательно понимали, что женщина с такой фамилией просто не может постоянно не думать о сексе).

Но она о нем и не думала.

Она жила им.

И наслаждалась настолько, насколько это было возможно.

И каждый раз – был словно последний. И после каждого раза – хотелось еще. И она, в общем-то, никогда себе в своем желании не отказывала.

.....

Вышеславцев, в общем-то, женщин не любил.

Но это скорее было как-то внешне. Об этом он мог говорить в кругу своих друзей (как ни странно,-- с его-то мрачным и нелюдимым характером,-- у него было много друзей). Или, например, признаться самому себе.

Тогда как стоило только рядом с ним появиться какой-нибудь женщине, и Вышеславцев уже думал, что неплохо бы ее... Ну,-- трахнуть! Черт побери. Конечно же, трахнуть. И для него не было

при этом деления женщин на красивых или некрасивых. Они были для него – женщинами. А он – мужчиной. И...

Не любил подобные состояния Вышеславцев. Ох как не любил. Они словно бы говорили о его слабости. А ему так хотелось считать себя сильным. Но...

.....

Большей частью Вышеславцев, конечно, мечтал о женщинах. И страсть, которой он с ними предавался – была главным образом страстью – виртуальной. Даже, быть может, неестественной для него. Ну и «неестественной», конечно, по способу ее удовлетворения.

А удовлетворять свою страсть Вышеславцев любил в сугубо «извращенных» формах. Используя чуть ли не весь арсенал секс-шопа (почти четверть своих доходов Вышеславцев тратил на то, чтобы весь этот «материал» приобрести).

Ну и к тому же Вышеславцев отчасти был еще и «голубым». Хотя и на это утверждение (оброненное кем-то) не соглашался. Признавая себя, в крайнем случае, лишь бисексуалом. Хотя кто-то сказал ему, что мужчинам он отдается даже с большей страстью, чем имеет женщин. Но Вышеславцев тут же прекратил любые отношения с этим человеком. В душе (себе-то он мог признаться почти что «во всем») испугавшись, что это действительно так. Хотя и словно бы в оправдание Вышеславцеву можно было заметить, что ни с одним мужчиной он не спал – без женщин. И чаще всего в него «проникали» уже после того, как он «входил» в женщину.

Но это уже и на самом деле было то наслаждение, которого Вышеславцев бы не лишил себя ни при каких условиях. Хотя ему и неудобно было об этом вспоминать.

Глава 2

Почти без всяких сомнений Лена Михайлова влюбилась в Викторию Олеговну. И это было для нее столь неожиданно (эпизодические оргазмы с женщинами еще никогда не заканчивались любовью), что несколько дней Лена ходила несколько смущенной и подавленной.

Но ее действительно хватило только на несколько дней. А потом она честно призналась гражданке Зехер, – что любит ее. И попросила ответной любви.

Пришел черед смущаться Виктории Олеговне. Но ей уже было сорок пять. И она решила: а почему бы, черт возьми, и не попробовать?! Но все же поставила единственное условие: рядом с ними должен быть находиться какой-нибудь мужчина.

Мужчин на это «дело» долго искать не пришлось. Но женщины почти единогласно остановились на кандидатуре Вышеславцева. И вдвоем вошли к нему в кабинет (все трое работали в одной фирме) – предложив «попробовать».

Вышеславцева на миг чуть не парализовало.

А потом он попытался овладеть ими здесь же.

Но в условия Виктории это не входило. Поэтому они ограничились только минетом Лены (которая сделала это с большой радостью), и договорились встретиться. Позже. И у кого-нибудь из них дома.

Так как у Лены Михайловой дома был муж (который в этот момент,-- предположила Лена,-- мастурбировал, лежа на диване и просматривая какой-нибудь видео-порно-сюжет), а Вышеславцев не мог был никого привести, потому что у него была ревнивая соседка (которая ему периодически «отдавалась», дождавшись пока ее муж уйдет за каком-нибудь пустяком – спички, сигарета, рюмочка коньяка – и спускавшаяся с верхнего этажа на нижний,-- Вышеславцев жил под ней), то решено было «предаться страсти» в квартире Виктории Олеговны Зехер.

Что они, в общем-то, и сделали.

.....

Не сказать, что Вышеславцеву не понравилось. Но он испытал какие-то двойственные чувства. А когда принялся анализировать произошедшее, то понял, что все дело вероятно в том, что и Лена и Виктория – заметно отличались по своему характеру.

Лена... Лена была словно бы заранее – согласна на все. Любые сомнения она трактовала в пользу мужчины. Старалась всецело ему принадлежать. И не выказывать своим поведением у него недовольства.

Виктория же – наоборот. Большей частью была недовольна поведением мужчины. И ей отчего-то казалось, что мужчина в своих фантазиях – трахает не ее, а какой-то (неведомый ей) образ. Образ совсем другой. Быть может даже чуждой ей женщины.

И если поначалу она «заводилась» как раз от этого,-- то потом словно бы наступило разочарование. А бывшее наслаждение от секса – могло и вовсе сойти на нет.

--Истеричка она,-- подытожил свои размышления Вышеславцев. Но вспомнив как она выгибала спину, чтобы он максимально глубоко вошел между ее ягодиц (очень даже упругих таких холмиков,-- сладострастно закатил глаза Вышеславцев),-- он вроде как уже готов был ей и все

«простить». Тем более Виктория уже чуть позже (Вышеславцев еще находился «в ней») припала губами к тому месту, которое Лена, раздвинув ноги в шпагате, приготовила словно бы для нее (ну или для Вышеславцева, который «зашел» туда чуть позже), и Сергей Аркадиевич, скашивая глаза в стремлении «поймать ракурс», кончил, наверное, так, как до того редко когда кончал. И за это он тоже мог простить многое. А может уже действительно и «все». Тем более, что уже понимал, что тот негатив, который привиделся ему – и на самом деле должно быть привиделся. Показался. Фикция это было все. Неправда. Тогда как «правдой» было то, что эти две женщины – принадлежали ему. И он бы, наверное, мог с ними делать все что хотел.

А если не делал,-- то причину в первую очередь следовало искать лишь в его комплексах.

Да и ведь на самом деле,-- «закомплексован» он был – ужас как. Порой пугаясь сам – себя. Но еще больше – пугая других. И в такие минуты казалось ему,-- что может, и жить-то не стоит (чтобы так-то мучиться!).

Но Сергей Аркадиевич пересиливал себя.

На время успокаивался.

А потом, как вроде бы, все начиналось снова. И уже, конечно же, ничего с собой поделатъ он не мог.

А жить так дальше – не хотел.

Но... словно бы был вынужден.

И понимая, что все условия судьбы словно бы принимает не сам (не сам по себе), а вследствие того, что так, вроде бы, быть должно,-- только тогда Сергей Аркадиевич Вышеславцев по настоящему успокаивался. И какое-то время был действительно спокоен.

Пока какая-нибудь очередная «глупость» не набрасывалась на него. А ему не приходилось все «начинать сначала».

.....

Виктория была не такая.

У нее, наверное, совсем не было схожести с Вышеславцевым. Да и разве должна быть какая-то схожесть? Она словно бы жила своей жизнью. И если периодически что-то и «накручивала» себе, – то совсем не видела в этом причины к каким-либо переживаниям. Не только воспринимая все – «как должное»,-- но и уже заранее ища какие-нибудь компромиссы. Чтобы чего-то похожего (в дальнейшем) – не повторялось.

Нет, конечно, она была подчинена страсти. И знала об этом. Но еще вернее, -- что это все происходило с ней как бы «между прочим». А то и – очень даже «ненавязчиво». Так, что если даже Виктория Олеговна и не в силах больше была сдерживаться, не ощутив как нечто упругое и живое проникало между ее ягодиц, – то она это воспринимала больше даже с улыбкой. Как нечто – «само собой разумеющееся». И в то время, когда мужчина ждал благодарности, мол, как он ее! – она-то как раз – как ни в чем не бывало, а то и несколько даже удивленно – смотрела на него. Так, что на лице мужчины последовательно проступали: удивление, смущение, негодование... А она (может даже и с подсознательной любовью) смотрела на него, недоумевая: что это он? Так-то реагировать!? Ведь «по ней» -- ничего особенного и не произошло. Ну – оттрахали ее! Ну – быть может даже и «отымили» «по полной программе». Ну и что?! Что нового-то?! А тем более – что тут может быть удивительного для нее?! Лет с четырнадцати ей уже нравилось заниматься этим. А с пятнадцати, – так она и вовсе несколько лет (до своего первого замужества; всего Виктория выходила замуж пять раз) практиковала почти исключительно групповой секс. И испытывала при этом несказанное удовольствие! Словно бы и не зная (а должно быть, и действительно не зная), -- что может быть лучше этого?!

Виктория любила секс. И он платил ей взаимностью.

.....

Лена с неким пиететом относилась к занятиям любовью. Считая это – неким «таинством». Что не мешало ей, впрочем, при первом возникновении желания – припадать к члену мужчины (чаще всего – хоть немного знакомого мужчины). Удовлетворяя свою страсть. (Окончательно страсть удовлетворялась – когда мужчины разряжался ей в рот своим содержимым «желания»). И быть может покажется удивительным, – но Лена нисколько не комплектовала по поводу необходимости удовлетворения собственной страсти. И при этом (вот она – загадка!) -- испытывала настоящее уважение к сексу. Считая его... Ну это для нее всегда делом было важным и возвышенным. Нужным. Конечно же, нужным.

Глава 3

Сергею Аркадиевичу Вышеславцеву по большому счету было наплевать на все, что происходило вокруг. Вернее – он все время собирался себя приучить – «привыкнуть» к такому отношению. Тогда как на самом деле – все было почти с точностью наоборот. И порой несколько лет он мучился, переживал, пытался, быть может, даже «приспособиться» к внешним обстоятельствам. Неким внешним обстоятельствам. Которые словно бы «сами по себе» --

«набрасывались» на него. И он (не в силах «принять игру») – поддавался им. Сникал, разумеется. И плакал. Плакал от боли – собственного непонимания. Непонимания этого самого окружающего мира. Который, казалось, был настроен по отношению к нему – исключительно отрицательно. А то и враждебно. Очень даже враждебно.

Сергей Аркадиевич чувствовал это.

Переживал из-за этого.

И, разумеется, ничего не мог с этим поделать. То есть, уже получается, как бы – был неспособен.. Переживая и расстраиваясь, в том числе, и из-за этого. Но что он мог поделать? Действительно, неспособен был что-либо поделать. Ни-че-го.

Но считать так – значит, по сути, ошибаться уже изначально. (И должно быть сознательно).

Ведь где-то в глубине души – видимо даже сам Вышеславцев – считал уже иначе. И словно бы «подтягивал» то восприятие действительности (будем условно считать – некую проекцию мира внутреннего,-- к миру внешнему), которое было у него внутри (таясь где-нибудь в подсознании),-- к миру... к внешнему миру, в общем. И выходило, что словно бы и уже оправдываясь за то, что это происходит так – Вышеславцев именно этого и желал. Как раз этого и желал. Полагая, что то, что происходит с ним сейчас – ну, как бы только сейчас и происходит. И это не значит, что так будет всегда. Постоянно. Всегда. Хотя?..

Нет. Вышеславцев понял, что запутал сам себя. Ведь такого на самом деле происходить не должно. Просто не могло так все происходить. И уже почти однозначно – требовалось что-то менять. Вносить коррективы. Пытаться, быть может, как-нибудь иначе скомпоновать жизнь. Заставляя событийные моменты этой самой жизни – корректировать... Нет. Наверное даже – втаскивать в узкие рамки (достаточно узкие рамки) действительности. От которой он все время стремился куда-то сбежать. Словно бы уже изначально опасаясь принять на веру происходящее. И словно бы...

--Черт побери,-- выругался Вышеславцев, понимая, что сейчас он себя уже запутал окончательно.

--Ты что-то сказал,-- Анжела слегка приподнялась на локте (так, что пробивающаяся из полуночного окна луна выхватила ее грудь и часть лица, на котором сохранилось умиротворенное выражение присущее Анжеле когда она спала), заспанными глазами всматриваясь в темноту комнаты.

Вышеславцев, было, испугался, что невольно потревожил сон девушки, как вдруг засмотрелся на нее, вероятно, увидев в ней что-то такое, что он раньше и не замечал. Ну, или, просто не обращал внимания.

Чтобы не пускаться в новые раздумья (вызванные неожиданно открывшимся «видом»), Сергей Аркадиевич нырнул под одеяло к Анжеле, прижав ее обнаженное тело к своему, и тут же почувствовал постепенно «просыпавшееся» в нем желание.

--Ты хочешь? – осторожно шепнула девушка, но мужчина не дал ей договорить, уже всасывая в себя ее плоть, уткнувшись головой между ее ног, и слегка поддерживая ее бедра руками.

...Дождавшись пока девушка начнет извиваться, то сжимая, то разжимая пальцами его кучерявую голову, Вышеславцев медленно приподнялся на локтях, и вошел в нее. «Место» уже, как говорится, было «подготовлено», поэтому, скользнув меж ее раскрывшихся от «желания» «губ», орган любви Вышеславцева (хороший такой «орган»; крупный, длинный и горячий) вошел почти до упора. Девушка, застонав от неожиданности (до этого никогда «полностью» он в нее не входил), крепко обхватила ягодицы мужчины своими ступнями, словно бы приглашая к дальнейшим действиям.

Но он совсем не собирался «отступать». А наоборот, начал медленно набирать обороты. То на миг приостанавливая движение, и словно бы замирая на месте, то пускаясь с новой силой отбивать свой чудовищный ритм внутри жаждущей подобного женщины.

Анжела исходила на крик, кусая губы, подушку, слипшиеся волосы, самого Сережу Вышеславцеву (как она называла его в порыве страсти),-- тогда как в обычной жизни, студентка второго курса Анжела Турина, конечно же, не могла назвать своего преподавателя по имени: Вышеславцев два раза в неделю читал лекции на факультете журналистики), и все не могла и не могла насладиться тем удовольствием, внутри которого давно уже купалась, и которое до сих пор еще – все нарастало и нарастало в ней.

А Вышеславцев, на удивление, был абсолютно спокоен. Со своими студентками он вообще всегда был спокоен. Хотя и ему уже давно хотелось съесть стонущую в страсти под ним девушку – целиком. Как бы проглотить ее. Или, обсасывая, медленно поглощая ее. Всасывая, опять же, в себя. И при этом, разумеется, наслаждаясь и самим процессом, и впечатлением, которое он оказывал своими действиями («умелыми действиями»,-- похвалил себя Вышеславцев) на девушку.

Ей было восемнадцать. Ему – тридцать пять. Она хотела выйти за него замуж. Он... Уже примерно десять девушек и женщин хотели выйти за него замуж. И он даже не задумывался: почему именно за него? Быть может даже, он это внушил себе. А может так было и на самом деле. Не задумывался об этом Вышеславцев (хотя о чем-то думал он постоянно). Тем более боялся

думать сейчас. Ведь с его нервной системой – могло и желание пропасть. А ему все же очень нравилось удовлетворять женщин. Заставлять их извиваться под ним. Стонать от наслаждения, опять же,-- даримого им. И он даже внутренне поднимался от этого в своих глазах. Чувствовал себя после этого невероятно хорошо. Даже можно сказать – замечательно. И...

Вероятно, так происходило от того, что для таких людей как Вышеславцев – доминирование любого рода,-- есть ни что иное, как повышение внутренней уверенности (того, что им-то как раз всегда и не хватает).

Конечно, можно было сказать, что в этом и не было чего-то хорошего.

Даже вообще, может быть, было в этом что-то и не хорошее.

Но Сергей Аркадиевич Вышеславцев был именно таким человеком. И по настоящему наслаждение получал именно тогда, когда чувствовал, что кто-то находится в некоей зависимости от него. Пусть эта самая зависимость, может на самом деле и не зависимость вовсе. Да и по настоящему зависимость (если все же мы будем допускать, что это зависимость. Но вдруг, как говорится...).

Но ведь так выходило (и ранее мы уже говорили об этом), что уж достаточно явственно в Вышеславцеве прочитывалась садо-мазохистская ориентированность. Этого не только в Сергее Аркадиевиче было, как говорится, «не отнять», но и уже именно это практически достаточно явственно выражало именно его мировоззренческую позицию. И взгляд на мир как раз сочетался в подобных инсинуациях психики. Когда он уже и не мог с собой ничего поделаться. А словно бы даже действительно внутренне наслаждался именно этим. Именно подобным отношением к действительности. Которая, конечно же, и сама относилась к нему подобным образом.

.....

Конечно, Вышеславцев понимал, что он, быть может, во многом и не прав. Допускал, что должен измениться.

Но это – что касалось его жизни, как говорится, в целом.

Там же где «царил» секс – Сергей Аркадиевич меняться не хотел.

Считая это, как минимум, излишним. А по большому счету, – и вообще не хотел об этом говорить. Незачем ему было об этом говорить. Потому что он допускал, что в своих интимных отношениях он мог делать все что угодно. На то эти отношения и были как бы изначально скрыты от глаз окружающих. Да будь Вышеславцева воля,-- он бы и вообще скрыл все от глаз этих самых «окружающих». И скрылся сам. Чтобы совсем никого не видеть. И не думать,-- как кто-то будет относиться к нему.

Незачем ему было это.

Незачем.

Да Вышеславцев и сам понимал то.

Глава 4

И все же уже несколько дней Сергей Аркадиевич Вышеславцев не мог отделаться от мысли, что он должен неким кардинальным образом изменить свою жизнь.

Сделать так, что он – хотя бы на какое-то время – «потерял» себя.

Словно бы «уснул» -- а потом проснулся, и себя – не узнал.

И ведь не мог он измениться за такой короткий момент. Понимал это. Но... С другой стороны не было ничего (в самом себе), что он бы хотел оставить. Он не нравился себе. Ему неожиданно перестало в себе нравиться абсолютно все. И он хотел изменений.

Он жаждал их. Как когда-то хотел глотка воздуха, нырнув как-то, будучи на море, на дно, и не рассчитав силы – чуть не утонув.

Вышеславцев жаждал изменений. Хотя каких-нибудь. Ему хотелось, чтобы хоть что-нибудь пошло совсем иначе. По другому. Стремился к этому. И, по сути, ничего не делал.

Ну, то есть, Вышеславцев жил как и раньше. В мечтах, и периодически выдумываемых «заботах».

И, в принципе, его это устраивало.

Но такой уж он был. Что уж тут еще добавить...

Хотя, по сути, сам бы Сергей Аркадиевич Вышеславцев мог (к самому себе-то!) добавить массу любопытных вещей. Ну, например, что помимо всего прочего – был он еще и жуткий пьяница. И, бывало, пускаясь в загул от «случайно» выпитой рюмки водки (ну или коньяка, как он любил; коньяк, заметим, Вышеславцев действительно любил),-- Сергей Аркадиевич не мог остановиться неделями (обычно две-три недели хватало, чтобы пропить все финансовые средства, которые к тому времени накопились – и, горестно вздохнув, заставить себя зарабатывать новые).

Можно сказать, что Вышеславцев действительно умел «останавливаться».

Видимо можно даже сказать, что «останавливаться» -- он любил. И уже даже когда пил (ну, этак, дня три-четыре, быть может пять,-- уже пил) у Вышеславцева появлялось предчувствие, что скоро он «остановится».

Да и не «останавливаться», собственно, было невозможно. Ведь он был загульный человек. И если уж начинал пить, – то должен был пить, как говорится, до конца. Пока не падал вусмерть пьяный (и приходилось откачивать его «капельницей»); ну или когда уже заканчивались деньги.

Стоит признать, что когда заканчивались деньги, Вышеславцев тоже прекращал пить. Но уже как бы – вынужденно. Очень, быть может даже, переживая за это.

Но тут уже стоило только развести руками. А как же еще иначе? Пить-то без денег,-- было почти невозможно.

Вернее,-- если и возможно,-- то откровенный суррогат. Ну или напрашиваться к кому-нибудь – чтобы напоили.

Но напрашиваться Вышеславцев не любил.

Он вообще относился к себе очень даже... Ну, в общем, себя Вышеславцев любил. А иной раз – и очень даже любил.

Ну и тем более, не терпел он, чтобы – хоть в чьих-нибудь – глазах выглядеть совсем уж... таким негодяем. Хамом. Разнуздальным... мошенником.

Нет. Сергей Аркадиевич Вышеславцев был не такой. А он, может даже, и вообще был степенный человек. И к каким-то аналогиям, касаемым своего «поведения» -- (всегда) относился очень даже отрицательно.

Да и зачем это ему было? Ведь он понимал, что жить ему осталось немного. (Он все время каким-то удивительным образом тянулся к смерти). И не хотел, чтобы хоть чем-нибудь (и хоть когда-нибудь) у него вышло запятнать свою жизнь,-- ну, имеется в виду: поступки в этой жизни,-- чем-то уж совсем нехорошим.

Не такой был Сергей Аркадиевич.

Уважительно относился он к себе.

И как бы рассчитывал, что уважительно к нему будут относиться другие.

.....

Из всех женщин Вышеславцева – самым, что ни на есть, неуважительным образом к нему относилась только Виктория Олеговна Зехер.

Но именно Виктория научила Вышеславцева относиться «почтительно» к женщине. И она его избивала... ремнем, обычно.

Между ними было всего десять лет разницы, и Виктория Олеговна почему-то всегда относилась к нему очень даже покровительственно.

Что совсем не нравилось Вышеславцеву.

Но что он (словно бы «вынужденно») терпел,-- потому как знал, что – уже после этого – Виктория позволит вытворять с собой все, что он захочет. Быть может и зная наперед, что независимо от его желания, он «захочет» только одного: «разложить» ее на диване, раздвинуть ей ягодицы, и предварительно окунув свой член во влагалище (которое к тому времени уже будет исходить соками любви),-- вести свой мужской (и ужасно эрегированный,-- как и любила Виктория) орган – ей в зад. А как только проникнет он почти до конца (ну а может и до конца?!),-- Вышеславцев начнет буровить ее и буровить; буровить и буровить; буровить и буровить... Пока не кончит.

Притом, что она к тому времени кончит уже несколько раз.

А он, зная, что ей этого «все равно мало» (да и она была ему благодарна за это, зная, что это действительно так),-- вставит ей еще туда же, откуда вынет свой – уже поникший – член,-- еще и фало – вибратор. И задав тому нужный режим – поможет женщине «закончить» еще несколько раз.

...Она всегда ему бывала благодарна за это.

И он, как ни странно,-- бывал благодарен ей тоже.

И можно было сказать, что они были счастливы,-- от такого вот «сотрудничества»

Да и, наверное,-- не рассматривали это как-то иначе. Ведь в обычной жизни они друг друга может даже и ненавидели. Словно опасаясь – друг в друга влюбиться.

Да и было им кого любить.

Вышеславцев – любил молоденьких девиц.

Она,-- в свои сорок пять,-- любила тоже молоденьких. Но уже мальчиков. Хотя и девочек, в общем-то, тоже. Пусть и не всех. Но вот, например, с Леной Михайловой – ей очень даже понравилось. И после того их совместного случая (когда Вышеславцев был «третьим»),-- они встречались еще и вдвоем. Причем, Лене-то нравилась одна, в общем-то, форма сексуальных забав. И она, дождавшись, пока Виктория Олеговна усядется прямо на стол,-- заползала ей своими губами

прямо под юбку,-- и выделявала там такое,-- от чего Виктория Олеговна Зехер – кончала, кончала, и кончала. Заставляя кончать и Лену. Потому что у Лены так уж повелось,-- делала она кому минет или куннилингус – она кончала почти одинаково, чем, если бы тоже самое делали ей.

Ну, это уже особенности ее, Лены, сексуальной жизни.

Хотя, заметим, прямое начальство Лены было очень даже не против такого исполнения Леной своих дополнительных «обязанностей».

Да муж Лены был только «за».

Хотя и от мужа уже давно было лишь одно название.

И совсем не удовлетворял он Лену уже давно.

Но вот как раз мужа – она почему-то любила. И даже совсем не знала «почему»? – но любила. И...

.....

--Скажи,-- Вышеславцев навис над открывшим ему дверь своей квартиры мужем Лены Михайловой («муж», не ожидая увидеть Вышеславцева, присел от неожиданности).

--Скажи,-- Вышеславцев пустился с ходу в карьер,-- ты отпустишь свою жену со мной в круиз?

--Ка-кой кру-из?—опешил «муж» Лены Михайловой.

--Отвечать: да или нет!? – закричал Вышеславцев.

«Муж» неожиданно заплакал.

Вышеславцев переступив через него, прошел в квартиру.

Иногда на Сергея Аркадиевича «находило».

И тогда он становился груб и невежественен.

--Вы... Вы...-- пробовал что-то сказать «муж», и... не мог. Наверное, он совсем забыл, что он должен сказать. А еще больше – ему и вовсе не хотелось ничего говорить. И он---

--Значит,-- ты отпустишь со мной свою жену! – подытожил, развалившийся в кресле Вышеславцев.

--Нет,-- неожиданно твердо произнес «муж».

--Ну, -- нет, так нет,-- усмехнулся Вышеславцев.—Я так и думал. Я, в принципе, так и думал,-- о чем-то задумавшись, повторил он.

--Нет, погодите,-- совсем растерялся «муж».—Если Вы полагаете---

--Я уже ничего не полагаю,-- перебил его Вышеславцев.

--Нет, ну Вы же только что сказали...-- настаивал на своем «муж».

--Я ни на чем не настаивал,-- ответил Вышеславцев.—Просто у Вашей супруги намечалась командировка. Вместе со мной и еще одной нашей сотрудницей («ее непосредственной начальницей, между прочим»,-- добавил Вышеславцев). Ну а если Вы ее не отпускаете, то мы вынуждены ее заменить. Спасибо что предупредили.

--Но ведь я---

--Да ладно,-- махнул рукой Вышеславцев, собираясь уйти (и на миг задумавшись: с какого бока следует огибать стоявшего в растерянности перед ним «мужа» Лены Михайловой? Справа или слева? Совсем дурацкая дилемма. Но с Вышеславцевым такое случалось).

--Нет, нет, я ведь правда Вас не понял,-- обеспокоился «муж» его любовницы («сказать – не сказать, что я с ней сплю»? – промелькнуло в голове Вышеславцева).—И я готов---

--Да ни к чему Вы не готовы,-- рубанул рукой воздух Вышеславцев (иногда он становился очень даже решительным).

--Не готов? – переспросил «муж», который, казалось, уже и вовсе ничего не понимал.

--Не готов! – уверенно ответил Вышеславцев.

--Ну, быть может, и не готов,-- смущенно (опустив вниз глаза) согласился «муж».

--Вот и я о том,-- подытожил Вышеславцев.

--А если---

--Что?!

--Ну---

--Что, говорю?!

--Нет, ничего,-- окончательно признал свое поражение «муж».

--Да в том-то и дело! – усмехнулся Вышеславцев, и потеснив – тут же посторонившегося – «мужа» -- вышел из квартиры.

У «мужа» Лены Михайловой появилась идея зачем-то догнать его. И никуда не отпускать. Понимая, что это, по сути, глупо – он остался стоять на месте.

Настроение было испорчено. Осталось дожидаться жену – и попытаться хоть что-то – выяснить у нее. Ну, в том случае, если, разумеется, она захочет чем-либо с ним делиться. И вполне могло так получиться, что совсем не захочет. А может и просто – пошлет его к черту. Несмотря на молодость – Лена это себе позволяла. Да и «муж» ее – в общем-то,-- любил ей подчиняться.

Ну так уж выходило,-- что подчинялся он ей всегда. Находя в этом даже какое-то удовлетворение. Так-то вот...

А Вышеславцев думал о том, что с «мужем» Лены – он ни о чем так и не договорился. Хотя, по сути, он и не знал сейчас,-- о чем должен был с тем «договариваться»? Ведь все что касалось и командировки, и круиза – он выдумал. Но иногда ведь он действительно что-то выдумывал. Как вроде бы – и неизвестно почему...

Глава 5

Конечно, Вышеславцев догадывался, что свою жизнь он проживет совсем не так, как она, быть может, того заслуживает. Ну, в смысле, что заслуживает он, быть может, как раз большего. Но если разобраться, ведь он и не знал ничего. О своей жизни. И ему лишь только иногда казалось. А мало ли что нам вообще кажется?

Но все же Сергей Аркадиевич Вышеславцев был, конечно же, не такой. И ему, по сути, действительно было на многое наплевать. А еще вернее – так приучил себя он сам. И стоило лишь только раз попробовать ему подобное отношение к жизни, – как оно ему понравилось. И он даже больше и не думал как будто бы и не о чем. А стремился уже при любом случае достичь именно такого взгляда на жизнь. Да и смотрел на жизнь наверное...

А ведь смотрел-то он на жизнь под неким раскосым углом. Косым, короче... Но косым как бы на половину. Хотя мир, разумеется, видел в достаточно искаженном варианте. И даже может быть – видел лишь частицу мира. Того мира, который открывается всем нам. Но это уже была специфика его взгляда...

.....

Анжелике же казалось, что она Вышеславцева любит. Ну, быть может конечно, она себе это внушила (это вполне можно допустить, если узнать Анжелику чуть поближе. Хотя вот что касается «ближе»... Ближе, как вроде бы, и не рекомендовалось).

Но проходило время. Анжела убедила себя, что она действительно влюбилась в Вышеславцева. И она немного расстраивалась, что он в ней видел только объект сексуальных наслаждений («напившись – об этом ей сказал сам»). И это конечно немного огорчало скромную (в общем-то,-- скромную) девушку. Ведь и спала-то она, быть может, только с одним Вышеславцевым (двое других приятелей, которым Анжела периодически «давала» -- были как будто «не в счет»). Любви по отношению к ним не было).

И уже можно вообще было заметить, что – то, что касалось Вышеславцева... Ну, скажем, производил он такое впечатление, что если кто с ним «спал» -- то это было как бы только «по любви». (По мнению тех, кто с ним «спал»). И женщины влюблялись в Сережу Вышеславцева. И готовы (всегда готовы!) были ему отдать «самое дорогое».

Ну а так как «самым дорогим» для них было то, что у них было между ног (ну или еще в паре мест, куда очень даже любил «проникать» Вышеславцев),-- то и получалось, что «даря» нашему герою сексуальные наслаждения – эти девицы немного расстраивались, замечая, что он как будто бы смотрит куда-то еще и «на сторону». (В сторону он смотрел и потому, что был от природы косоглаз. И потому, что ему действительно всегда хотелось «кого-нибудь еще». Этакая полигамия... От него, быть может, даже и независаящая.

А еще Вышеславцев был извращенцем. Страшным и жутким в порыве своего сексуального безумия. И если у него уже действительно «вставал» -- то готов был трахаться он без устали. (А быть может и на самом деле – не уставая...).

.....

И все же Сергей Аркадиевич Вышеславцев чувствовал, конечно, какую-то неудовлетворенность. Постоянную. Которая базировалась, конечно же, на жизненной неустроенности. Ощущении какой-то собственной ненужности. И... Он не знал, как ему быть дальше. Хотя, конечно же, Вышеславцеву так дальше жить, быть может, и не хотелось.

Будь на то его воля – он вообще бы стал жить как-то иначе.

Но... он не знал как...

И это была его самая серьезная проблема.

От которой он совсем и не знал как избавиться.

А надо ли?..

02 мая 2006 год.

повесть

Знак вопроса, или почти психопатология

«Никто не обольщай самого себя: если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым»

1 Кор. 3:18

Глава 1

Человек шел по улицам дождливого города. В его сознании давно уже были действительно дождливые (серые, размывачатые, невзрачные) и улицы, и проспекты, и дома, -- но самое печальное – люди. Все жители городка казались ему такими. Спросить, было ли такое ощущение в другом городе? (мужчина жил в этом городе уже несколько лет; но до сих пор считал себя приезжим), -- так, и ответить бы он утвердительно не смог. Просто не размышлял он как-то об этом раньше. Думал о чем-то другом. Но о чем – тоже не сказал бы сейчас...)

Какое-то непонятное чувство разливалось внутри него. Было все непонятно, неосознанно, неузнаваемо. Не...

Непривычные очертания предметов, казалось, совсем недавно потеряли свою актуальную значимость.

А может они и такими были всегда...

Глава 2

Совсем не хотелось никого узнавать. Тем более встречаться, или заново знакомиться.

И уже как бы само собой, сказать куда шел – он не мог. Ни он, ни кто другой.

Но здесь еще не было такого уж серьезного ощущения опасности. С Мерлихом (Мерлих Борис Донатович – его полное имя) такое случалось и раньше. И придавал какое этому серьезное значение он только вначале. А начало было уж лет как десять, пятнадцать назад... И с тех пор как будто свыкся. Ну, или, – должен был (наверняка), свыкнуться с подобным положением. И уж нисколько (зачем?) – не переживать и не расстраиваться по поводу того.

Да, пожалуй, и не было этих чувств сейчас у него. Потому как он шел, даже, казалось, совсем выверено. Ну, в смысле, по достаточно проторенному (в подсознании) пути. Пути, известному ему одному. И... неизвестному совсем.

.....

Подобные походы всегда заканчивались чем-то страшным. Кошмарными сновидениями, например. Или галлюцинациями.

Он тогда с суматошной поспешностью вбегал в специально предназначавшуюся для того комнатку коммунальной квартиры (где проживал один, и среди восьми комнат – две были его).

Сколько раз после он переполнялся невероятной благодарностью неизвестным архитекторам, спланировавшим постройку его трехэтажного домика таким образом, что комната, где жил Борис Донатович, каким-то загадочным образом выпирала с угла так, что ни под ним, ни сверху, не было соседей, но и за стеной также соседей не было; потому как размещались комнаты Мерлиха одна за другой («словно паровозные вагоны», – любил он шутить, когда бывал – бывал, бывал, иногда, действительно бывал – в добром расположении духа), а к их дому вплотную примыкал семиэтажный дом (тоже старой постройки, дореволюционный, Санкт-Петербургской...).

.....

Еще до приезда своего в этот город, Мерлих порывался вплотную заняться изучением его истории. Но как-то все время откладывал. А теперь уже, и не досуг было. Потому как...

С суматошной поспешностью Мерлих забежал (пробегая через одну комнату – в другую) в свою квартиру. В затуманенном сознании задерживались (полу-занавешанные, полу-сорвавшиеся с «собачек») шторы (они шли тремя рядами, чтобы скрыть любые просветы света). И не успевал Мерлих уже подумать ни о чем, как тело совсем отказывало ему; нарушалось притяжение земли, и совсем теряя способность находиться в пространстве, поддавался он тому рою, что уже заполнял его... сознание?... подсознание?... – и... попросту не помнил (он) уже ничего.

(Заметим, что просыпался – если посчитать уместным какое сравнение со сном – Мерлих полу – на полу, полу – на кровати, или же попросту свесившись с нее, или же оказавшись под ней.)

Что было делать ему? Как справляться с наверняка начинавшимся безумием? Да и надо ли было справляться? Не лучше ли было подчиниться этому суматошному бегу совсем отчаявшихся мыслей? Или, быть может, затолкав поглубже желание что либо предпринимать,-- просто подчиниться закону... (Если то, конечно же, можно было уподобить какому-нибудь закону.)

Глава 3

Борис Донатович Мерлих был 43-хлетним ученым, некогда – физиком-ядерщиком, кандидатом наук – на четвертом десятке лет жизни изменившим судьбу, и после оставления НИИ, где до того работал, ставшим философом.

Удивительный (для всех знакомых; отчаявшихся урезонить неугомонное дитя -- родителей: папа – профессор математики, мама – филолог – переводчик; обеспокоенных – «явным помешательством Бореньки» -- родственников...) поворот в некогда стабильных, как считали все, жизненных планах Мерлиха, по всей видимости, был понятен только ему.

По крайней мере это не вызывало в его душе каких-то сложных чувств, как то: беспокойство, тревога, помешательство... Потому как, по мнению разом решившихся придерживаться подобной точки зрения знакомых, он всегда был таким.

.....

Каким на самом деле был Борис Донатович не знал никто. В детстве, столкнувшись с загадкой непонимания поступков окружающих, маленький Борис как бы абстрагировался от мира, погрузившись в мир собственный. И ведь не сказать, чтобы плохо ему было в нем. Но, наверное, и не так уж хорошо. Потому что были и (до боли безысходности) бесшумные крики отчаяния (больше всего Борис опасался показать свои истинные чувства окружающим); и затуманенные и никак не решавшиеся воплотиться в реальную действительность (а потому и до сих пор – оставшиеся в подсознании), попытки разрубить гордиев узел внутренних противоречий каким-нибудь единым взмахом (лезвием по венам) взбалмошно-отточенного движения. Что исключалось, впрочем, как бы изначально. Хотя бы потому, что с детства Борис Донатович был этаким неуверенным (по мнению всех без исключения школьных и институтских знакомых, коллег, и, конечно же, родственников) кюхлей; проливавшим суп, пока тянул ложку ко рту; да обязательно наступавшим в одну единственную лужу после кратковременного дождика.

Но почти не обращал Борис Донатович (ни тогда – ребенком по возрасту; ни теперь, таким же ребенком – по сути) внимания на косившиеся взгляды, да «все понимающие» кивки головами за его спиной. Не обращал внимания. А то и вовсе, как считали злоумышленники, в когорту которых причислялись им все без исключения, не замечал. Хотя, по сути, именно так и было -- не замечал, не обращал внимания, а то и просто делал вид, что не замечает. А по ночам...

По ночам выливалось все это (непонимание окружающих), в беззвучный стон сожаления. Потому-то и стремился Борис Донатович, еще с детства, к одиночеству. И был на самом деле он одинок. Несмотря на опеку родителей. Да и не только их. Выходило так, что те, кто видел Борис Донатовича, отчего-то считали своим долгом начинать заботиться о нем. Нисколько при этом не спрашивая: нужно ли было ему такое посредничество между ним, и окружающим миром

Глава 4

Но, должно быть, страшнее всего была необходимость каким-то образом (кто знает каким?) избавиться от страхов.

По сути – что такое страх? Одно время Мерлих даже специально пробовал заниматься изучением данного вопроса. Но ни к чему толковому (применительно к себе), в своих размышлениях не пришел.

Нет, конечно же, в какой-то мере ему удалось объяснить природу страха. Целый ряд классиков и современных ученых, от психотерапевтов до психиатров, высказывались по этому поводу. И Мерлих уже мог объяснить возможную причину развития страха – в своем случае.

Но дальше (помимо объяснения) дело не пошло. Да и, по сути, ему это было уже не нужно.

А самое главное заключалось в том, что с недавних пор Борис Донатович научился справляться с природой собственных страхов. Направлять их в нужное русло (насколько уместно будет в его случае подобное словосочетание?). Да и сами страхи, в отношении к нему, превращались уже не в страхи, как таковые, а в различные производные его, как-то: тревоги, волнения, беспокойства...

Нет. С этим, конечно же, мириться было нельзя. Да и Борис Донатович никогда бы не согласился на что-то подобное. Но он, если можно так выразиться, научился преобразовывать, трансформировать природу страха. В какой-то мере даже – нивелировать ее достоинство (если допустить существование такового).

Другими словами, Мерлих стал работать со своими страхами. И одним из способов выбранного и используемого им метода была сублимация; то есть,-- проецирование своего внутреннего состояния в творчество.

Он стал писать картины.

При этом, что любопытно, поначалу не заботясь о качестве собственных полотен (на это не было ни сил, ни времени), и нисколько не будучи (даже поверхностно) знакомым с техникой художественного мастерства (поиск нужного цвета, смешивание цветов, ретуширование...), Борис Донатович со временем каким-то удивительным образом стал обращать внимания и на эти вопросы. Точнее, стал понимать, разбираться в них. При этом, главным образом, до всего приходилось доходить самостоятельно. Тратить время на ученичество под чьим-нибудь руководством у него попросту не было времени, сил, желания. Да и композиции полотен буквально струились (пока, впрочем, не вырисовываясь во что-то осознанное) из его подсознания. И оставалось только подставлять мольберт и кисть. И даже краски, по сути, были ему не так уж нужны. Потому как Борис Донатович с ровным успехом мог бы рисовать и на стекле, и на снегу, и в своем воображении.

Главное было не это. Важно было то, что таким вот незадачливым образом Борис Донатович Мерлих на самом деле избавлялся от собственных кошмаров. И – каким-то загадочным для него образом -- излечивал себя. При этом это все для него конечно же оставалось загадочным. Почему

так происходит? Точнее, почему удается подобное? Ведь было на самом деле любопытно, почему сублимация случилась именно в художественное творчество? А, например, не в то же литературное? (Когда-то Мерлих подумывал даже о поступлении в Институт иностранных языков). Или, например, не в...

Да, в принципе, мало ли во что еще могла произойти эта сублимация? Но если попытаться еще ближе подойти к рассмотрению данного вопроса (в том случае, если, конечно, вопрос беспокоил или волновал кого-нибудь; Мерлиху это было абсолютно безразлично), то можно было отыскать в роду его настоящих художников; например, деда по матери. Или, что далеко ходить, родного отца. (Хотя с родителем, насколько помнится, дело было какое-то темное. Погиб тот при невыясненных обстоятельствах. Ходили слухи, что убили. Или – утонул. Или – погиб на охоте. В общем, когда Борису был год-полтора, Донат Арменович отправился с друзьями на охоту. И не вернулся. С тех пор, мать воспитывала его сама. А потом вышла замуж за одного известного литератора. Который, впрочем, вскоре тоже погиб. В авиакатастрофе. Когда возвращался в Киев, где жил с женой, да ее сыном, Борисом, после вручения очередной литературной премии.)

Так что, генетический аспект, по всей видимости, тоже присутствовал.

Глава 5

Но иногда Борис Донатович был совсем другой. Как будто был совсем другой. Как будто бы и не было недавних неразгаданных тайн. Неразрешимых (и,-- не разрешаемых) задач. И на фоне относительно безоблачного жизненного небосклона, он принимался... мечтать.

Вот уж, поистине, что оказалось неистребимо в нем. Несмотря на пережитое (точнее – все время переживаемое), несмотря на, в принципе, достаточно больную психику (с явной симптоматикой зарождавшихся психопатологических заболеваний), Борис Донатович, как оказалось, умел не только мечтать (фантазийный бред сумасшедшего вполне возможен, но, зачастую, достаточно специфичен), но и мечты его были... прагматичные.

Хотя уже потому, что подобное случалось достаточно редко (а в последнее время – все реже и реже), нам даже кажется что и не стоит упоминать об этих его фантазиях вовсе. Одно лишь можно сказать. Особая тематика подобной прагматичности почти не претворялась в каких-то реальных делах. Но иногда представала во всей красе в сновидениях Бориса Донатовича. И тогда, просыпаясь на утро (само утро, надо заметить, оказывалось невероятно сдвинуто во времени), Борис Донатович Мерлих вполне сознательно окончательно не просыпался. Как бы стремившись удержать в себе чудо, явившееся во сне.

И тогда оно исчезало само. А на душе начинала царить откровенная гадость. Словно все мрачные силы бессознательного, вынужденные до поры до времени скрываться, вдруг выползали

наружу. Причем, слово «выползали» даже, пожалуй, недостаточно четко раскрывает все то безобразие, какое начинал испытывать он. Потому как, они не только выползали; но и выползали и выползали. Так что, в итоге, его паническое состояние настолько переполнялось всем тем ужасом, от которого он доселе скрывался, что у Бориса Донатовича опускались руки. И тогда его психическое состояние являло собой силы вселенского кошмара. От которого уже и невозможно было скрыться.

И доходило до того, что теперь Мерлих принимался всячески отторгать от себя все то, что до недавних пор позиционировалось им как нечто светлое и хорошее. Теперь такого не случалось. И на душ) была одна лишь мразь и гадость.

И уже потому, наряду со все реже случавшимися просветами (просветлениями) в собственной душе, Борис Донатович все больше стал принимать (вынужденно принимать) за свое нормальное состояние (обманывая, по сути, сам себя) весь тот хаос, который с недавних пор господствовал в его душе.

От этого нового состояния не было спасения. И какое-либо бегство становилось возможным лишь в мир иллюзий. Которыми Борис Донатович вскоре и принялся подменять реальную жизнь.

Можно было даже сказать, что он стал жить в плену обманчивых образов. А то, что некогда еще считалось его настоящим, – постепенно задвигалось, пока не оказалось окончательно скрыто на задний план. И сгинув в глубинах бессознательного, оно уже практически и не могло быть востребовано обратно. Да Борису Николаевичу пожалуй, и не пришло бы такое в голову.

И тогда уже здесь мы подошли к еще одной черте его неординарного, по сути, характера. Черте, скрываемой самим Борисом Донатовичем. Да и не каждый может признаться в таковом.

Но, к слову сказать, эта черта характера Бориса Донатовича (которую вполне можно отнести к особенностям его психики; точнее – потаенных уголков устройства ее) проявлялась не то чтобы каждый раз (стоило только, например, захотеть востребовать ее). И даже, можно сказать, наоборот, – проявлялась она достаточно редко. А механизмы ее включения долгое время оставались и вовсе неразгаданными. Пока... Пока не узнали мы, что существует определенный момент, когда то, что до сей поры так тщательно скрывалось, со всей откровенностью и прямоотой выбрасывалось на поверхность. Выстреливая словно пробка из-под шампанского (которое, заметим, он не очень-то и любил. Предпочитал все больше водочку, да коньячок. Ну, что-нибудь покрепче, словом.)

И обстоятельства, когда случалось подобное, было не чем иным, как алкогольным опьянением.

И тогда становился Борис Донатович абсолютно неуправляем. Круша все, что попадалось на пути (несмотря на более чем щедушный организм – ему это удавалось), да облаивая всех такими

словами, от которых, услышь он сам в иное время нечто подобное, тот час бы слег с сердечным приступом в больницу.

И можно ли было не замечать, этих его состояний? Дав, например, ему какую скидку? То что пьяным был? Так многие – пьют. То, что больной?. А ведь действительно, давно уже пора было признать Бориса Донатовича Мерлиха пациентом психиатрической клиники. Да так бы и случилось, пожалуй, если бы он сам не был врачом. Психиатром.

(На самом деле, конечно, никаким врачом он не был. Но... он был им. Был в том мире, который сам себе выдумал. И в котором теперь находился большую часть из отведенного на жизнь времени.)

.....

Причем нисколько нельзя было сказать чтобы Борис Донатович (при таком своем поведении) испытывал какие-то затруднения. Он даже, по всей видимости, и не думал о том. Ни в день праздника души (ночь, день, какая разница; если Мерлих начинал пить – времени суток не существовало). Ни на следующий день. (Правда, на следующий день Мерлих ничего не помнил. Точнее, любое воспоминание отзывалось в нем самой жуткой болью. И он попросту вынужден бы его прекращать.) А вот потом... Когда память, как оказалось, совсем ничего не забыла, и лишь на время затаившись, вдруг разом начинала возвращать свое... Вот тогда уже становилось действительно страшно.

Жуткое зрелище являл при этом Мерлих. Совсем не было сил у него пытаться как-то сопоставлять или анализировать происходящее. Он попросту вынужденно, и даже с какой-то безучастностью, констатировал это самое происходящее. Причем, эмоциональное состояние его было настолько разрушено, что какие-либо стремления (если только предположить, что они еще были возможны), устремлялись не туда. А психика... собственная психика Бориса Донатовича Мерлиха являла такое жалкое зрелище, что можно было говорить и вообще, о каком-либо скором окончании земного существования. А то и вовсе, казалось, нет у Мерлиха никакой психической жизни. Живет та по совсем иным законам да и другим правилам.

Но хоть живет... Правда, самому Мерлиху, такая жизнь... Да и что это была за жизнь?.. Обострение симптоматики заболевания, да и только...

И можно было сказать, что уже и не было Мерлиха. Он сам не хотел жить. Но отчего-то все цеплялся за эту жизнь. Да и, на самом деле, в какой-либо реальности существования своего Мерлих давно запутался. И в иные моменты (которых становилось все большинство) он совсем бы и не смог уверенно утверждать где был он, а где – его воображение.

И уже ему казалось, что его-то как раз и не было. А был какой-то выдуманный образ, которому он пытался (или,-- должен был) соответствовать. При этом, в любую минуту картинка окружающего мира могла измениться (и изменялась). И тогда можно было совсем запутаться, что же было правдой, а что вымыслом? И при любом желании разобраться вопрос только запутывался. И уже совсем нельзя было сказать, был ли вообще Мерлих? Существовал ли? Или его не было. И тогда воспоминания о нем лишь следствие воспаленного воображения...

Мерлих жил. И как будто не жил вовсе. Мерлих чувствовал.... А что, собственно, Мерлих чувствовал? Разве мог он, если подумать, хоть что-то чувствовать? Неужели он был способен, хоть как-то еще тестировать реальность. Анализировать действительность. Способен ли был?

Если честно – нет. Но даже не это было самое страшное. Все дело в том, что почти тотчас же (день, два,-- все равно, что миг... В его состоянии, разумеется), Борис Донатович начинал испытывать такое чувство вины, что его и мысли, и желания, да и вообще, все, что только могло являться проявлением каких-либо психических реакций, надолго становилось парализованными. Он не хотел жить. Он не хотел умирать. Он не хотел вообще ощущать что либо.

Но его психике, его внутреннему я, его бессознательному, которое (внезапно и независимо ни от чего) начинала господствовать, теперь было совсем безразлично до каких-то там желаний. Борис Донатович вообще, как будто, перестал на что-либо обращать внимание. Он теперь ощущал себя самым настоящим подонком. Мерзавцем. Проходимцем.

Ничто не способно было уже оказать на него хоть какое-то влияние. Он, Борис Донатович Мерлих, превращался в некое амeboподобное существо. И в этом своем состоянии, можно было сказать, что и был он естественным. Без прикрас, и без той заретушированности, что приставала к нему за время жизни, и благодаря которой он мог казаться человеком. На самом деле Борис Донатович Мерлих был полное ничтожество. Негодяй и подлец. Из плоти и крови. Подонок...

Впрочем, таким он на самом деле был. И даже понимал о том сам. Но это совсем не значило, что таким его знали другие. И ведь даже – совсем не знали. В представлении большинства (а мимикрирующая способность Бориса Донатовича была такова, что даже близкие, иной раз, не представляли что из себя представляет Мерлих) наш герой был человек, погруженный вглубь себя. Привыкший заниматься своим делом (любопытно, что мало кто знал – каково оно?), не вмешиваясь в дела окружающих. Скромный. Застенчивый. Немного заикающийся, тщедушный человечек. Этакая, никому не мешающая, трава. Растение. Иной раз, правда, невероятно разрастающаяся какими-то сорняками. Но это уже, вероятно, некое, присущее подобным людишкам нравственное убожество. И, не более.

И вот таковым субъектом был наш герой. Который сейчас, после очередного случившегося с ним запоя, уже несколько суток сидел понурый. Лишенный, каких-либо желаний, стремлений, возможностей.

А потом Мерлих уснул. Он спал, и видел сны. И снилось ему, что он стал совсем другим человеком. Изменился. И фантазийное бессознательное настолько (все больше и больше) приобретало над ним свое воздействие, что Борису Донатовичу внезапно захотелось (своеобразный сон – во сне) – и вовсе не просыпаться.

Но так, конечно же, было не возможно. Потому как уже ждали его самые суровые будни. И еще неизвестно, что было на самом деле страшнее. То, что было в прошлом. Или, что высвечивалось в будущем. Борис Донатович даже этого не знал.

Да и мы, впрочем, тоже.

Глава 6

Но вот чего поистине боялся Борис Донатович, так это возникновения состояний той необъяснимой тревожности, перед которой он оказывался совершенно беспомощным. Она наползала на него как-то внезапно и неожиданно. К ней совсем невозможно было подготовиться. Но даже если бы и случилось подобное, то это еще совсем не означало, что можно от нее избавиться. Тревожность, в свою очередь, вызывала почти не прекращавшееся беспокойство. И у Бориса Донатовича разом пропадал интерес к жизни. Как-то быстро исчезала способность к сопротивлению (да и, по сути, никогда и не было таковой). И тогда Борис Донатович Мерлих являл собой поистине жуткую (и ужасающую) картину. Картину полного погружения в себя. В свои страхи (тоже не заставлявшие себя ждать), кошмары, и фобические ужасы того беспокойства, которые являлись следствием разрастания в нем (в его психике) ростков тревожности.

.....

Когда случалось подобное (не всегда, но с каждым годом все чаще), Мерлих совсем переставал заботиться о себе. Жил он один (несмотря на возраст – и женат-то никогда не был), и это в какой-то мере еще более усиливало проблему. Проблему, о которой Борис Донатович имел достаточно призрачное представление. Он как бы только отмечал про себя (и информация тотчас же отправлялась в подсознание) следствие случившегося с ним. И у него совсем не было сил (желания, возможностей), обращать внимания на детали. Одежда, речь, даже мысли разом приобретали какой-то хаотичный порядок. Порядок следования чему-то беспорядочному. В

пределах нескольких секунд в нем могло родиться с десятков противоречащих друг другу желаний. От которых он тут же отказывался, потому как рождались желания новые.

Можно было даже сказать, что в этот момент Мерлих нисколько не отдавал себе отчет в происходящем. Но почти точно также, он и не оказывался способен следовать своим беспорядочным мыслям. Что бы сделать хоть что-то.

И тогда он на все время обострения заболевания помещал себя в замкнутое пространство. Коим, например, являлась его квартира. Точнее – одна из комнат ее.

Потому как, несмотря на возможность хоть часть времени проводить в другой (из двух его), у Мерлиха совсем не было желания перемещаться куда-нибудь за пределы ее. За пределы даже кровати, на которой лежал он, не вставая. А если быть еще точнее, Мерлих только изначально помещал свое тело на кровать. Потом он сползал под нее. И уже находился там до самого исчезновения страха; страха, являвшегося следствием и тревожности, и беспокойства, и вообще черт знает чего.)

.....

Не было Мерлиху спасения. Не представляло в его затуманенном сознании какой-либо возможности прекратить страдание. Закончить мучения. Изжить симптоматику возникновения тревожных состояний. Которые, казалось, были навсегда с ним. Но потом внезапно проходили. Уходили. Причем сам Мерлих никогда не задавался вопросом: куда? Он все же был достаточно осторожным человеком. И предпочитал до поры до времени не думать о случившемся с ним. Вполне, быть может, и оправданно опасаясь повторения чего-то подобного.

Но уже как бы то ни было, это самое повторение все равно наступало. И Борис Донатович Мерлих вновь оказывался безоружен перед ним. И точно также мучился, страдал, и исходил слезами отчаяния от осознания своей полнейшей неспособности предотвратить наступление подобного; и от ощущения своей полнейшей ничтожности перед ним.

Глава 7

А иногда... иногда ощущал себя Борис Донатович абсолютной сволочью. В эти минуты (плавно переходящие в часы, дни, иногда недели и даже месяцы) ему совсем никого не хотелось видеть. Почти точно также, как в периоды его страхов, беспокойств, и тревожностей. Только на этот раз подобное было совсем иное состояние. А причина заключалась в том, что Борис Донатович внезапно как бы начинал ощущать мнимость, призрачность, собственного бытия. И уже ничто не способно было разубедить его в подобном убеждении. Ничто. А то и наоборот, словно в подтверждение, внутри, в самых глубинах психики, назревал самый настоящий конфликт.

Конфликт, главными действующими лицами которого были совесть, честь... беспокойство. И – вина.

Именно вина, чувство вины, как подозревал Борис Донатович, была, своего рода, инициатором происходящего. От этого чувства (патологического чувства вины) совсем нелегко было избавиться. А то и почти невозможно. И не потому, что вина была производным совести. Точнее, не только потому. Но и ситуация значительно осложнялось тем, что вина никогда не подчинялась никаким правилам. И уходила, и приходила по распорядку, удобному ей. Совсем не нуждаясь в какой-либо борьбе с самой собой. Да и была она, по сути, всегда какой-то... неощутимой. И при всякой опасности исчезала. Чтобы потом вернуться вновь. (Но чаще всего возвращалась уже не одна. Призывая на помощь любые возможности, которые предоставляла сама патология сознания.) И стоило у Бориса Донатовича зародиться желанию как-то прекратить собственные страдания, тотчас же вина (не важно за что) уже грозила исчезнуть.

Но лишь только грозила. Потому как вина с недавних пор получившая полное право собственности в душе Борисам Донатовича Мерлиха, с тех пор уже не исчезала. Она, быть может, только затихала на время. Превращалась (почему бы и нет) во что-то неощутимое. Необъяснимое. Неизведанное. От которого, впрочем, наутро болела голова. А внутри начиналось еле слышное покалывание. Содрогание оболочки. Как будто и сердце, и почки, и легкие, и мозги, и... -- начинали перестукиваться между собой. Большей частью даже- неощутимо. И при этом и сам Борис Донатович внезапно (внезапно – потому как совсем нельзя было различить начало происходящего) начинал подчиняться каким-то необъяснимым подергиваниям внутри себя. Подчиняться тревожности. Чувство вины рождало тревожность. И с этим ничего нельзя было поделать.

А еще, бывало, у Бориса Донатовича действительно пропадало желание бороться за жизнь. Но, вылиться во что-то конкретное такое желание не могло (кроме как привести к еще большему возрастанию внутреннего конфликта). Не могло потому, что был он слишком слаб, чтобы как-то попытаться прекратить свое существование. Но еще вероятней, что на каком-то этапе такого существования Борис Донатович начал даже испытывать что-то типа удовольствия. Быть может, пока не объяснимого. И даже ему оно пока могло не нравится. Совсем не нравится. Но и без него он как будто уже не мог. Не был способен.

А один раз, когда внутренняя умиротворенность (которая, заметим, тоже иной раз случалась; раньше – больше; теперь – меньше) затянулась, Борису Донатовичу показалось это как-то неестественно долгим. И он был, чуть ли не вынужден вызвать чувство вины. Чтобы хоть как-то остудить себя.

Но это оказалось сложно. Криво усмехнувшись (сколько раз ощущение вины приходило само, наплевав на планы Мерлиха), Борис Донатович начал вспоминать печальные жизненные ситуации, о которых он раньше, вроде как, стремился забыть. И тотчас же чувство вины не заставило себя ждать.

Тогда все становилось на свои места. Места, конечно, достаточно искаженные по содержанию. Но иного, как говорится, не дано. Поэтому самым разумным, как посчитал Борис Донатович, было смириться с происходящим. Что он, собственно, и сделал.

А как было иначе?..

Глава 8

Но, несомненно, одним из самых жутких страхов у Бориса Донатовича являлось состояние, когда он замечал, что кто-то еще есть рядом.

И при этом, конечно же, никого не было. Сколько раз, бывало, Борис Донатович оглядывался, в тщетной надежде обнаружить хоть кого-нибудь. Но этот кто-то всегда самым удивительным образом исчезал. Хотя и Борис Донатович знал что этот кто-то был, существовал. Его незримое присутствие Мерлих чувствовал рядом с собой. Причем совсем невозможно было определить, кто это был на самом деле. Быть может он находился совсем даже не сзади, как до того почему-то считал Мерлих. И не сбоку. И что наверняка, этот кто-то находился не в пределах видимости. Его совсем невозможно было заметить. И бывало, на неудачное в итоге обнаружение двойника (у Бориса Донатовича были все основания полагать, что этот кто-то был двойником) у Мерлиха уходило все свободное, -- бывало, и не только свободное,-- время. После чего (попытка признавалась неудачной), настроение Бориса Донатовича менялось невероятнейшим образом. А иной раз становилось до того грустно и обидно, что Мерлиху хотелось заплакать. Что он, признаться, иной раз и делал.

.....

Но проходило время, и Борис Донатович Мерлих вновь принимался за поиски. Безуспешные, по сути. Беспольные, по результатам. И...безнадежные,--в своей безнадежной безнадежности...

И уже совсем невозможно было ничего поделать. Разве что – смириться...

Глава 9

Кстати, со временем некогда суматошные поиски своего несуществующего (как уже начал подозревать Борис Донатович) двойника стали приводить к каким-то результатам. Пока еще нельзя

было утверждать, что он действительно его нашел. Загадывать наперед, а тем более говорить неправду, Борис Донатович не любил.

Но в иные мгновения (когда реальный доселе мир начинал приобретать абстрактные позиции) Мерлих уже почти не сомневался: он не только не один, но и тех, других, было несколько.

По крайней мере, они представляли перед Борисом Донатовичем в разных обликах. И, наверное, достаточно сложно было бы сказать, сколько было их еще: один – или действительно несколько. Например, сам Борис Донатович видел двоих. А потом – еще одного. И это, что надо заметить, помимо того, первого. Так что, вполне можно было говорить о... Ну, не мог же он ошибиться? Причем, даже по внешнему виду все замеченные им отличались друг от друга. И... от него.

.....

Самый наглый, конечно, был тот, которого про себя Мерлих обзвал Злодей. Это был невероятно раздувшийся тип, с черными тонкими усиками офицера-белогвардейца, и лицом, как минимум, мерзавца. Хитрые, бегающие глазки дополняли картину, и, невероятнейшим образом оттягивали желание Мерлиха видеть этого типа еще.

Тот, впрочем, словно заметив производимый эффект, практически перестал попадать на глаза. Хотя, чем старательнее он скрывался, тем больше у Мерлиха рождалось ощущение его присутствия. Как будто этот Гад (или, все же, Злодей) находился не только рядом, но и, словно все время за спиной. Дышал в затылок. Ловил каждый вздох, выражение лица, периодически случавшийся (чего, стоило признать, Борис Донатович всегда стеснялся) нервный тик (лицо Мерлиха в таких случаях перекашивалось в нервной усмешке). Ничто не ускользало, казалось Мерлиху, от Злодея. Поэтому самое место ему называться не злодеем, а самым настоящим мерзавцем. Если бы... такого не было.

Мерзавец (которого так окрестил Борис Донатович), был невероятно длинным, худым, костлявым... мерзавцем.

Так получалось, что с недавних пор, все свои неудачи Мерлих списывал на него.

Если Бориса Донатовича кто предавал – он знал кто. Если Бориса Донатовича обманывали – знал с чьей подачи. Если Борис Донатович попадал в настоящий жизненный тупик – знал кто этот тупик инсценировал.

И выходило так, что эти двое (Злодей и Мерзавец), как-то удивительно дополняли друг друга. Вернее, дополняли бы. Если бы не было Негодяя.

Этот третий был на самом деле Негодеем. Откровенным. Если требовалось кого-то (известно кого!) предать, – предательство было заказано. Если в чем-то зарождались сомнения, почти

наверняка таковые сомнения оборачивалось не в пользу Бориса Донатовича. Если какая, предательская, мыслишка пробегала где-то рядом, Негодяй приглашал ее заглянуть к Борису Донатовичу Мерлиху.

Да, быть может, и то ощущение собственного ничтожества, которое все чаще сосредотачивалось вокруг Мерлиха, каким-то неременнейшим образом следовало искать в присутствии этих трех Я Бориса Донатовича. Трех его основ сознания. Внезапно перевоплотившихся в действительность.

Но, пожалуй, самым удивительным было то, что в последнее время Борис Донатович Мерлих стал испытывать необъяснимое желание увидеть этих трех – разом; вместе. И оказалось это еще и удивительным, потому как в этом желании почти не было... самого желания. Нет, конечно, подобное желание явно угадывалось; а то и – до боли отчетливо; но... На самом деле, никакого желания не было. Были какие-то неосознанные позывы, продиктованные, быть может, какими-то деструктивными позициями; но – не больше.

И уже тут нам бы хотелось предостеречь удивленного читателя: Борис Донатович Мерлих совсем не хотел (да и не имел привычки) кого-то запутывать. Просто так выходило, что начал теряться он сам. Через время уже и махнув рукой на какую-то попытку разобраться. Да и в чем? В чем ему необходимо было разбираться? Ведь вполне могло быть, что все виденное им таковым, как привиделось ему, не являлось. А уже напоминало, скорее, сон. Или потусторонне-ирреальное бодрствование.

И уже можно было и вовсе оставить все в том виде, как оно и было. Если бы... если бы не стала вся троица являться Борису Донатовичу все чаще и чаще...

Сколько сил, бывало, уходило у Мерлиха, чтобы избавиться от подобного рода ощущений (в то, что эти гады были на самом деле – Мерлих до сих пор сопротивлялся верить). Но,-- и не хотел верить, да был вынужден...

Впрочем, иногда ему удавалось. И тогда как бы разом все прекращалось. Прекращались видения Мерлиха. Но это совсем не означало, что исчезала проблема. Да и стремление еще больше упрочить свое положение (ситуацию, когда оставался он один), к сожалению, вскоре приводило к совсем обратным последствиям. А эти гады вновь появлялись перед ним. Уже даже не в подсознании (откуда они появлялись, и куда – уходили). А, как бы и еще более явственно заявляя о себе. А то и, вставая в полный рост, хихикали, любуясь собой. И ведь действительно, это было очень характерно для негодяев. Именно – любуясь; любуясь – произведенному эффекту.

И уже эта троица, казалось, совсем и не была какой-то ирреальной. (Былым детищем фантазии Мерлиха.) А теперь они представляли довольно таки реальных субъектов, которые проявляли удивительное единство, перемигиваясь и перешучиваясь между собой.

Что это было такое? Насколько долго могло продолжаться подобное? Насколько оно вообще было устойчиво?

Трудно было ответить на эти вопросы. Да и, должно быть, невозможно.

А потому вскоре Борис Донатович смирился с происходящим. И теперь откровенно скучал, когда не сразу замечал кого-нибудь одного из них. Злодей, Мерзавец, и Негодяй каким-то невероятнейшим образом слились с ним в единую суть крайней убогости, надо заметить, мировоззренческих позиций. А еще через время, Борис Донатович и вовсе перестал замечать их. Став... одним из них...

Глава 10

Несмотря на достаточно внушительное число наличия отклонений в собственной психике, Борис Донатович никогда и никоим образом не был согласен на проведение какого-либо лечения, считая эту процедуру, по меньшей мере излишней. Он даже боялся какой бы то ни было диагностики. Рассматривая посещение психотерапевта, психиатра, или психолога чем-то, по меньшей мере, не нужным и не обязательным.

Тогда как подобное посещение все же состоялось. Что, вероятно, показалось удивительным и для самого Мерлиха. И уже словно в качестве защитной реакции психики рассматривал он такой свой шаг, как некое удивительное приключение, случившееся с ним.

Нет, конечно, достаточно поспешно было бы утверждать, что Мерлих не согласился ни с одним из предложенных ему результатов обследования. Совсем даже нет. И инстинктивно ограждая себя от продолжения подобных исследований, и даже ругая их, Мерлих, тем не менее, понимал: эти врачи да психоаналитики,-- правы. И ему следует действительно срочно заняться своим здоровьем. Но вот только понимать--то понимал, но предпочитал оставить все -- как есть. При этом, чего он на самом деле боялся, сказать было трудно. Как он, впрочем, объяснял сам,-- опасался изменений в сознании. В осознании жизни. Ошибался? Да, быть может, и нет. Но, вероятно, психотерапия на то и направлена, чтобы, добившись изменения в сознании, и отдалить это самое сознания от ошибочной оценке действительности. А этого Мерлих не хотел.

Что до того, какие изменения в собственном сознании последуют? Этого Борис Донатович не знал. Но уже изначально боялся. Боялся, с самым настоящим (даже максимальным, по степени выраженности) проявлением страха. Страх... Того страха, который, в принципе, у него присутствовал всегда. И чего он мог добиться? Призрачной надежды на изменение психического восприятия бытия? Или появления нового страха? Теперь уже страха за последствия процедур.

Что было лучше? Можно было, конечно, согласиться с одним из специалистов, считавших, что подобная реакция Бориса Донатовича, лишь вполне закономерное проявление сопротивления (защитной реакции психики). Но разве это что-то меняло? Тем более, о чем-то подобном догадывался Мерлих и сам.

И он решил положиться на проявление интуитивных подсказок организма. Психики. Собственных, уже устоявшихся, взглядов на окружающую действительность.

Так зачем же было что-то менять?. Тем более он и к своим странностям уже привык. И даже не считал их такими уж странностями. Так... Чем-то вроде особенностей организма... Индивидуальных особенностей организма...

А потому Борис Донатович решил тут же забыть посещение специалистов; а заодно и перестать общаться с одним из своих знакомых (некогда считавшимся даже, то ли другом, то ли близким товарищем), собственно и инсценировавшим подобное посещение.

Кстати, что касается знакомств, то мы тут вполне можем заметить: потеря очередного знакомого означало уже и вовсе одиночество Мерлиха. Ибо у него была одна очень удивительная особенность: насколько быстро он с людьми сходилась – настолько же быстро и разрывал отношения; причем, зачастую, без какого-то конкретного повода; ориентируясь, скорее, на свои какие-то домыслы и предположения, нежели чем на реально существующее положение дел.

И уже так выходило, что каким-то образом, после недолгого общения, перед Мерлихом открывалась истинная сущность своего недавнего знакомого. И он бежал от него со всех ног. Потому как начинал подозревать недавнего товарища в самых страшных грехах.

.....

Насколько можно было быть уверенным, что Мерлих отдавал себе отчет в происходящем? Сказать, что не отдавал, – значит заранее расписаться в его несостоятельности, и наличии у него, скажем, мнительности и подозрительности. Но и говорить другое тоже не хотелось. Ведь у Мерлиха действительно была патологическая психика. И скрывать он это мог только от самого себя. Окружающие в подобном не сомневались.

И вот разрешало подобную парадигму, как ни странно, мнение, как-то высказанное самим Борисом Донатовичем. А он, ни много, ни мало, предлагал оставить все как есть. То есть, считать в себе наличие чего-то такого, недостаточно объяснимого; и уже именно эта необъяснимость самым удивительным образом должна была объяснить... в общем,-- должна была объяснить все что угодно; все, что только можно; все, что и вообще, могло когда быть.

А значит Борис Донатович Мерлих как бы автоматически получал индульгенцию на все свое дальнейшее поведение. С чем он, вскоре, себя и поздравил.

На сколько уверенно можно было сказать, что Борис Донатович находился в единении (гармонии) со своей психикой? Да, в принципе, вполне так можно было утверждать. Точнее, можно было бы утверждать; если бы не эти состояния внезапной тревоги, которые, смешиваясь с другими состояниями симптоматики психических расстройств, приводили, иной раз, и к вовсе неожиданным результатам. Точнее, – результатов, как таковых, не было вообще. А было, что-то и вовсе невообразимое. От которого Мерлих (в безуспешности страдания), не знал куда спрятаться. «Но это ведь вполне закономерный итог»,-- как съязвил тот самый отвергнутый знакомый, в ответ на настойчивое приглашение,-- был он врачом-психиатром,-- пойти к нему полечиться, обещая забыть прежние обиды, выразившиеся, как мы помним, в проклятиях, которые Борис Донатович, нисколько не стесняясь в выражении своих эмоций, посулил незадачливому помощнику.

Но это уже было так... Следствия, да закономерности...

Глава 11

Кстати, что мне особенно нравилось в Борисе Донатовиче, так это как раз и присутствие в нем удивительного сочетания патологичности характера – с какой-то, иной раз и необъяснимой, ясностью ума.

И только на первый (поверхностный) взгляд Борис Донатович оказывался понятен. Стоило только чуть понаблюдать за ним, и вы уже не могли отделаться от ощущения сопричастности к какому-то сумасшествию. Ощущая, что еще немного, и начнете сходить с ума сами. Притом что Борис Донатович в это время мог чувствовать себя прекрасно.

Нет, конечно, без всяких сомнений, его можно было причислить к людям, погруженным исключительно в свой внутренний мир. Он и на самом деле большую часть времени проводил там. Но, случалось, как будто что-то находило на Мерлиха, и тогда он начинал демонстрировать свойства характера, совсем как будто и не свойственные ему. Противоположные его замкнутости. И с этим тоже надо было, как минимум, считаться.

Немотивированные вспышки агрессии, ярости, откровенные желания нагрубить, нахамить, обозвать, перемешивающиеся с откровенным сарказмом – характеризовало его в этой ситуации; и при этом – подобное все Борис Донатович делал достаточно искренне. Словно всегда был именно такой. И смею уверить, ни у кого из хотя бы незначительное время знавших его (кто знал долго – успел привыкнуть), не возникало и желаний удивиться, куда же делся тот флегматичный интроверт, который только недавно казался забитым и покинутым?. Человек, опасющийся ненароком обидеть кого даже взглядом. И теперь проклинаящих всех самыми грубыми словами.

В этом был Борис Донатович.

Часто думая о нем, я склонялся к мысли что его занятия философией (коей он увлекся, мне показалось, достаточно серьезно), в какой-то мере, лишь усугубляло проблему. Нахождение в вечном поиске себя еще больше (больше, чем что-либо) погружало его в свой внутренний мир. И требовались почти невозможные усилия, чтобы извлечь его наружу; при этом сам Борис Донатович невероятно сопротивлялся подобному желанию кого-либо; тогда как, приходил к заключению я, все эти вспышки агрессии ничего иное как взрыв накопившейся энергии. То, что у других могло находиться в каком-то равновесии,- в случае с Мерлихом, явно сдвигалось в одну сторону.

Ну и, конечно же, все эти вспышки, да взрывы (каждая вспышка, напоминала сдетанированный взрыв), были, как мы уже заметили, защитной реакцией организма. Реакцией -- так похожей на сумасшествие.

Сам, кстати, Мерлих так не считал. В те редкие, даже редчайшие, минуты, когда удавалось его выманить на действительно откровенный разговор (хотя уже любой разговор, в случае с ним, был откровенный. Мерлих никогда не лгал), мне приходилось чувствовать себя самым настоящим подлецом. Как будто обидел я ребенка-младенца. Потому как, стоило Мерлиху только начать говорить, и уже разом отпадали сомнения в какой-либо его неискренности. А значит,-- и нечестности. А какое-либо присутствие тайного умысла (распознаванием которого в других, я, бывало, грешил), в случае с ним было и вовсе неуместно.

Он был честен, искренен, и – невероятно глуп. Точнее, от чего-то стремился казаться таким. Быть может, чтобы его зря не беспокоили?

Причем, по настоящему какой-то глупости в его мыслях было немного. А вот в поступках... Житейские поступки (регулирующие нормы поведения в социуме), тотчас, к сожалению, принимали, по меньшей мере, странный характер; можно даже сказать, они были необъяснимы по характеру как самих действий, так и последствий, которые вызывали совершением их.

Но как раз в поступках своих (что наглядно проявлялось, в отличие от мыслей), Борис Донатович Мерлих был сродни ребенку. Причем, малому ребенку. И наверняка зная это, Мерлих

все больше и больше отдалял себя от каких-либо контактов с внешним миром. Например, как-то Борис Донатович оказался на симпозиуме (выступление его там – отдельная тема; лишь только подошла его очередь выступать – он сначала покраснел, потом – после явно затянувшейся паузы – произнес несколько слов, переживывая эти самые слова самым бесцеремонным образом. А потом и вовсе впал в стопор. И больше никто не смог из него выжать ни слова),-- так вот, оказавшись на симпозиуме, который проходил в другом городе, Борис Донатович внезапно хватился денег. Их не было. Паспорта тоже. Нагрубив в гостинице (заметив пересмешки в ответ на просьбу устроить его и так), Мерлих с трудом дал уговорить себя разместиться на ночлег у одного из местных коллег-философов (у того тоже был заготовлен доклад. Кстати, и доклад свой, Мерлих тогда потерял. А говорить экспромтом, он никогда не умел).

Вернувшись из командировки, Борис Донатович тотчас же поспешил на почту, дабы выслать деньги (которые, поддавшись все тем же уговорам от коллеги, взял на обратный билет). А уже на подходе к Главпочтамту, понял, что не взял у коллеги адрес. На следующий день, Борис Донатович все же выслал деньги. Но вот куда? Это было поистине загадкой. Нет, адрес он все-таки нашел (справившись в институте, в филиале которого и работал его благодетель). И даже действительно отправил деньги. (Причем, забыв сумму, которую был должен, он выслал почти вдвое больше; правда, почему-то, двумя переводами.)

Коллега, надо заметить, деньги получил. О чем тотчас же поспешил сообщить Мерлиху, догадываясь о невротических свойствах характера того. Но в том то и дело, что это был только один перевод. Второй – попросту исчез. (Оказалось, на одном из переводов Борис Донатович забыл указать полный адрес. И со временем деньги все же дошли. Но только со значительным опозданием.)

И все это время (почти месяц), Мерлих ходил сам не свой. Ужасно переживая, и ругая во всем себя.

Впрочем, подобный перевод, лишь капля в море житейских неудач Мерлиха. И в отдельных случаях ему самому казалось настолько все нереальным, что закрадывалось подозрение о вполне сознательном изображении Мерлихом пародийности собственной жизни. Хотя он на самом деле даже никогда не шутил. Просто неприятности притягивались к нему. И он не в силах был им сопротивляться.

И уж тем более у Мерлиха никогда не было даже подобия какой-то игры. Он всегда не только был серьезен, но и считал иное отношение к жизни и вовсе не уместным. А потому и страдал. И уж если у кого действительно возникало желание попытаться разобраться в типичности его

натуры, то следовало скорее примерить к Мерлиху маску именно патологической личности. Как наиболее схожую с ним.

Однако и тут, по всей видимости, не следовало быть столь категоричным. Иной раз Борис Донатович производил впечатление очень даже нормального человека. Но тогда уже, и в этой его нормальности (положа руку на сердце) скорее все же просматривались черты паранормальности. Что, в принципе, только увеличивало интерес к его персоне.

И уже тогда – вполне можно заключить, что Борис Донатович Мерлих обладал одним удивительнейшим и редчайшим качеством: он позволял каждому видеть в нем – самого себя. И в этом, на мой взгляд, и заключалась притягательность его фигуры.

23 апреля 2005 год.

Рассказы

Мишель

Мишель носил странное имя, и был, по сути, странен сам.

Черноволосый, с длинными спадающими на плечи волосами и как-то по-особенному худой, Мишель уже с первого вида казался настоящим доходягой. Причем ел он вполне нормально, курил, правда, пил немного (хотя в исключительных случаях напивался в хлам. Но не от этого же вес был такой...)

Когда вы в первый раз видели Мишеля, могли подумать что передала вам хиппи или придурок. Ни тем, ни другим он не был. Мишель заканчивал факультет политологии. Ходили слухи, что когда он закончит его, то приведет себя в божеский вид. Учился он неплохо, и судя по всему, просто до поры до времени никто не обращал на него своего пристального внимания. Да и, по сути, демократия в стране. Разрушив Союз демократам сейчас было не до внешнего вида страны. Успеть разворовать бы... Поэтому в какой-то мере молодой человек был предоставлен самому себе. Поэтому и когда студент второго курса Михаил Киселев взял имя Мишель (даже официально внес изменения в паспорт), никто не обратил на это внимания. Ну, может, за исключением самых близких (родных да друзей). Но и тех и других было немного (из близких – полуслепая бабка, из друзей... ну тех вообще почти не было).

Проходя обучение в университете северной столицы, Мишель захотел перевестись в Москву. В деканате ему вежливо намекнули чтобы не валял дурака, и продолжал учиться дальше.

Мишель стал в позу.

Ему пригрозили «взять на карандаш».

Он сказал, что сейчас другие времена.

Ему ответили, что времена другие, а люди те же.

И он успокоился.

Благополучно доучившись, Мишель все же решил поступить в Москву, но сдав экзамены, не прошел по конкурсу. И запил.

--Дурачок,--сказала встретившаяся пьяному Мишелю на улице девушка-проститутка (Мишель встретил девушку на Кутузовском проспекте, и отчего-то решил, что она проститутка, что не мешало ему, впрочем, излить ей душу).—Дурачок,--ласково повторила девушка, чуть повиснув на его плече, поправляя туфельку.—Поезжай к себе в Питер (Ленинград уже к тому времени был переименован). Устройся на хорошую работу. И живи взрослой жизнью.

Мишель увидел в словах девушки смысл. Ведь он уже стал взрослым. И тут же задал себе вопрос, почему, если он взрослый – еще совершает детские поступки?

--Не детские, а юношеские,--поправил себя Мишель. Но в целом он уже был со всем согласен.

--Поеду в Питер,--решил Мишель. И тут же подумал о девушке, которой, судя по всему, хотелось выпить. Она ежилась и озиралась вокруг.

--Хочешь выпить?—предложил Мишель, двинувшись вперед. Девушка молча поплелась за ним. Было три-четыре часа пополудни, и молодые люди без труда нашли питейное заведение.

--Что будешь пить?—спросил Мишель, закуривая, и впадая в свою привычную тоску (ставшую привычной в последнее время).

--Виски,--попросила девушка, которая еще как месяц назад приехала из одной из стран бывшего Союза, и потихоньку осваивалась в столице.

--Тогда и я виски,--подумал Мишель, но подошедшей официантке сделал заказ на два коктейля Молотова.

Официантка посмотрела на Мишеля как на придурка, и стала искать глазами охранника-вышибалу.

--Будьте добры два виски со льдом, сок и мороженное,--опередила официантку невольная спутница Мишеля, улыбнувшись ослепительной улыбкой «ночной бабочки».

Официантка ничего не сказала, узнав поговору свою землячку, тоже улыбнулась, и видимо хотела даже сказать что-то хорошее, как заметила, что на нее смотрит администратор (администратор, знала официантка, был с «бодуна», а в таком состоянии ему лучше не попадаться; уже потом, когда он выпьет свою дозу, с ним можно даже пошутить, но не сейчас,--подумала официантка, и поспешила уйти выполнять заказ.)

--Что с тобой?—спросила у Мишеля девушка-проститутка.

--Пошутил,--признался Мишель, опустив глаза.

--Меня зовут Лиза,--сказала девушка-проститутка, и Мишель, вспомнив, что он не представился, назвал свое имя.

--Мишель?—недоверчиво произнесла девушка-проститутка.

--Мишель,--смутился Мишель, которому сейчас отчего-то стало вдруг стыдно за свое дурацкое имя, и он понял, что если срочно не выпьет, то или сойдет с ума, или договорится до безобразия.

--Ну, а по мне хоть...--подумала Лиза, вспомнив какими только именами не представлялись ее клиенты.

--Скажи, Лиза,--виновато-вопросительно посмотрел на девушку Мишель.—А где ты работаешь?

--В одной организации,--тихо произнесла Лиза, которой всегда было стыдно за свое место работы.

--Я тоже туда устроюсь,--предположил-подумал Мишель.—У вас персонал требуется?

--Не знаю,--задумалась девушка-проститутка.—Надо спросить в отделе кадров.

Мишель на секунду подумал что он ошибся, что девушка проститутка. Хотя тут же посмотрев на ее вызывающую косметику и одежду, понял, что не ошибся. Но грусть уже не могла разлиться по телу, потому как принесли алкоголь, и осушив залпом бокал, Мишель почувствовал, что ему полегчало.

--А хочешь, уедем вместе?—спросил он, обращаясь к девушке-проститутке.

--Куда?—не поняла Лиза.

--В Питер,--ответил Мишель.—Навсегда. У тебя где вещи?

--На работе,--призналась девушка-проститутка.

--Ну так давай их заберем, и поедем на вокзал. Ты согласна?

Лиза нерешительно кивнула. Мишель понял это по своему, и заказал еще виски.

Лиза отставила в сторону мороженное, за которое уже принялась (соком она запила виски), и задумалась.

--Да тут нечего думать,--предположил Мишель.—Деньги у меня есть. Купим билет. В Питере у меня своя комната, будешь жить со мной, найдем тебе работу...

--У меня и здесь есть работа...--тихо ответила Лиза.

--Да что это за работа!—в сердцах, было, воскликнул Мишель, да не успел. Принесли заказ, и он быстрым движением запрокинув голову, выпил виски.

--Ты часто пьешь?—спросила Лиза.

--Не очень,--признался Мишель.—Но сейчас мне почему-то хочется выпить.

--А как же мы тогда поедem в Питер?—спросила было девушка, но Мишель не дал договорить ей, став ее целовать. Лиза не отстранила его, а как-то даже обмякла под его поцелуями.

--Подожди,--наконец-то нашла время сказать она, пока Мишель на миг замешкался, размышляя вступить в связь с Лизой прямо за столиком, или заказать кабинет.—Подожди,--попросила Лиза.—Поехали на вокзал.

--А вещи?—спросил Мишель.

--Вещи захватим по пути,--ответила Лиза, вставая.

Мишель тоже стал вставать, но тут рядом с их столиком остановился охранник-вышибала, давно уже, как оказалось, следивший за странной парочкой.

Рядом с охранником появилась официантка и подала Мишелю счет. Счет был на такую сумму, которой у Мишеля не было. Ну, или вернее была, но тогда бы не хватило на второй билет.

--У тебя есть деньги?—спросил Мишель у Лизы, и ему стало стыдно.

Лиза отрицательно качнула головой.

--Что же делать?—подумал было Мишель, и вдруг схватив Лизу за руку, рванул к выходу.

Около выхода Мишель оглянулся, и понял что стоит один. Лизу крепко держал охранник.

Мишелю стало стыдно, но он продолжил движение.

--Выкрутится,--подумал молодой человек, который бежал по Кутузовскому проспекту, и уже понял, что нашел повод действительно уехать домой. Он остановился, поднял руку, сел в вильнувшее к нему такси, и поехал на Ленинградский вокзал. Билет до Санкт-Петербурга был у него в кармане. И до отправления поезда оставалось совсем недолго.

05. 02. 2008 г.

рассказ

Девушка из регистратуры

Можно было бы конечно сказать, что он заранее ошибался. Но если уж так, то подобное можно было говорить часто. И, несмотря на это, с позиции иного подхода все подобные мысли о Владимире Пушкарском будут неверны. Не слишком он был прост, чтобы стало возможно так-то уж легко делать о нем какие-то выводы. Даже, может быть, он был сложен. Иной раз - даже более чем. И при этом - старался на мир смотреть по-простому. И именно это, быть может, как раз и смущало остальных. Хотя, может быть, и не смущало. Тут уж, как говорится, смотря с какого подхода подобный вопрос рассматривать. Сам Пушкарский предлагал как минимум три варианта "восприятия себя".

По первому, ему бы хотелось, чтобы его вообще никак не воспринимали. Так, словно бы его не было вообще. Не существовало.

По второму, Владимиру понравилась бы исключительно положительная характеристика его жизни. Так, что все, что он совершал - преподносилось бы с позиции позитива.

Третий вариант предусматривал определенную долю критики его дел, но с такими коррективами, что критика эта не должна была касаться каких-либо судьбоносных решений, принятых им в жизни. Что было, в общем-то, невозможно. Это понимал и сам Владимир Пушкарский. Который к своим сорока двум годам на совершал столько ошибок, что никак не мог избавиться от чувства вины, мучавшее его. Причем, иной раз, мучившего настолько, что Пушкарскому хотелось, чтобы поскорее наступил страшный суд; и он разом за все или оправдался, или получил свое наказание, чтобы поскорей отбыть его, и зажить спокойно.

Жить в спокойствии, это, пожалуй, было чуть ли не единственным, чего он по настоящему желал. Желал, но не мог позволить. И виной тому, прежде всего, был он сам. Потому как день ото дня находил столько негатива в окружающей его жизни, что загонял себя в угол стремлением исправить этот негатив.

Не получалось. Тогда он стремился... К чему он на самом деле стремился, Владимир знал весьма условно (можно сказать только догадывался). Но уже точно было то, что подсознательно этот маленький человечек с немного излишним весом тела желал добиться в жизни какого-то результата. И учитывая, что в большинстве случаев происходящих с ним в жизни результат был отрицательный (по крайней мере, в его восприятии), он хотел результата положительного.

Что не всегда удавалось. Но ведь он стремился. И чем больше проходило времени (дней, месяцев и лет), тем более подобное стремление вызывало уважение у тех, кто наблюдал за Пушкарским. Хотя и наблюдал, конечно же, не совсем верно. Это я каким-то образом старался держать Владимира в поле зрения. Мне он был по некоторым причинам интересен, да и любопытно было проследить, чем закончится его борьба.

Что же касается других (тех, кто знал Володю Пушкарского), то наверняка им он тоже был интересен. Хотя бы в качестве человека, который решил бросить вызов судьбе, стремясь пустить ее по несколько иному направлению. Добившись успеха, который ранее был ему не свойственен.

.....

Работал Володя в каком-то КБ, чем-то сродни чертежнику. Работа как работа, с небольшим заработком и уймой свободного времени.

Коллеги Пушкарского занимали свободное время употреблением алкоголя (круглогодично), или поездками на дачу (в весенне-летний период). Пушкарский же в свободное от работы время (ну, то есть, когда не удавалось заполучить должное количество заказов для занятости) старался остаться исключительно один.

Чем он тогда занимался, было своеобразной загадкой. Можно было предполагать все что угодно, но я знал, что Пушкарский все свободное время тратил на повышение самообразования. Читал, в общем. Много и весьма упорядоченно. Наметив для себя спектр научных интересов и литературно-художественных пристрастий. И всецело погружаясь в знания.

Но проблема в душе Володи на самом деле не исчезала. Да это даже была и не проблема. Ну, или если проблема, то уже можно было допустить, что подобной проблематикой была преисполнена вся жизнь Пушкарского. Ибо он вдруг заметил, что чем больше получает знаний, изучая книги (преимущественно научные; при чтении художественных подобного пока или не наблюдалось, или же наблюдалось в меньшей степени), тем больше в его душе начинает развиваться какая-то странная и загадочная тревожность. Загадочная, потому как не была подтверждена чем-то происходящим в реальности. Ну, то есть, какие-либо совершаемые Владимиром поступки на самом деле не имели настолько вредного для других характера, что стоило о свершенном переживать или раскаиваться. Вот ведь в чем вопрос.

Володя, конечно, все равно переживал. Он вроде как и стремился как-то выправить ситуацию, да на самом деле уже вскоре мог признаться, что у него ничего не получается.

И несмотря на все его стремления к позитиву - все это было действительно так. Не удавалось и все. А то и тревожность вдруг начинала нарастать. И тогда психика Владимира Пушкарского и вовсе находилась на грани безобразия. А все попытки ситуацию изменить - оказывались бесперспективными. Неудачными, в общем.

И вроде как уже начинало казаться ему, что и нет никакого выхода. Да потом все внезапно проходило. Исчезало словно бы и само собой. А на место тревоги - приходила неопишуемая радость. Патология, в общем,--понял Пушкарский, и пошел на консультацию к знакомому психотерапевту.

Тот его встретил с распростертыми объятиями. Но Володя заметил в его взгляде что-то такое, что постарался свести свой приход на желание просто увидеть давнишнего товарища. Чем весьма озадачил психотерапевта.

Впрочем, Нуриф Абасович не показал вида. Товарищи вполне любезно поговорили, после чего Володя неожиданно засобирался домой, сославшись на необходимость доделать ряд дел.

Нуриф Абасович не стал задерживать приятеля, в дверях предложив при случае обращаться за помощью, если вдруг возникнут какие-либо дискомфортные состояние.

Пушкарский тогда как-то странно на него посмотрел, и уверил товарища и психотерапевта, что как раз с ним всегда все было в порядке.

--Ну, ну,--подумал Нуриф Абасович, и крепко пожал больному руку.

--Сволочь,--подумал Пушкарский, спускаясь со ступенек психологического центра, где работал товарищ.--Да и больше он мне не товарищ,--зашла, было, на очередной виток спирали мысль Володи Пушкарского, как он вдруг неожиданно поскользнулся, и упал.

--Вот же сука,--медленно приподнимаясь и не в пример четко выговаривая слова (обычно Пушкарский немного жевал их когда говорил) произнес Володя.--А все из-за него...--неприязненно он посмотрел на окна центра (к тому времени Пушкарский как раз вышел на улицу).--Если возникнет дискомфортное состояние - приходи,--язвительно передразнил он Нурифа Абасовича.-- Приходи... А вот возьму и приду,--неожиданно подумал Володя, и повернувшись, вбежал по ступенькам, рванув дверь медицинского центра (в его сознании промелькнуло, что раньше ему показалось что центр был психологический, сейчас он прочитал что медицинский),--сами не могут разобраться, пробурчал Пушкарский, и еще через несколько минут вдруг понял, что он забыл нахождение кабинета Нурифа Абасовича.

Пришлось спускаться вниз и справляться в регистратуре.

--У нас такой не работает,--нежно проворковала медсестра с отвлекавшей взгляд грудью, явно не вмешавшейся в белый халат (то ли грудь слишком большая, то ли халат не по размеру,--отчего-то зло подумал Пушкарский, не сводя глаз с явно засмущавшейся девушки).

--Простите?--очнулся Пушкарский.--Как Вы сказали?

--У нас такой не работает,--вежливо повторила медсестра.

--А вот взять бы тебя и трахнуть,--подумал Владимир.--Простите, девушка,--вместо этого сказал он.--Я практически только что вышел из кабинета Нурифа Абасовича. И мне хотелось бы в этот кабинет попасть снова,--улыбнулся Пушкарский, как ему показалось обеззаруживающей улыбкой.

--Но у нас и правда такой специалист не работает,--растерялась медсестра.--Если хотите, я скажу вам номер кабинета заведующего отделением ("на каком вы были этаже"?--посмотрела на него девушка, переводя глаза в книгу учета, и собираясь по ней определить к заведующему какого отделения направить мужчину).

--Мне не нужен заведующий отделением,--вежливо произнес Пушкарский (у него вновь получилось четко проговорить все слова, что он не без радости отметил про себя).--Я хотел бы попасть только к Нурифу Абасовичу Магомедову.

--А, так вы к Магомедову?--изумленно посмотрела на него медсестра.--Так он уже ушел.

Пушкарский как-то странно посмотрел на нее.

--Простите?--на всякий случай переспросил он.

--Ушел, ушел,--кивнула медсестра.--Прямо перед вами и ушел.

--Куда ушел?--не понял Володя.--Если я зашел обратно как только вышел, и его не встретил, то как же он мог уйти?--проговорив вслух определенную мыслительную работу Владимир Пушкарский, подозрительно посмотрев на девушку из регистратуры (взгляд Владимира вновь скользнул по ее объемной груди, и он подумал, что все-таки было бы неплохо ее...)

--...Я говорю его уже не будет,--услышал Пушкарский доносившиеся до него слова девушки.-- Приходите завтра.

--Да не хочу я завтра,--произнес Владимир, но, заметив, что за ним уже образовалась небольшая очередь, извинился перед девушкой, и направился к выходу.

Выйдя из медицинского центра (Пушкарский различил, что на входе было написано медицинский центр), Владимир Петрович задумался. Ему вдруг очень захотелось обхватить необъятные груди той девушки из регистратуры. Хотя он понимал, что делать этого, в общем-то, не стоило. В общении с девушками Владимир вообще чувствовал некоторый дискомфорт. С одной стороны,-- ему их всегда хотелось. А с другой,-- он как-то стеснялся в этом признаться. И ему оставалось лишь мечтать, что когда-нибудь он попадет в такие условия, когда появится возможность не скрывать своих желаний. Признаться в них. Явно угадывая ответное желание у какой-нибудь девушки.

.....

В последующие несколько дней ничего не изменилось.

Владимир все так же ходил на работу, уходил с работы, дома занимался самообразованием (жил он один), и практически все так же мечтал о какой-нибудь девушке, с которой мог бы предаться тем фантазиям, которые нет-нет да и подступали к нему из подсознания (дальше он обычно их старался не выпускать).

А потом к нему неожиданно пришел Нуриф Абасович. С девушкой из регистратуры. Как-то довольно просто обосновав свой приход желанием помочь давнишнему товарищу.

И, получается, подумал Владимир, каким-то образом угадав его желания.

На самом деле, как понял Владимир, девушка из регистратуры рассказала Нурифу Абасовичу о разыскиваемом его товарище. А тот каким-то образом догадался (выслушав ее эмоционально насыщенный несуществующими подробностями рассказ), о чувствах девушки из регистратуры к Владимиру Пушкарскому (угадав в ее описании образ Пушкарского).

Через время, попив чая с водкой и наговорившись вдоволь, Магомедов ушел; а девушка осталась.

А еще позже, она собрала вещи, и перебралась к Владимиру. Жить. И заниматься с ним теми делами, о которых до этого он был вынужден лишь тайно мечтать.

--Все тайное когда-то становится явным,--подумал Владимир Петрович, и на какое-то время успокоился. Тревога и сомнения его больше не беспокоили.

Отпустив хотя бы на время, пока не закончатся деньги, которые заплатил Нуриф Абасович девушке из регистратуры (наказав строго-настрого молчать о том Пушкарскому). Да и, если честно, она и не хотела брать эти деньги. Да уже настоял Нуриф Абасович. Ведь он хотел своему товарищу только счастья (пусть и счастье обеспечивалось в рамках задуманного им эксперимента). И знал, что счастье гораздо прочнее и надежнее, если оно подкрепляется еще и финансовым подспорьем. По крайней мере, так оно действительно надежнее,--решил Нуриф Абасович Магомедов. А Владимир Пушкарский, так тот и вообще радовался чему-то своему, предпочитая не упоминать вслух причины радости, словно опасаясь, что та может исчезнуть.

--Ну а будущее покажет,--улыбался в это время Нуриф Абасович, переводя очередной транш на счет девушки из регистратуры. Хотя какая там регистратура. Там она уже не работала...

31.07.207 год.

рассказ

Дед Вася

Дед Вася был охуительный вор. В молодости. Если бы не началась война – воровал бы по-прежнему. А к своим семидесяти двум годам (когда он мне рассказывал об этом, ему было семьдесят два) наверняка бы стал вором в законе. Скорее всего, даже раньше.

Дед Вася давно завязал. Что не помешало ему, впрочем, пиздить магазины стран, по которым проходил его танковый батальон во время войны. Или украсть вагон спирта. Все возвращались на родину из поверженной Германии с орденами и медалями, а дед Вася прихватил еще и вагон спирта. На границе патруль хотел спирт изъять. Дед Вася перестрелял патруль. И получил двенадцать лет лагерей (дали бы больше, если бы не заступился Жуков, которого танкист Василий Зарубко спас, направив свой танк на вылезшую из засады немецкую артиллерийскую пушку).

Из лагеря дед Вася ушел по активировке, отсидев пять лет и оставшись на всю жизнь инвалидом (на лесоповале ему отдало ногу). Однако, несмотря на то, что завязал, в душе дед Вася остался все таким же разбойником. И при первой опасности лез в карман за финкой. Или же просто бил по голове тростью с железным набалдашником. В поселке деда Васю боялись. Он жил в небольшом поселке недалеко от Краснодара. Когда был молодым – держал поселок. Вместе с Колькой Стаханом. Колька Стахан умер от туберкулеза, когда отбывал свой девятый срок. Было ему к тому времени шестьдесят семь. Авторитетным вором он так и не стал. Но воровал и сидел до самой смерти. И дед Вася вполне мог бы повторить судьбу своего кореша. Но вовремя одумался. По его

словам – вовремя одумался. Хотя мне показалось, что если бы была возможность – дед Вася воровал бы и сейчас. «Если бы не нога, – согласился он на мое предположение. – Удирать-то не могу...»

Дед Вася был женат дважды. Первый раз неудачно. Жена его наебывала по-черному. Десятков пять чемоданов, набитых пиджаками, сорочками, и прочими шмотками, которые дед Вася набирал в магазинах поверженного противника, он переслал ей с фронта. Когда вернулся – у него не было костюма пойти на встречу с однополчанами. Жена все продала. Да еще, подозревал дед Вася, и ебалась с покупателями. Эту блядь дед Вася выгнал.

Женился он во второй раз. Удачно. Жили в согласии. Когда жена лежала в роддоме, дед Вася, оказавшись без денег, принялся за старое. И в месяц у него выходило по несколько тысяч рублей. Средняя зарплата в стране тогда была сто двадцать. Рублей. У деда Васи были тысячи. Чем не работа?

Дед Вася стал жить на широкую ногу. Но когда жену выписали из роддома, вынуждено завязал. В любой момент он мог спалиться, а сидеть, когда у него подрастала дочь – не хотел.

Дед Вася пошел на завод. На сталелитейный завод. Впрочем, с первого завода его уволили. Не удержавшись, дед Вася (тогда сорокалетний рабочий) сломал челюсть бригадиру. За то, что тот обозвал его сукой. Ругаться дед Вася не любил. И не терпел, когда ругали его. Бригадир побежал жаловаться парторгу. Вмешавшийся парторг дело замял. За это дед Вася помог купить ему новенький «Москвич». А бригадира, изловив недалеко от проходной, отпиздил. Выбив два зуба и поставив фингалы под обоими глазами. Хотя с какого-то времени дед Вася прекратил драться. Вообще. Может это ему настоебало. А может, стал старым.

Когда я видел проходившего мимо деда Васю, я всегда невольно засматривался на него. Роста он был небольшого. Веса среднего. Лысоват, и совсем не красавец. Но во внешности деда Васи было что-то подкупающее. У него было типично русское лицо. Открытый взгляд. И уверенность человека, который не пропадет в жизни, даже если эта сучья жизнь будет всякий раз расставлять какие-нибудь подлянки.

– Вот послушай, что я тебе скажу, – сказал мне как-то дед Вася, встретив меня проходящим мимо калитки его дома, возле которой он стоял, куря сигарету.

– Да, дядя Вася, – вежливо посмотрел на него я. Я тогда, женившись на девушке которую в тот момент любил, стал соседом деда Василия по поселку. Прожил я в поселке недолго.

Расставшись с женой, я переехал сначала в краевой центр, а потом и перебрался в Ленинград. Из которого уже не выезжал, став петербуржцем.

– Да, дядя Вася, – повторно спросил я, заметив, что дед Вася как-то изучающее на меня уставился. Ходили слухи, что после контузии в голову деда Васи иногда закрадывалась абсолютная хуйня. В такие моменты было лучше держаться от него подальше. Но я не боялся. Проработав два года санитаром в дурдоме, я знал как вести себя с сумасшедшими. К тому же в детстве я занимался боксом. И при случае непредвиденных обстоятельств мог дать в челюсть.

– Хочешь водки? – улыбнувшись, спросил меня дед Вася.

– Водки? – переспросил я, и только тут вспомнил, что мне давно уже говорили, что дед Вася гонит спирт. И делает из него очень даже неплохую водку. – Хочу, – честно признался я.

Мы выпили. Для этого мне нужно было только зайти во двор к деду Васи. Там все было уже приготовлено.

– Что-то отмечаете? – вежливо поинтересовался я, намекая на мини-стол, накрытый во дворе. На импровизированном столе (табурет, с положенной поверх фанерой) было аккуратно нарезано сало, лежало несколько малосольных огурцов, стояла кружка с водой (из колодца; колодец был во дворе деда Васи), ломоть черного хлеба, и стакан. В стакан наливалась водка из бутылки 0,7. Кажется из-под водки.

– Скучно просто,-- честно признался дед Вася.

– А Любовь Павловна? – спросил я про его жену.

– Уехала к сестре, в Пятигорск, – ответил дед Вася, наливая полный стакан водки, и пододвигая его ко мне.

– Будем, – кивнул я, и махом осушил стакан. Пить я любил. Иногда пил целыми днями. Потом останавливался, и мог не пить месяц. Или два. Пока не подозревал, что становлюсь трезвенником.

В тот день у деда Васи был день рождения. Узнал я об этом, когда уже собрался уходить. Узнав, решил остаться. Правда, для того мне нужно было присесть. Или еще лучше – прилечь. Я уже с трудом стоял на ногах.

– Вот колодец, – кивнул дед Вася на участок. – Набери ведро и окуни голову. А лучше облей себя. Поможет.

Я воспользовался советом. Неудачно. В колодец я провалился.

– Да ты что, охуел?! Охуел? Я спрашиваю, ты охуел? – бегал по участку и кричал дед Вася. Потом он видимо подумал, что меня надо вытаскивать. И я увидел его лысую голову, загоревшую свет. Дед Вася наклонился, вглядываясь в темноту.

– Я здесь, – я подумал, что мне нужно откликнуться.

– Да я вижу что здесь, – недовольно произнес дед Вася. Мне показалось, что он был бы более счастлив, если бы я утонул. Но утонуть я не мог. Во-первых, колодец был неглубокий. А во вторых, я зацепился за какую-то хуйню. Кирпичные стены колодца раскрошились от времени. Кирпичи зияли осколками зубов. И, растопырив руки-ноги, я вполне надежно застрял, пролетев вниз не больше двух метров. Внизу была вода. До воды было метров пять. Может три. Вниз я смотреть боялся.

Дед Вася сбросил мне веревку. Я вцепился в нее, а он меня вытащил. Силы в нем еще было много.

– На хуя ты полез в колодец? – открытыми голубыми глазами посмотрел на меня дед Вася. – Хотел утопиться?

– Да нет, что вы, – смутился я. К тому времени я протрезвел. И стоял перед стариком навытяжку. Словно он какой генерал, а я распиздуй солдат.

– Даже в колодец броситься не могут... – услышал я слова деда Васи. Обдумывать значение их не было времени. Дед Вася с криком «а ебитесь вы все!» – бросился в колодец.

...Его я вытащил с трудом. Прыгнул дед Вася мастерски, поэтому сразу ушел под воду. И если бы не предварительно выпитые полкило водки, дед Вася бы умер от обморожения. стакан водки, влитый в него по возвращению, эффекта не дал. Пришлось наливать еще.

Откачав деда Васю, я поспешил уйти. Я был не готов к чудачествам своего соседа. Да и вообще мы потом виделись мало. А через какое-то время я и вовсе уехал. Но при этом напился с дедом Васей вновь. Причем пить я его пригласил уже к себе. На моем участке колодца не было. Да и вообще это был не мой участок. Мы с женой снимали полдома. Другие полдома дед Вася и поджег. Хозяева были в городе, торговали на рынке продуктами животноводства, главным образом яйцами. Дед Вася спалил дом и выпустил кур из сарая. Частную собственность он не любил. Из оставшегося дома (потушили пожарники) я перебрался к деду Васи. Через неделю я сбежал от него. Мне показалось, что он меня хотел убить. Ночью, внезапно проснувшись, я заметил его лицо рядом со своим. В руках дед Вася держал какой-то предмет.

Все оказалось намного прозаичнее. В той комнате, которую мне предоставил дед Вася, он хранил баллон с деньгами, вырученными за водку. И вспомнив об этом, пришел ночью, чтобы забрать свои сбережения. Вслушиваясь в мой храп, задел стул и разбудил меня. Обо всем этом он мне рассказал утром. Но я уже принял решение сваливать. Моя нервная система и так была расшатана неумеренными дозами алкоголя и легкими дозами наркотиков. Поэтому я решил не экспериментировать.

...О смерти деда Васи я узнал уже в Ленинграде. Позвонила бывшая жена, и сказала, что умер дед Вася. Перед смертью он искал меня. Спрашивал мой адрес. Хотел сообщить что-то важное. «Но что? – думал я.— Знать бы только что»?..

После смерти деда Васи прошло уже десять лет. А я нет-нет да задумываюсь: о чем же мне хотел сообщить дед Вася? О чем?.. О чем...

30 сентября 2006 год

рассказ

Мудак

В этой жизни ему давно не было покоя. Правда, так считали окружающие. Да и то не все, а лишь те, кто знал Филиппа близко. Хотя и не так уж много знали Филиппа близко. По натуре он был замкнутым человеком. На днях ему исполнилось пятьдесят. Небольшого роста, с окладистой бородой (к концу повествования сбрил, оставив полоску усов), кряжистый и приземистый, внешне Филипп походил на зажиточного крестьянина. Хотя крестьянином не был. Жил в городе. Работал учителем физики. Был скромн и беден. Наверное, все же беден, а потому и скромн.

Но что в душе Филиппа бушевал настоящий пожар. В своих фантазиях (иногда он фантазировал) Филипп становился арабским шейхом. В такие моменты у него был гарем (в жизни Филипп с женщинами был закомплексован). Был огромный дом (в реальности – комната в коммуналке). Был он общительный (замкнутый), разговорчивый (молчун), и начинал жить фантазийной жизнью настоящего мудака. В реальной жизни Филипп тоже был мудаком. В молодости судьба много раз предоставляла ему шансы «стать человеком». Иногда у него появлялись такие возможности, при которых другой на его месте тут же перехватил бы у жизни бразды правления. И повел бы ее за собой. Но Филипп не вел судьбу за собой, а сам волочился следом. Хотя поначалу еще сопротивлялся. «Сопротивление» заключалось в переживаниях и размышлениях над случившимся. Дальше Филипп не шел. Ему хватало этого? Нет, не хватало. Иначе после первого-второго раза он бы прекратил попытки.

Филипп выдержал такой жизни десять лет. К концу этого срока он окончательно сломался. Став таким, каким его знали сейчас. Мудаком. О нем так и говорили: «Посмотрите, вон мудака идет». А Филипп, услышав окончание фразы, улыбался идиотской улыбкой. И не останавливаясь, проходил дальше. Лишь слабо то ли кивая головой, то ли подергивая в каком-то нервном тике.

Был ли Филипп нервным? Нервозность косвенно означает переживание. Филипп знал это, и ни о чем не переживал. Смирившись, он принимал жизнь такой, как она была. Только еще больше замыкаясь в себе.

Через время, случайно задумавшись над тем, что происходит, Филипп с ужасом убедился, что остался совсем один. Семьи у него никогда не было. Друзей тоже. Товарищи игнорировали общение с ним. Знакомые – избегали. Получалось, он был одинок. И не будь он мудаком, наверняка бы переживал. Не переживал. Даже нисколько не расстраивался. В большинстве дней в году он чувствовал себя превосходно. Хорошо ел (по привычке не много, но вес с возрастом прибавлял), спал (сон стабильный, обычно 10-12 часов), иногда позволял себе заниматься любовью с самим собой (раз в месяц по праздникам), почти не пил (бутылка пива в Новый Год). Были у него и чудачества. Например, он любил подолгу стоять на балконе (жил на девятом этаже) и рассматривать прохожих в бинокль. Бинокль был армейский, с хорошими линзами. Вообще-то у Филиппа было несколько биноклей (помимо военного полевого -- еще морской бинокль, бинокль ночного видения, стандартный бинокль, и бинокль театральный). Со временем просмотр окружающего мира с балкона своей квартиры Филипп возвел в ранг ритуального действия. Это раньше он просто выходил на балкон и разглядывал в бинокль прохожих. Тогда у него был стандартный бинокль, который отдал завхоз школы за долги (Филипп занял ему деньги с полочки; потом занимал еще несколько раз; когда накопилась определенная сумма, и Филипп, потупив брови, спросил о долге, завхоз отдал ему в уплату долга бинокль). Поначалу Филипп не знал, что ему делать с биноклем. Предложив купить знакомым (двоим – на протяжении почти полугода) и получив отказ, Филипп было забросил бинокль на антресоль, да как-то посмотрел фильм про разведчиков, вышел после фильма на балкон (покурить и подышать), и вдруг действия его стали решительными и выверенными: он зашел обратно, приставил лестницу, достал бинокль, протер его рукавом, слез, вышел на балкон, настроил, и стал смотреть. И ему это понравилось. Когда Филипп смотрел в бинокль, он становился другим человеком. Изменения даже предваряли такой просмотр. Позже он начинал готовиться к просмотру заранее. Намечая день (чаще всего это была суббота), Филипп готовился к нему всю неделю. У него даже настроение изменялось исключительно в лучшую сторону. А совсем близко к субботе (в пятницу, а иногда даже в четверг) действия Филиппа становились более выверенными и четкими, окончательно становясь такими в день просмотра. Филипп не заметил, как просмотр вылился в ритуал. Теперь он не просто рассматривал прохожих. Филипп стал вести что-то на вроде дневника наблюдений. Продукты на субботу он тоже заготавливал заранее. Выходя на балкон для просмотра, он уже не должен был обратно заходить. Поэтому брал продукты и воду как в поход. По минимуму, усвояемые, и по минимуму воды. Позволить себе отвлекаться на туалет Филипп не мог.

Вскоре у него изменился сон. Перед днем просмотра сон стал прерывистым и беспокойным. Но Филипп не переживал, зная что все компенсирует просмотр. Постепенно день просмотра прохожих в бинокль стал для Филиппа лучшим днем недели. А если бы не повторялся каждую неделю – лучшим днем месяца, года, а то и жизни.

Среди других чудачеств можно было назвать его почти патологическое желание справедливости. О том, что такое желание не доведет его до добра, подозревал он и сам. Но сам же отметал любые подозрения, когда-то уяснив для себя, что подозрения сродни мнительности, а мнительность приводит к душевным расстройствам. Чего Филиппу не то что бы не хотелось, а он вообще этого здорово опасался. Боялся сойти с ума, в общем. И потому сдерживал себя при всяком удобном случае. По мере взросления такие случаи возникали все чаще. В итоге Филипп стал догадываться, что сходит с ума. И одно время совсем было прекратил думать, да жизнь постепенно расставила все по своим местам. Поиски справедливости закончились, особенно и не начавшись. А чтобы не переживать, Филипп стал больше времени отдавать своим манипуляциям с биноклем. Он смотрел в него, и ему хотелось это делать все больше и больше. Промелькнула даже мысль уйти со школы, чтобы больше времени отдавать любимому занятию. Но школа это какое-никакое, но пропитание. Остаться без заработка Филипп не мог. И попросил вести дополнительные уроки.

«Какие?»—удивленно переспросил завуч. На ответ: «биноклеведение» - завуч (пожилая женщина) удивлено посмотрела на Филиппа («не разыгрывает ли?»), но убедившись, что Филипп Геннадиевич настроен решительно, решила признаться ему, что обо всем этом думает. Зная характер учителя физика, и понимая, что если он уйдет, заменить его будет не кем (за зарплату школьного учителя работать было не так много желающих), от критики воздержалась. Сказав, что обязательно подумает.

Филипп понял, что ему отказали. И глупо улыбнувшись, попрощался и побрел домой. По мере приближения к дому настроение у Филиппа улучшалось. Он решил ввести дополнительный день своих наблюдений в бинокль. Когда он открыл входную дверь квартиры, решение уже было принято. К субботе была прибавлена среда. А потом и воскресенье. Через неделю трехдневных просмотров Филипп почувствовал стойкое улучшение здоровья. Он стал заметно вежливее с учениками и коллегами (хотя и раньше не грубил), чаще улыбался, у него даже увеличилось количество дней, когда он предавался сексуальным фантазиям.

--Становлюсь человеком,--подумал Филипп, проведя легкий анализ прожитого за последний месяц.

Хорошего настроения хватило ненадолго. В глубине души Филипп ощущал себя мудаком. Особенно из-за этого он никогда не переживал, но все же было не приятно. Филипп понял, что должен сделать какие-то кардинальные изменения в жизни. Быть может даже начать жить по новой.

По новой начинать жить не очень хотелось. Жить так, как жил, тоже. Напрашивался какой-то хороший выход, но какой – Филипп пока понять не мог.

В один из дней он проснулся с неосознаваемым желанием совершить поступок, который должен был кардинально изменить его жизнь. Необходимый поступок приснился во сне. И можно было сказать, когда Филипп просыпался, такой поступок еще вертелся в его голове. Но проснувшись, он начисто забыл что должен был сделать. Забыв, он опечалился. Внезапно промелькнула какая-то догадка. Филипп решительно встал с постели, сгреб в кучу все свои бинокли (последнее время они хаотично валялись на полу около входа в балкон), вышел на балкон, попытался было одновременно посмотреть во все сразу, улыбнулся, и посмотрев вниз, последовательно вытянул и разжал руки. Бинокли почти дружно стали падать с девятого этажа. Когда они миновали пару этажей, Филипп вспомнил сон. С ужасом он перекинулся через перила, пытаясь разглядеть что стало с его биноклями. Ничего не увидел.

Филипп понял, что совершил непоправимую ошибку. Лишившись самого дорогого, он разом потерял и смысл жизни. Появилась мысль последовать за биноклями. Но убить себя было не просто. Нужно или сильное помешательство или сильная воля. Ни того ни другого у Филиппа никогда не было. Он подумал было сбежать вниз и собрать осколки, но тут же обозвал себя мудаком.

--А я ведь и действительно мудака,--подумал он, садясь на бетонный пол балкона.

Ему стало лучше.

--Почему я раньше себе в этом не признавался?—задал вопрос Филипп.

Неожиданно осознание, что все в его жизни объяснялось тем, что он был мудаком, вернуло Филиппа к жизни. У него улучшилось настроение. Ему даже показалось, что он стал лучше понимать жизнь. Он и действительно стал ее понимать. Ведь все что с ним происходило, объяснялось только одним: он был мудака. А раз так – надо ли о чем-то переживать? Ведь если объяснялось все именно этим, можно было не корить себя. И даже жить так, как он хотел. Мудаком – значит мудаком. Тем более что мудачество – это характер. А характер постепенно выкристаллизовывается в течение жизни и с большим трудом изменяется.

И как только он осознал все это – Филиппу сразу стало легче. Значительно легче. Более того, именно осознание того что он мудака, все расставило на свои места, и этот человек стал жить обычной жизнью. Ну а то, что это была жизнь мудака, было уже не важно. По крайней мере для Филиппа. А если неважно для него, то в какой-то мере и для нас. Так, по крайней мере, должно быть. И это правильно. В какой-то мере правильно. Но та или иная правильность почти всегда устанавливается конкретным моментом времени, когда проходят определенные события, переживаемые вами. А с позиции прожитого, оглядываясь в прошлое, конечно можно заметить, что

что-то в этой жизни был не так. Но значит ли это – что было не правильно? Наверное, нет. Да и если Филиппу так было спокойнее, значит так и должно было быть. Ну, то есть, было правильно. В масштабах одного человека.

21 июля 2009 г.

рассказ

Иван Непомнящий

Иван Силантьевич Непомнящий и на самом деле мало что помнил. Нет, помнил он, конечно, что-то, что касалось непосредственно его. Но таких дел, если по совести, было мало. А сам Иван Непомнящий как-то предпочитал особо не вдаваться в детали собственного бытия. Допуская, видимо, что бытие это в иных случаях весьма прозаично показывало всю его внутреннюю сущность. Которую, надо признаться, Иван Силантьевич по возможности скрывал. Благо, что возможность такая тоже предоставлялась.

Как-то раз вышло так, что Иван Силантьевич, работавший до этого механизатором в одном из акционерных обществ Ленинградской области, вдруг решил баллотироваться в главы местной – районной – администрации. Причем он уже не помнил, самому ли ему пришла в голову подобная мысль, или надумил кто, но уже как бы то ни было, но Иван Силантьевич не только твердо решил стать главой района, но и начал потихоньку собирать справки на предмет того, что ему необходимо, чтобы район возглавить.

Надо сказать, что с детства Иван Силантьевич был человек смысленый. С возрастом (сейчас ему было около пятидесяти) стал обстоятельным. Кроме того, числился в передовиках производства, имел крепкое хозяйство, жену, двоих ребятишек, да и вообще, по всему Иван Силантьевич, как предполагал, имел все шансы добиться намеченного.

О своем желании Иван Силантьевич никому пока не говорил.

--К чему будоражить людей,--рассудил он.--Слухи всякие там поползут. А так, как будто, пройдет какое-то время, и все станет на свои места. Он займет кресло главы района, ну и понятно,-- пообещал себе Непомнящий,-- тот час же выдвинет на первые позиции близких, в ком был уверен,-- то есть уверен, что они хозяйство района поднимут, а не загубят.

Рассуждая так, Иван Силантьевич вдруг подумал, что если разобраться, ему на самом деле некому доверять. И не то что все, кто его окружал, были плохими, нет. Каждый в своей области это были, может быть, и хорошие специалисты. Но вот стать его заместителями, когда он заступит на пост главы района, эти люди не смогут. А команда ему ох как нужна. Непомнящий активно читал прессу, следил, можно сказать, за перипетиями политической жизни страны, а потому знал – что

без мощной команды все его начинания (а Непомнящий собирался начать с реформ) могли потонуть в бюрократическом болоте.

Иван Силантьевич уже готов был отказаться от своего плана баллотироваться («что толку баллотироваться,--рассудил он,--если не на кого опереться»), как вдруг ему пришла идея поднять планку выше, и стать главой не района, а всей области.

--Эк-ка ты куда хватил,--услышал Иван Силантьевич собственный голос, но решил пока не обращать на него внимания, потому как знал – что любое начинание может потопить излишний критицизм.

--Нет, однозначно, что ты меня не слушаешь,-- снова услышал Иван Силантьевич, но подняв голову (до этого он слегка придремал за столом), никого не увидел.

--Изыди, сатана,--недовольно пробурчал Непомнящий, и даже потянулся за ружьем (Иван Силантьевич был охотник, имел охотничий билет), намереваясь может и пальнуть для остротки (Непомнящий жил в своей избе; в этот час дома был один – жена на работе, ребяташки в школе; у Ивана Силантьевича сломался комбайн, запчастей не привезли, и главный инженер отпустил его домой).

Непомнящий встал, прошелся по избе, явно намереваясь случайно наткнуться на злоумышленника, обезвредить его, и привести того к председателю, а там уже по ситуации.

Однако пройдясь взад-вперед – никого не обнаружил.

--Не отчаивайся,-- снова услышал Непомнящий.— Будет и на твоей улице праздник.

Иван Силантьевич обхватив голову руками, выскочил из избы.

--Черт те что,-- почти прокричал он, оказавшись на улице и жадно вдыхая теплый мартовский воздух.

Непомнящий понял, что на самом деле должен идти на работу, что его бригада сейчас занималась подготовкой техники к посевной, а он, получается...

--Меня отпустил инженер,-- вспомнил Непомнящий.— Значит сегодня я могу быть дома.

Оставшись дома, Иван задумал начать генеральную уборку. Чтобы, значит, отвлечься.

Потом подумал, что надо бы убраться по хозяйству во дворе. Потом...

Потом Иван Силантьевич решил подождать со школы детей и поручить уборку им. А жене, которая работала учителем младших классов и должна была скоро придти с работы, дать приказ убраться по хозяйству во дворе. Сам же Иван Силантьевич решил, что как будущему главе района или области (он пока не решил, кем станет) – негоже пачкать руки, и лучше заняться претворением в жизнь обозначенных планов по политическому устройству собственной судьбы.

--Однако с чего бы начать?— задумался Иван Силантьевич, понимая как никогда, что делать что-то было надо, да вот только не знал он точно – что.

Внезапно Непомнящий решил поехать в районный центр. Там, среди «очага цивилизации» (как называл районный центр Иван Силантиевич) думалось ему всегда лучше.

Пойдя несколько километров пешком по весенней распутице, Непомнящий наконец-то добрел до вокзала, взял билет, и устроился ждать автобуса, который ушел пять минут назад, а ходил с периодичностью раз в два часа. Иного пути добраться до райцентра не было.

Через два часа автобус не пришел. Непомнящий подумал, что первым делом на посту главы района (или области,--он пока не решил) будет упразднение подобной периодичности движения автобусов.

--На линии должно работать десяток автобусов,--подумал Непомнящий.-- И ходить как в городе, с периодичностью полчаса.

Подумав еще немного, Иван Силантиевич решил, что полчаса действительно можно подождать. Но два часа было уж слишком.

Автобус пришел через 4 часа. Непомнящий уснул, и чуть не пропустил его, хорошо старушка из его села, проходя мимо, толкнула Ивана Силантиевича своими сумками, отчего он проснулся и поспешил на рейс.

.....

Когда Иван Непомнящий приехал в город, был уже вечер, все службы закончили работу, сами служащие спешили по домам, и вообще, на этот раз город Ивану Силантиевичу не понравился.

--Какой-то суматошный ряд,--вспомнил Непомнящий где-то услышанную фразу. Сейчас он в полной мере осознал значение ее.

--Вертеп разврата,--просилась еще одна фраза на язык, да Непомнящий подумал, что к данной ситуации это фраза не относится.

Однако что-то надо было делать. Возвращаться обратно не хотелось. Но и в городе у него дел не было. К тому же Непомнящий некстати вспомнил, что последний автобус в его село отходит в шесть вечера. А значит, если он сейчас же не поспешит на вокзал (раздумывая о жизни, Непомнящий расхаживал неподалеку от вокзала), то может вообще не попасть домой. А это значит,--пронеслось перед Непомнящим далее,--что утром он не успеет на работу, что закатит скандал жена, что косо будут смотреть на него дети, и что вообще, один подобный поступок может перечеркнуть всю его жизнь. Все то, что он с таким трудом в своей жизни выстраивал.

.....

Люся, жена Непомнящего, была второй его женой. Первая, Варвара, сбежала с городским парнем, приехавшим в колхоз на практику. Были они тогда молодыми, детей еще не было, и Иван

Силантиевич не стал догонять сбежавшую супругу, а какое-то время жил один, пока не встретил Люсю, которая была младше его, и после окончания пединститута вернулась в родной колхоз. Правда колхоз к тому времени распался, преобразовавшись вскоре в акционерное общество, но работа Люси нашлась быстро, потому что в селе учителей не хватает, молодые стремятся в город, к лучшей жизни, а Люся была не такая, она любила сельскую жизнь, была предана земле, хозяйству, и Родине. Понимая, что как раз ее жизнь в селе будет той частицей помощи Родине, которую она может дать, выполнив свой долг.

Люся в подобной концепции жизнепонимания и детей своих воспитывала. Правда, с мужем были небольшие разногласия, причем разногласия почему-то всегда оказывались классового характера: Люся придерживалась социалистических взглядов, а Иван Силантиевич (Люся называла мужа по имени отчеству) по натуре был либеральный демократ, хотя и не всегда мог в этом признаться, опасаясь, что сельчане, прознав про это, побьют его батогами.

Но вот жене Иван Силантиевич предпочитал говорить правду. И с тех пор чувствовал необъяснимую вину при виде супруги. Словно опасаясь, что растрезвонит она соседкам-подружкам, а те скажут своим мужьям, и Ивана Силантиевича поднимут на смех, а потом может и действительно побьют. У всех перед глазами был недавний пример того, какие беды принесли селу демократы с их Перестройкой и прочими реформами, поэтому Иван Силантиевич опасался, что за все прегрешения власти придется нести ответ ему, а потому он и молчал, и быть может как раз потому – решил возглавить родной район, чтобы поменять мировоззрение односельчан, чтобы сделать жизнь их другой, нежели чем она была сейчас, чтобы принести людям радость.

О политике Иван Силантиевич мог бы много рассказать. Но выходило так, что он опасался ненароком сказать что-то не то. А потому начиная любые беседы (зачастую с самим собой), достаточно быстро прекращал их. Понимая что-то такое, что пока не смог бы объяснить словами, но что непременно улавливалось, и потому как-то по особенному приятно питало его душу, согревая сердце, и наполняя чем-то новым разум.

Вообще же Иван Силантиевич был хорошим человеком. И если бы не его внезапная смерть (случился сердечный приступ, когда, опоздав на автобус, он пошел домой пешком, переживая, что не оставил записку куда уехал, и тем самым ввергнув близких в тягостные раздумья), он вполне может быть и стал бы главой района, а то и всей области. Да не успел.

29.03.2008

рассказ

Истина

И ведь не сказать, чтобы он ошибался. Хотя ошибка всем остальным казалась настолько явной, что и не могло быть речи даже пытаться в чем-то выправить положение. Нет. Ошибка это ошибка, а исправление это исправление, --говаривал в таких случаях дед Глеба (Глеб – наш герой), да деда все считали сумасшедшим и особенно не верили ему. А зря, считал Глеб, часами бывало просиживая в гостях у полоумного старика (через час общения Глеб сам считал старика полоумным, но сидел и слушал). Что Глеб надеялся услышать? Истину, как он полагал. Вернее, он очень хотел бы услышать истину, да все выходило так, что ничего толком ему не удавалось. Или все же удавалось?

Глеб задумался. На вид крепкий мужчина тридцати лет, Глеб Воронков был слаб характером, часто заискивал перед окружающими, впадал в депрессии, порой находился в каких-то непонятных окружающим раздумьях часами, был глубоко несчастлив, верил во что-то свое (непознанное - непонятное, как признавался и сам), и вообще по всему выходило, что он был чужим в этом мире. Мир его не понимал, и он не понимал мир. И был преисполнен какого-то патологического желания отыскать истину. Причем, в чем она заключалась, толком объяснить не мог, от ответов уходил, а если вопросы повторялись – замыкался в себе.

Могли ли к чему толковому привести эти поиски истины? Скорей всего нет. Но Глеб не отчаивался и... искал.

В один из дней таких поисков Глеб встретил ее. Высокая и светловолосая, она чем-то необъяснимо-неподвластным притягивала его взгляд. Глеб лишь раз взглянул на нее и смотрел, не в силах оторвать свой взор. Девушка тоже обратила на него внимание. От волнения у нее колыхалась грудь. Или это только казалось Глебу. У Ольги (непреодолимая сила толкнула Глеба, он подошел и познакомился) были красивые губы и склонное к полноте тело. Сколько ей лет Глеб не понял, поэтому отвел неопределенную цифру от 30 до 40, потому что Ольге могло быть и 32, а могло быть и уже сорок.

Но насколько был важен ее возраст, если Глеб влюбился в нее с первого взгляда. Он полюбил ее глаза, полюбил походку, вслушивался и волновался при ее голосе, Глеб даже представил, как будет обнимать эту девушку в постели, и это тоже его волновало.

Однако сейчас до постели было еще очень далеко.

--Вы где живете?—спросила Ольга, еле заметным кивком головы отбросив спадающую на глаза челку.

--Живу? Да я не жил еще без Вас, -- хотелось сказать Глебу, но он сдержался и промямлил что-то про район «Ржевки и пороховых складов».

Ольга улыбнулась. А потом она взяла его за руку и повела к себе домой. Ну, или Глебу так показалось, что повела его к себе домой, а на самом деле вскоре оказалось, что они просто гуляли.

Гуляли они всю ночь. К утру, изможденные но довольные, расстались. Причем девушка сказала, чтобы он ее не провожал, а на его немой вопрос «почему?», призналась, что ее будет встречать муж. Вернее она его.

--У нее есть муж,--обреченно подумал Глеб. Больше с этой девушкой ему видеться не хотелось.

И тут Глеб вспомнил, что он все-таки не выполнил самое главное. Ведь встреча с Ольгой, как показалось Глебу, была не случайно. Но сейчас мы не узнаем, рассчитывал ли Глеб с помощью Ольги найти истину (ту истину, что так долго искал), или была еще какая причина, но так случилось, что девушка вдруг бросилась ему на шею, и припав губами к его губам, попросила, чтобы он переспал с ней. Тут же.

Глеб растерялся от такого предложения. Что-то говорить о том, что он не готов вот так сразу, хотя и сослаться на какие-то внезапно возникшие дела он не мог. Значит оставалось...

Что оставалось, мы тоже не узнаем, потому что девушка вдруг отстранилась от Глеба, покраснела, и призналась что обозналась, перепутав Глеба с кем-то другим.

Глеб уже ничего не понимал. Весь мир покачнулся перед ним и медленно поплыл. Глеб понял, что сходит или уже сошел с ума. Казалось, выхода у него не оставалось, как только смириться, признав, что раз так, то пусть все будет так, как происходит.

На миг он потерял сознание, и медленно опустился на землю. А когда очнулся, девушки уже не было.

--Ну что, нашел истину?

Оглянувшись, Глеб увидел позади себя деда.

--Ты как тут оказался?—еще до конца не веря в происходящее (то ли явь, то ли сон, то ли такая жизнь после смерти) спросил Глеб.

--А ты не спрашивай,--усмехнулся дед.—Представь себе, что я как раз пришел по твою душу, чтобы помочь найти истину.

--А ты знаешь что такое истина?!—собрался уже радостно вскричать Глеб, но губы не слушались его, и вопрос повис в воздухе.

--Знаю-знаю, внучок,-- усмехнувшись сквозь буденовские усы, произнес дед.

--Мистика какая-то,--к Глебу стало возвращаться сознание.

--Пойдем,--произнес старик, и пошел, словно зная, что Глеб пойдет за ним.

Он и пошел. И только когда они прошли уже приличное расстояние, Глеб вдруг задумался, что ничего такого в реальности не может произойти, потому как дед его давно умер.

И как только подумал он об этом, тотчас же перед ним предстало то понимание, что он так долго искал.

--Понимание истины,--прошептал Глеб.—И истина заключалась в том, что необходимо было жить настоящим. Не будущим, или тем более прошлым, а самым что ни на есть настоящим.

И как только Глеб понял это, тот час же перед ним все стало на свои места. Мир вновь обрел былые краски. Птицы защebetали. Румянец появился на щеках. Глазки засверкали. Вздохнул он полной грудью. Плечи распрямил. И... начал жить.

А Ольгу Глеб со временем нашел. Правда, оказалось, что зовут ее не Ольга, а Виктория. Но какая разница, когда любишь. Тем более, что это уже была другая история.

Май 2011

рассказ

Ираклий Веселовский

1

У Веселовского Ираклия – жизнь была веселая.

Смешной и наивный, Ираклий был до искренности (почти до самых крайних ее границ проявления) честен с окружающими. Так, что в его двадцать – его считали как минимум придурком. И давали ему кто бубличек, а кто и кружку пива. Причем до любого алкоголя Ираклию было все равно. Пиво, водка, коньяк, ликеры... Ираклий не пил ничего, кроме молока.

А если того по каким-то причинам не было – пил все. И – не пьянел. Совсем. Никогда!

.....

Напоить Ираклия пытались многие.

Они подносили ему кто чарочку водки, кто рюмочку коньяка. Ираклий все выпивал как воду и не пьянел. (Воду он тоже, конечно, пил. Причем достаточно удивительная деталь: хотел Ираклий воды – пил воду; не было воды – пил все, думая что это была вода. И видимо в его представлении это действительно была вода. А от воды разве опьянеешь?)

.....

Однажды какие-то не очень добрые люди решили напоить Ираклия квасом. И видимо то ли он что-то перепутал, то ли в квас подмешали что-то уж совсем не то,-- но только напился Ираклий в хлам. Да и загнал благодетелей на фонарные столбы.

И они сидели там, пока их не сняла милиция. А Ираклия – отпустили. У него была справка из психиатрического диспансера о том, что он невменяем. Дурик, в общем. И лучше его никому не трогать. Убьет – и ничего не будет.

И люди верили этому (слух как-то быстро разнесся по окрестности). И Ираклия теперь старались обходить стороной.

И никто не знал как минимум двух моментов: 1. Ираклий был здоров (причем и психически и физически). 2. легенду о психической невменяемости придумал местный участковый, какой-то дальний родственник Ираклия Веселовского.

Но никто не знал и того, что сам Ираклий – панически боялся врачей. Люди в белых халатах внушали ему дикий ужас, и желание как можно дальше убежать от них.

И Ираклий стал собираться в побег.

Жил он с мамой. Женщина работала в три смены. И бежала с одной работы на другую. Да и график был – день, ночь, вечер, утро... Ненормированный, в общем. И заниматься сыном... Возможности заниматься сыном не было. По доброте душевной она положилась на Ираклия и его разумность. Ошиблась. Иной раз и в двадцать лет по своему развитию люди бывают как подростки. А Ираклий был как будто и еще меньше.

И с этим походом он бы вполне возможно натворил всяких глупостей, если бы кто-то не напоил его вновь. На этот раз – джином с тоником.

Высадив десять банок, Ираклий и сам превратился в джина. И уже готов был или взлететь, или заползти в бутылку. И то и другое при двухметровом росте Ираклия и весе под центнер оказалось затруднительно.

И тогда Ираклий стал петь песни. Пел он и высоким и низким голосом. Брал любые октавы. Ему одинаково хорошо удавалось спеть и фальцетом и басом. И он бы, наверное, спел бы и еще как-нибудь – если бы знал как.

Потому что до этого – ни музыкой, ни пением Ираклий не занимался.

Он вообще – до этого – ничем не занимался. И даже школу не закончил. И все по причине душевной несостоятельности. Психической болезни то есть. И уже то, что у Ираклия до сих пор еще не было соответствующей справки (липа от участкового не в счет), объяснялось лишь одним: Ираклия пока не обследовали врачи.

Но это, наверное, был вопрос времени.

.....

И так случилось, что нашелся человек (врач-психиатр по образованию и месту работы), который настоял на прохождении Ираклием соответствующей экспертизы.

И сам вызвался проводить ее.

2

Экспертиза планировалась серьезная. Сначала Ираклия, с согласия его матери, на месяц поместили под стационарное наблюдение (причем как минимум у трех психически больных после контактов с Ираклием началось обострение, а медбрат сошел с ума). А потом состоялся консилиум врачей. Из трех человек. Два из которых признали Ираклия Веселовского относительно здоровым. А один – придурком, каких еще свет не видывал.

Но голоса перевесили. Ираклия отпустили. Перед ним и его мамой извинились. И, в общем-то, оставили в покое. Желали оставить в покое. Но Ираклию...

Ираклию так понравилось в лечебнице для психов, что он напросился на повторную экспертизу. А когда ее отклонили («...экспертиза только что состоялась, вы здоровы, пошел вон, дурак...»), Ираклий поджог клинику.

И его посадили. На три года. В колонию общего режима.

Там Ираклию Веселовскому совсем не понравилось. Там его не только считали настоящим придурком (причем считали почти все), но и заставляли делать самую грязную работу. И даже чуть не изнасиловали.

.....

А потом Ираклий попал под УДО (условно-досрочное освобождение).

Но по выходу из лагеря, в психиатрическую клинику, как намеревался, не пошел. А стал, как и несколько годами прежде, жить уличной жизнью. В том смысле, что бродил по улицам. Пил воду и молоко. Пил алкогольные напитки (думая, что это вода, и по-прежнему не пьянея).

А иногда напивался с кваса в драбадам. И гонял тех, кто напоил его.

Но больше ни в милицию, ни в дурку его не забирали. И как будто даже оставили в покое.

3

А потом Ираклий Вахтангович Веселовский неожиданно поумнел. Ну, или просто взялся за ум. Причем,-- обоими руками.

Он последовательно закончил школу, институт, еще один институт. Потом написал и защитил диссертацию.

И в сорок один год – Ираклий Вахтангович уже возглавил кафедру психологии одного из московских вузов (в Москву он уехал учиться сразу после окончания первого института). И, в принципе, практически полностью изменил свою жизнь.

И только иногда ему хотелось пошалить.

Но на провокации Ираклий Веселовский не поддавался. Он стал степенным человеком. И этим гордился.

21.04.2006 г.

рассказ

Студенческая жизнь

Я ушел с третьей пары. Предмет, который читал доцент, помешанный на орошении земли (кажется, предмет назывался «орошаемое земледелие») мне был безразличен. Я уже был на четвертом курсе. Студент-заочник агрономического факультета. Все, что касалось земли мне было безразлично. Учился я только потому, что из тридцати человек нашей группы двадцать семь были девушки. С половиной из них я переспал. С половиной другой половины намеревался переспать к окончанию института. Оставшуюся часть оставлял другим. Если бы я перебал всю группу, это было бы уже слишком.

В том же институте учился мой брат. Брат готовился стать инженером. В их группе было только две девушки. С одной из них я уже переспал. Другая была лесбиянка.

С братом мы обычно встречались в институтском кафе. Пили пиво или кофе с коньяком. Иногда я знакомил брата со студентками. Мне было двадцать пять, и меня очень любили первокурсницы. Приехавшие из деревень или из небольших городов, они только открывали для себя настоящую жизнь. И многие из них были не против ощутить у себя между ног мой член. Мой член вообще приносил радость многим. Например, двум моим женам, с которыми я к тому времени уже успел развестись. Или соседкам по общежитию, которых я потихоньку поебывал, не привлекая к себе лишнего внимания, дабы не вызвать у кого-то из них ревность. Студентки ведь были женщины. А многие женщины как-то по-особенному реагировали, когда узнавали что хуй, который ебет их – точно также ебет и их подруг. Поэтому с подругами своих любовниц я старался не встречаться.

В кафе брата не было. «Их задержал препод», – отпивая пиво из бутылки, сказал Леша. У Леши было почти два метра роста. Учился он с моим братом на одном курсе, но в параллельных группах. Они дружили. Дима, мой брат, вообще со многими дружил. Из его друзей, помимо Леши,

мне нравились Вовчик и Игорь. Причем у всех троих (четверых вместе с братом) были проблемы с женщинами. Они были готовы их ебать, но не знали где и когда. Стеснялись познакомиться. Если к ним подходила студентка, на лице которой было написано, что она хочет секса, у каждого из друзей вставал хуй. Но проблемой становилось, как этот хуй всунуть в девушку. Хотя та, повторюсь, была бы не против.

.....

Обычно с девушками договаривался я. Расписывая с лучших сторон сидевших в машине друзей (у них у всех были машины), я добивался у девушек желания заняться со стеснительными парнями сексом. Встречались девушки, которые хотели вступить в орально-анально-генитальный контакт со всеми четверьмя. Причем сразу. И почти каждая из девушек была не против, чтобы предварительно ее отъебал я.

Мне было неловко. Я заботился о брате и его друзьях. Мне хотелось, чтобы тем, чем я и так занимался с девушками, занялись и они. Но мне приходилось ебать девушек, с которыми я договаривался. Договаривался, чтобы они переспали с братом и его друзьями.

И я ничего не мог поделаться. Девушки сами выбирали меня. А мне было неудобно отказывать.

.....

– Так дело не пойдет, – насупился как-то Игорь, обхватив руками руль. – Мы только смотрим, как Серега уводит этих блядей.

– Ты хотел бы еще посмотреть как он их ебет? – усмехнувшись, спросил Леша.

– Ты что, забыл, как только недавно несколько дней не слезал с той биксы, с которой для тебя договорился братан?— внимательно посмотрел на Игоря мой брат. Мой брат был справедливый. И пользовался авторитетом у друзей.

– Да нет, я так просто сказал, – вздохнул Игорь.

Я к тому времени обернулся к компании парней, ожидавших моих результатов, и развел руками. Мол, приношу извинения. Девушку вынужден отъебать сам. По ее просьбе.

– Опять облом, – нервно закурил Леша. Девушки Лешу не очень жаловали. Как он признался – бояться что у него такой же длинный хуй, как и его рост. А каждая из этих блядей тешила себя мыслью, что ее пизда маленькая, – зло произнес Леша.

– Да, маленькая... – поддержал его Игорь своим недовольным тоном. – Иной раз суешь как в ведро. Разъебано до такой степени...

– Поедем лучше пить, – предложил Вовчик.

Кафе находилось на территории института, недалеко от главного входа, где стояла сейчас машина Игоря. Обычно друзья сидели в какой-нибудь машине, дожидаясь пока я договорюсь с той или иной девушкой. Ситуация, когда вместо одной машины, где ее дожидался скромный и застенчивый любовник, я бы показывал девушке на несколько, по моему мнению была анекдотичной. И я поставил условие, чтобы машина была одна. Несмотря на невероятные протесты друзей брата. Им хотелось удивить девушек размахом. Но это бы скорее походило на аукцион. Мол, пожалуйста, девушки, выбирайте «Жигули» различных моделей. В них вас ждут ебари. Впрочем, у Леша была «Волга».

.....

В кафе за столиком с Лешей сидели две девушки. На удивление, они встали при моем появлении. Одна из них тут же уселась мне на колени (когда я сел), другая провела рукой по моим мышцам груди. «Хотят ебаться», – подумал я, посмотрев на Лешу. Глаза Леша светились от удовольствия. «Чему он радуется? – подумал я. – Уж наверняка не тому, что незнакомые девки решили меня раздеть и изнасиловать прямо в кафе».

«Димочка, мы поедем сегодня в аквапарк»? – умоляюще посмотрела на меня одна из девиц, та которая ерзала на моем члене. Член готов был подняться, но его сдерживала плотная джинсовая ткань моих брюк. Джинсы я любил. И любил, когда в джинсах были девушки.

«Димочка!» – промелькнуло у меня в голове. Я все понял. Они перепутали меня с моим братом. Мы действительно были похожи. Даже иной раз походили на близнецов.

В кафе вошел Дима. Девушки в этот момент баловались со мной. Брат обратился к ним с вопросом. Девушки подумали, что сходят с ума. Или уже сошли. Когда я им объяснил (мне стало очень жалко их, в монашеских позах теперь сидевших каждая на своем кресле), они взяли себя в руки. И предложили вчетвером заняться сексом. Леша сделал вид, что смотрит в окно. Я отказался. «Хоть вчетвером, хоть вдесятером, – подумал я. – Но только не со своим братом». Брат тоже отказался, видимо подумав о том же.

.....

Практиковать половую связь с несколькими девушками я любил. Иногда позволял, чтобы рядом находился и какой-нибудь парень. Не для того чтобы ебать и его. Гомосексуальных наклонностей у меня не было. Но наблюдать, как его возбужденный член обволакивают губы нашей сексуальной партнерши, или же, как тот же самый член проникает в укромное местечко

девушки... Мне было трудно отказать себе в подобном удовольствии. «Да и зачем отказывать»? – рассуждал я, чувствуя от подобных мыслей сексуальное возбуждение.

.....

Иногда девушка соглашалась переспать со мной, только если рядом будет ее бой-френд. Случалось, мне все же приходилось ебать их обоих. Но подобным я не увлекался. Хотя могу признаться, что если закрыть глаза, то трудно отличить, кто сосет ваш член. Притом что самому члену было по хуй. Он получал удовольствие.

.....

В моей студенческой жизни бывали взлеты и падения. Один раз я сдал сразу две сессии. В другой раз меня чуть не отчислили. Я не пришел ни на один экзамен. Две экзаменационные недели я провел на девушке-африканке. Поначалу немного менжуюсь, я вскоре понял, что ее половая щель ничем не отличается от пизды моих соотечественниц. Единственно что, так это она становилась мокрой от возбуждения, стоило вам только обнажить хуй. Негритянка реагировала на любой хуй. Даже без эрекции.

Эрекция, впрочем, не заставляла себя ждать от взгляда моей чернокожей герлз. А уж если она сосала, то через мой член высасывала всего меня. За две недели я похудел на восемь килограммов. Потом, впрочем, набрал двенадцать.

.....

Быть студентом мне нравилось. Быть может потому, желая вспомнить молодость, я закончил еще один вуз. Но между обучением была разница в десять лет. И ни с одной из своих новых однокурсниц я так и не переспал. Да к этому и не стремился. Я перешел на мужчин.

30. 09. 2006

рассказ

Недолгое счастье

1

Для Павла Холмогорова наступило хорошее время.

Для кого-то, может, было оно и не совсем хорошее, а вот для Павла – самое что ни на есть счастливое. И виной тому – Пашина женитьба. Причем, наверное, покажется удивительным, но Пашина будущая супруга – сама напросилась в жены. Как бы пришла к Паше и сказала: я буду твоей женой.

Сказала, и словно бы поставила точку. В том плане, что возражать он уже не осмелился. Слаб он был для каких-то возражений. И неспособен что-то кому-то противопоставить, а тем более указать на ошибку и обосновать свою правоту. Паша словно бы изначально уже ожидал, что его все равно не послушают.

Ну, а что касается Пашиной супруги (стала, стала она его супругой), то тут конечно, сопротивляться было нечему. Во всех отношениях это была прекрасная женщина. Властная и независимая.

И уже получается, что даже если бы Павел ей что-нибудь и возразил, то у него ничего бы не вышло. Ангелина была замужем три раза. Старше Павла -- на тринадцать лет. И была необычайно уверена в том, что делает. Будь-то покраска волос (каждую неделю Ангелина становилась то блондинкой то шатенкой, а то и просто рыженькой. Но и здесь начиналось -- желто-рыжая, красно-рыжая, синяя...), или вообще любые ее поступки.

Небольшого роста, худенький и всего опасующийся, Павел испытывал невероятное сексуальное возбуждение, когда его член брала в свою ладошку Ангелина.

Сначала она тот долго и пристально рассматривала (поглядывая периодически на прячущего глаза Павла). А потом наклонялась -- и брала его в рот. И до этого сморщенный огрызочек оттаивал и превращался в еще очень даже неплохой орган любви. Который после Ангелина вводила куда ей заблагорассудится. А Павлу оставалось только подчиняться, и подстраиваться под позиции и ритм, задаваемый Ангелиной.

Женщина действовала очень умело, и поначалу словно бы продляла удовольствие.

А потом Павел неожиданно кончал. И смущался от этого необычайно. Ангелина же жалела его и успокаивала.

И было им настолько хорошо вдвоем, что Паша даже и не думал, чтобы изменять своей любимой женщине. А Ангелина -- удовлетворяя еще троих: соседа, начальника, и бывшего одноклассника, -- все равно тянулась к Павлу.

Те трое были для развлечений.

Павел же -- для любви.

И любила она его безумно.

2

На фоне Пашиного счастья мне даже и неудобно говорить, что был он несчастлив. Несчастлив настолько, что рыдал ночами навзрыд, дождавшись пока Ангелина уйдет в ночную смену, он

запирался в ванной комнате – и плакал. (Ангелина работала в салоне красоты; круглосуточном, по ее словам; хотя у Паши не раз возникало предположение, что это был вовсе и не салон, а публичный дом; хотя это было слишком смелое предположение).

Плача, Павел для надежности еще и включал на всю напор воды. Хотя услышать его в их однокомнатной квартирке (жили они вдвоем) могла только Ангелина. Если бы случайно возвратилась. Но еще ни разу она не возвращалась. А приходила только под утро. Полупьяная и уставшая. Но Паша не спал. Дождался ее. И лишь только слышал скрежет открываемой двери (вернее – попытку попасть ключом в замок), вставал и накрывал завтрак на стол.

Завтрак Павлом был приготовлен всегда. Также как обед, ужин, а если потребуется (если, например, у Ангелины был выходной) еще и полдник.

И квартира всегда была тщательно им убрана. Белье выстирано и выглажено. Павел вообще любил прибираться по хозяйству. Он только не любил, когда к Ангелине приходили подружки. Именно из-за них у него было подозрение по поводу места работы его супруги. Ибо представляла Павлу своих подруг – как коллег по работе. А внешний вид девушки имели блядский, что у Павла даже рождалось сексуальное возбуждение. И тогда он уходил в кухню, словно бы опасаясь, что они набросятся на него и изнасилуют.

Но девушки... Нет, такого они бы себе никогда не позволили. Да и уставали на работе. А еще им хватало своих мужей и любовников. Так что волнения Паши были в общем-то напрасны.

Ангелине очень хотелось, чтобы хоть раз Павел бы ей не поверил. Придумал бы какую-нибудь ерунду – и настоял на ней.

Но Паша на подобное был не способен.

А она и не настаивала.

.....

А потом Ангелина бросила Павла. Так же как до этого – бросала предыдущих мужей.

И Павел теперь плакал открыто.

Но просить Ангелину вернуться – боялся. Так же как боялись и те трое – до него.

А она, быть может, этого очень ждала.

Но это было только наше предположение. А в любом предположении домыслов всегда больше, чем правды. Но если уж так, то мы могли бы и предположить... Нет... Пусть уж останется все как есть.

Тем более что через несколько лет Павел Холмогоров снова женился. И нашел себе жену – очень похожую на Ангелину. Ее, по-моему, и звали как-то похоже. Ну, как говорится, чего в жизни не бывает...

23.04.2006 г.

рассказ

Такая судьба

Владимир Ильич Куницын очень грустил, что ему попалась такая злая жена. Хотя может быть, она была и добрая. Даже можно предположить, иногда веселая (она ведь бывала веселой) женщина. Вере Гавриловне было под сорок. Можно сказать, вполне цветущий для женщины возраст. Но именно возраст видимо приносил Вере Гавриловне много страданий. Вызывая в ее душе тревогу, да и разные там волнения. От которых вполне можно было конечно избавиться (да и были женщины, которые на это не обращали внимание), но Вера Гавриловна была женщина страдающая. И даже ко всякого рода ерунде относилась очень даже серьезно. Да и что было говорить, переживала Вера Гавриловна от всякой ерунды (то, что другие считали ерундой) очень даже серьезно. Болела можно сказать, душевно. Страдала.

И этим страданием весьма донимала Владимира Ильича. Который в иные минуты не знал, куда ему сбежать от супруги. Принося себя в жертву ее плохого настроения. И по своему переживая. Но вида стараясь не показывать.

Как-то случилось так, что Владимир Ильич познакомился с женщиной. Милой женщиной. Ласковой и отзывчивой.

И как-то ненароком стал развиваться между ними роман. Причем поначалу Владимиру Ильичу как-то неудобно было признаться Маше (так звали эту милую женщину), что у него была жена. Да и отчего-то считал он, что Маша сама обо всем догадается. Но а уже с другой стороны, откуда она могла знать о чем-то, если Владимир Ильич не признавался. А он... а он страдал. Стал вдруг страдать от того, что, получалось, как бы обманывал доверившуюся ему женщину. Но и уже не мог от нее. Полюбил. Ну, или даже скорей, еще не полюбил. Но уже был близок к этому. Ведь Владимир Ильич отдыхал с этой женщиной. Душевно отдыхал. Столько тепла и заботы он еще не получал ни от кого (родители и близкие не в счет). И не от того, что все женщины были такие. Просто ему не попадались нормальные. А все больше какие-то злыдни. Которых он всячески старался убаюкать своим теплом и добросердечием. А они... она, речь пока об одной, его жене, она пользовалась его добротой. Села ему на голову. Свесила ноги. И стала понукать. Заставляя делать все.

Да он и сам был готов делать все. Все чего кому-то хотелось, чтобы на него не кричали. Он не терпел женского крика и упрека. Негодования. Ему хотелось спокойствия. Как же ему хотелось спокойствия...

Тишину и спокойствие он получал только с Машей. Маша была несколько старше его злобной супруги. Но в отличие от Веры Гавриловны, она вполне спокойно относилась к своему возрасту. И была очень уверенной в себе женщиной. Да еще и красивой. Очень красивой. О такой женщине искренне мечтали все знакомые Владимира Ильича. И все знакомые Куницына переживали за то, что связал свою судьбу Владимир Ильич с такой злобной бестией. Но они ничего не могли поделать. У них были такие же злобные жены. От которых мужчины спасались, загружая себя излишней работой. И страдали. Так же страдали.

И это была великая трагедия, что страдало такое количество мужчин. И им бы всем найти таких добрых жен как Маша. Да ведь и были такие женщины. Разве что, быть может, сами мужчины боялись, что это только по началу они добрые. А как начнут жить совместно, и уже совсем невозможно будет избавиться от их из злобы. И станет даже еще хуже, чем было сейчас. Сейчас-то мужчины уже как-то приспособились. Терпели, но научились терпеть. Страдали, но научились страдать. А как будет дальше? Да также и будет. Потому как они боялись чего-то менять. И только мечтали, вот если бы...

Но вот «если бы» -- все не получалось. Пока было невозможно. И Владимир Ильич, статный мужчина сорока четырех лет, с красивой шевелюрой густых черных волос, мучился и страдал в семье. А отдыхал только с Машей. В которую, проходило время, все больше влюблялся. И, наконец, стало так, что ему стала нужна только она, Маша. Которую Владимир Ильич готов был носить на руках. Готов был потакать всем ее женским слабостям, прихотям и фантазиям.

Да и у Маши не было никаких слабостей, да прихотей. А что до фантазий ее, так они простирались исключительно в плоскости одного: любви. Любви к ней Владимира Ильича.

Но Маша как-то стеснялась предложить Владимиру Ильичу бросить свою свирепствующую жену, и жить с ней, с Машей. Ведь она была такая добрая. Ведь она была совсем-совсем другая. Такая, какая и нужна была Владимиру Ильичу.

И казалось Маше, что Владимир Ильич сам сделает правильные выводы. И когда-нибудь начнет жить с ней. А она уже давно была готова жить ради него. Жертвенность была у Маши в крови. Машина мама была такой. И Машина бабушка. Притом что и папа у Маши был добрый, спокойный, и отзывчивый человек. Папа у Маши был военным, полковник, погиб в Афганистане. И мама у Маши умерла. Сердце.

И не было у Маши никого кроме Владимира Ильича. Такая судьба.

.....

Проходило время. Они продолжали встречаться. Владимир Ильич продолжал все больше в Машу влюбляться. А она уже и так его любила столь преданно и искренне, что очень хотела чем-то пожертвовать ради него. Но ей и нечем было вроде как жертвовать. Все что у нее было – она сама, да кошка, которую она тоже очень любила. Конечно не так, как Владимира Ильича. Ну, здесь, просто можно сказать, что любила она своих самых дорогих людей -- каждого по-своему. Но обоих преданно и искренно.

Как-то раз Вера Гавриловна закатила Владимиру Ильичу очередной скандал. Да такой злобы от нее Куницын вроде как и не слышал раньше. А может только сейчас (с появлением в его жизни Маши) обратил на это какое-то особое внимание. Причем все было столь серьезно, что Владимир Ильич решил уйти от Веры Гавриловны. И начать жить с Машей. Наконец-то начать жить, потому что знал, что Маша давно уже ждала от него мужского поступка. Но раньше на подобное Владимир Ильич решиться был не способен. А сейчас – решился.

И он спокойно взял свои вещи (самые необходимые), и ушел от злобной супруги. А та только в конце все поняла. И кричала ему, что он сволочь и предатель. И так стало грустно Владимиру Ильичу, что он захотел даже вернуться. Но пересилил себя. И продолжил движение. А когда добрался до Маши, то дверь в ее квартиру открыл какой-то бородатый мужчина. И сказал, что Маши сейчас нет дома, но если гость хочет, то может дождаться ее, посторонившись от двери, и видимо пропуская Владимира Ильича. Мужчина по виду был добрый и отзывчивый. Такой же, как Маша.

Но Владимир Ильич не прошел в квартиру. Он понял, что Маша просто устала его ждать, и нашла свое счастье. Бородатое счастье стояло сейчас в нерешительности перед Куницыным, и раздумывало, зайдет ли он или нет (закрывать, или не закрывать дверь, потому что сквозило).

Владимир Ильич поблагодарил за предложение, и ушел. Он тоже был добрым человеком. И не собирался мешать ни чьему счастью.

А выйдя на улицу, Владимир Ильич пошел в ближайший кабаk, и напился. В хлам. Чего не делал до этого никогда, разве что один раз, да и то в студенческие годы (что не считается).

А когда Владимир Ильич напился, то он как-то по-другому взглянул на свою жизнь. И понял, что он поторопился делать какие-то решительные поступки. И тогда Куницын решил возвратиться к жене.

Но когда он вернулся к ней, то Вера Гавриловна была уже не одна. Потому что не могла такая женщина как она – быть одной. Слишком властна и независима была она, чтобы совсем уж отказаться без мужчины. И пригласила своего любовника. У которого, после ухода Владимира Ильича, повысился статус, и он теперь вполне мог считаться мужем Вере Гавриловне, пусть и пока гражданским мужем.

И это все понял Владимир Ильич. И уже окончательно ушел, от ставшей бывшей, супруги.

А на улице он встретил... Машу. Маша, отбросив все сомнения, прибежала к нему. И они стали жить вместе, дружно и счастливо.

А кто был тот бородатый мужчина, Владимир Ильич так и не спросил. Но понял, что это именно он, мужчина с бородой, сказал Маше об его приходе. А значит, все было хорошо. Маша выбрала его, Владимира Ильича Куницына. И какое ему было дело до других...

01. 07. 2007.

рассказ

Теория

Ему казалось, что в этой жизни он еще действительно способен на многое.

Как бы не так! Судьба словно насмехаясь, бросала его в жар новых трудностей. А потом...

А потом видимо устала и она. Задумавшись, как это ему удастся из всего выходить не только чистым и незапятнанным даже каким людским подозрением, но еще и что-то уносить с собой. Нужного ему. Того, что в дальнейшей жизни если и не могло пригодиться (не может же там пригодиться все), то по крайней мере, наличие подобного было очень даже неплохо. Совсем неплохо.

Омерзительным типом был Хвалевский. Фамилия подобралась ему под стать. Ну, или он,-- как, бывало, признавался в пьяном угаре,--выстроил свою жизнь в соответствии с фамилией.

Как бы то ни было, Антон Игоревич видимо когда-то понял, что ему не надо ничего менять (возможность что-то изменить периодически возникает у каждого), и решил продолжать идти к новым вершинам.

Ну, то, что он к ним стремился, это как бы было понятно и так. А вот продолжать идти - всегда было несколько сложнее.

Что же касалось Хвалевского, так для него никогда и никаких сложностей не было. Самым удивительнейшим образом находил он выход даже из самых грязных, по восприятию действительности, ситуаций. Причем каким-то образом ему удавалось разрешать различные вопросы личного характера, возникающие при этом, и базирующиеся, в иных случаях, на невозможности принятия всего что происходило - целиком и полностью. Ну, то есть, он принимал

это все как-то сразу и без угрызений совести. Даже иной раз, словно не замечая, что наступал на горло совести. И рассчитывая, что ему ничего от такого отношения к жизни не будет. Не будет плохого. В этой жизни. В той, которая была. И от которой на самом деле он, иной раз, самым мучительнейшим образом скрывался. Падая в пропасть собственного безумия. И нисколько не рассчитывая, что наступит когда-либо необходимость отдавать долги за происходящее с ним.

.....

Антон Игоревич был удивительной личностью. В прошлом учитель истории в школе, Хвалевский со временем не только оставил школу, но и стал вовсе -- как бы это сказали его бывшие коллеги -- валять дурака.

А на самом деле Хвалевский разработал ряд методик адаптации к жизни для всех категорий граждан (сначала появилась методика для детей школьного возраста; но потом Хвалевский ее значительно расширил, что-то отбросил, где-то добавил, и получилась весьма сносная на первый взгляд система). Причем, если бы посмотрел ее, конечно, какой специалист - он сказал бы что система так себе. Но ведь Хвалевский знал, что это только на первый взгляд "так себе". Что в том и величие его творения, что смысл его раскрывается позже. Когда кажется, что уже о чем-то подобном и забыл. И когда перед тобой возникают какие-то иные - жизненные - задачи. И вот когда они возникают - тут-то как раз и самое то. Ну, то есть, то, что надо. А Антон Игоревич мог быть доволен собой. Доволен, что так у него все получилось самым великолепнейшим образом. И ведь даже не надо было ходить за примерами. Из бывшего учителя средних классов совсем скоро Хвалевский превратился в преуспевающего бизнесмена (это слово, впрочем, он не любил, инстинктивно приравнивая бизнесменов к мошенникам). Который весьма выгодно продавал...

Впрочем, сам себе Хвалевский мог бы признаться, что на самом деле свою разработку он продал случайно. Какой-то великий филантроп (и по совместительству мошенник) Запада обратил внимание на работу Хвалевского (часть работы), которая была размещена в интернете. Списавшись с ним, он получил работу целиком, и быстро смекнул, что это может принести определенный доход. Если, конечно, грамотно все представить массам; и до этих самых масс вообще донести информацию.

Меценат (он же филантроп, он же жулик и мошенник, замаливавший благотворительностью свои грехи) попросил Хвалевского...

Впрочем, то о чем он его попросил, уже было не существенно, и совсем не важно для того, что произошло позже. А позже вдруг оказалось, что по методике разработанной Хвалевским стали защищаться дипломные работы и даже диссертации (как минимум два таких случая было известно

по диссертациям, и три - по дипломам), какой-то западный университет дал ему почетную докторскую степень, а еще один вуз - пригласил читать лекции. Причем - в статусе профессора.

Жизнь Антона Игоревич моментально преобразилась. Через время он уже чуть ли не окончательно освоился на Западе, лишь изредка выбираясь на родину, да и то, во всех его встречах с бывшими коллегами в лице его читалось исключительное недоумение по поводу того, что они тут сидят на задворках жизни, и не берут пример с него.

На удивление, брать пример с него никто из бывших знакомых (которые теперь от такого знакомства отреклись) не собирался. А кто-то даже о том сказал ему в лицо. Чем видимо здорово вверх Хвалевского в серьезные размышления по поводу происходящего. Но если это и было, то только в начале. Потому что, согласно его же методике, из любой ситуации всегда был выход. Тем более что, основываясь на соответствующем пункте разработанной им программы адаптации - этот выход с легкостью можно было найти. Да и даже как-то особенно не искать. Выход лежал на поверхности (это согласно все той же программе Хвалевского), и проблема людей, что они попросту смотрят мимо; этого выхода (и ответа на вопрос) не замечая.

Учитывая, что Хвалевскому в последнее время действительно все удавалось, вполне можно было ему и поверить. Но странным образом нашелся пункт, который, разрабатывая свою теорию, Хвалевский не предусмотрел. И, согласно этому пункту...

Ну, в общем, он не учел, что от него могут отвернуться люди (которые его знали давно).

И об этом в его теории действительно было ни слова.

Но поразмыслив, Хвалевский понял, что тут-то как раз никакой ошибки и не было. И все что происходило - было самым удивительным образом оправданно.

А все дело в том, что согласно своей теории, человек, использующий ее (в данном случае сам Хвалевский) переходил как бы на следующий этап развития. И вполне логично, что помимо того, что изменялось его сознание,-- изменялось восприятие мира (через призму изменившегося сознания). Ну и как бы следующим этапом - изменялся сам человек. Потому-то и те, кто был до этого с ним рядом - просто не узнавали его новые мысли, поступки, желания... Ну и конечно же новое восприятие к жизни такого человека (которого раньше им казалось, что они хорошо знали) становилась для них загадкой. Причем исходя из того что разрешить подобную загадку они не стремились, загадка оказывалась как бы и вовсе не разрешаемой.

И подумать бы тогда, что-то сопоставить, да... Нет. Ни на что подобное эти люди оказались неспособны. И уже получалось, что на свою бывшую родину Хвалевский больше как бы особо и не стремился.

.....

Проходило время. Закрепившись в новом для себя статусе (в т.ч. и социальном), Антон Хвалевский все же неким образом чувствовал, что до конца его творческий потенциал не реализован. Да,-- благодаря собственным разработкам он перешел на другой (новый) уровень развития. Да,-- он стал относиться к себе намного лучше, чем раньше кто-то даже об этом мог подумать. Да,-- в его жизни обрисовалась вполне яркая перспектива. И он ее даже мог достигнуть. Но...

Но при этом было одно "но", которое многое как бы перевешивало; отклоняя его назад; да и вообще, способствуя уже как бы чему-то не очень хорошему.

.....

Ну, начнем с того, что сам Хвалевский вдруг самым неожиданным образом стал подвергать сомнению сделанные когда-то разработки. И по сути, если бы не вмешательство Благодетеля (который теперь неотступно следовал за ним; и даже если он не было в зоне видимости - все был равно рядом), который сказал, что ждал возникновения подобных мыслей у товарища Хвалевского (западный бизнесмен отчего-то звал его - сначала Хвалевский думал в шутку, оказалось всерьез - товарищем). И что специально для этого даже подготовил соответствующую разъяснительную записку. Которую тут же извлек из внутреннего кармана пиджака (ходил Благодетель в джинсах и пиджаке; роста был незначительного; весь какой-то шуплый и ужимистый, и чем-то походил на черта), и протянул было Хвалевскому, да тут же одернул руку, сказав что-то про то, что не сделал дубликат, и в общем, стал читать сам.

Хвалевский давно уже приучил себя не замечать странности Благодетеля (звали Благодетеля мистер Смит; впрочем, зная Хвалевского, можно было допустить, что на самом деле звали Благодетеля и не так, а просто сам Хвалевский вдруг по каким-то причинам решил называть его мистер Смит; а если он что-то решил, то как минимум какой-то период времени выполнял недавно решенное). И даже можно было предположить, что у Хвалевского не раз промелькнуло желание слегка поддать мистеру Смицу (ростом Антон Игоревич на добрые полторы головы превосходит того в росте; хотя был также худ, как и тот). Но он все же видимо опасался. Все-таки мистер Смит по отношению к Хвалевскому все равно оставался Благодетелем. И при случае...

Ну, в общем, Хвалевский никогда бы не стал рисковать, и даже как-то выражать свое отношение к мистеру Смицу. Его отношение к нему было традиционно ровным и всегда одинаково почитаемым. Хотя сам мистер Смит все же видимо видел своего подопечного насквозь; и оттого его немного побаивался.

Мистер Смит закончил читать, Хвалевский, прослушав, согласно кивнул головой, и добавил, что он и впредь готов выполнять волю своего Благодетеля. И недавние сомнения просит списать на минутную слабость, которая более никогда не повторится.

--Вы не поняли,--улыбнулся мистер Смит.--Я совсем не стремлюсь загонять вас в какие-то рамки...

--Зато я стремлюсь,--перебил его Хвалевский, чем видимо мистера Смита сильно озадачил. Потому что тот замолчал, и стал поглядывать на своего протеже даже несколько настороженно.

--В чем-то проблема?--искренне спросил Хвалевский.--Считаете, что что-либо происходит не так? Или что я излишне...

Договорить мистер Смит ему не дал. А сделал какое-то неуловимое движение, в результате чего Хвалевского отбросило чуть ли не на метр, да он еще и упав, больно ударился спиной об стену.

--Вы что это?--удивился он, только тут осознав, что мистер Смит каким-то образом ударил его на скачке боковым ударом в челюсть. Причем видимо бил не кулаком, а ладонью. В ином случае сейчас бы у него помимо спины болела бы еще и челюсть... (в детстве Хвалевский ходил в секцию бокса, и хоть особых разрядов не получил, но какое-то представление имел). И он бы весьма удивился, узнав, что в отличие от него, мистер Смит когда-то выигрывал престижный в Соединенных Штатах турнир "Золотые перчатки" (что-то на вроде чемпиона США по любительскому боксу). Но он этого не знал. Хвалиться в отличие от Хвалевского мистер Смит не любил. К тому же было ему 67 лет. И этот возраст, по его мнению, предусматривал некую степенность.

Хотя иногда он и позволял реагировать себе вот таким образом. Но это было скорее исключением, чем нормой.

.....

Прошло еще какое-то время. Следовало заметить, что время в данном случае шло независимо от каких-либо стремлений к тому Антона Игоревича. И даже можно было предположить, что сам он к подобному относился как бы... ну как бы и никак. Словно положась на нечто неопределенно-допустимое в собственных измышлениях касательно всего происходящего с ним. А уж тем более - происходящего в последнее время. Когда Хвалевский многое неким загадочным для себя образом воспринимал совсем даже не так, как раньше. И даже можно предположить, несколько не так, как это будет воспринимать даже в недалеком будущем.

Впрочем, о будущем Антон Игоревич пока предпочитал не загадывать. Оно и так было соблазнительно желанным для него. А события, он знал, могли вообще измениться в любой момент. Причем в любую сторону. Хотя пока они изменялись только в положительную.

.....

Прошло время, и Хвалевский удивительным образом мог признать, что попал под всякую зависимость со стороны своего Благодетеля. Благодетелем при этом он его звать перестал. И мистером Смитом перестал. А звал теперь Босс. Просто Босс. Тем самым как бы признавая его статус, и свою всяческую зависимость от него. Потому как ведь и действительно была эта зависимость. Мистер Смит (мы уж пока будем называть его так) как-то (видимо преследуя при этом что-то свое) вдруг показал Хвалевскому его место. И место оказалось это у Антона Игоревича очень даже неприятным. Ибо его в одночасье (и словно бы ни за что; впрочем, он не спорил, зная, что причину при необходимости можно найти всегда; также, как и обосновать любые действия) турнули из вузов. Потом из страны. И Хвалевский уже чуть было не очутился вновь в родных пенатах (подумывая, видимо, проситься обратно в школу), как самым чудодейственным образом он вспомнил про собственную теорию (некогда им разработанную), и как раз согласно ей...

Ну, там главным пунктом было то, что выход был в любой ситуации. Так вот, благодаря этой теории, Хвалевский как-то быстро вернул расположение Благодетеля (которого вновь стал называть мистер Смит; и уже нисколько не придуриваясь), и даже обрел некий новый, следующий, статус.

Словно подтверждение - резко возросший рейтинг Хвалевского. Получение им ряда западных премий (в первую очередь от англоязычных стран). Да и вообще, можно было признать, что все в его жизни нормализовалось, и стало даже хорошо. А кто-то из неудачников и сказал бы, что отлично.

Но неудачников Хвалевский чурался (по просьбе, кстати, мистера Смита, озвученной еще когда-то давно). А все кто его сейчас окружал - испытывали к нему исключительное уважение. И вообще, Антона Игоревича окружал исключительный почет.

А еще ему хотелось продолжать жить. И даже - пока это было только на уровне мысли - разрешить вопрос, зачем же ему все-таки помогал его Благодетель. Ведь должен же тот был преследовать какую-то цель. Должен, непременно должен,--рассуждал Хвалевский.

А потом Благодетель внезапно умер. Причем это оказалось столь неожиданно для Хвалевского, что он не только растерялся, но и достаточно длительное время пребывал в некой прострации. Когда готов был забыть себя, свое предназначение, да и вообще - что-либо ему необходимое.

Впрочем, из прострации Хвалевский вскоре вышел. Тем более что в жизни его после смерти Благодетеля ничего не изменилось. Да наверное уже и не могло. Потому что он значительно с тех пор дополнил собственную теорию. А согласно ей - в его жизни и вообще теперь всегда должно быть только хорошо. Только хорошо...

21.08.2007 год.

рассказ

Проклятие рода

Есенуарий Георгиевич Капитонов, мужчина средних лет, смотревший, по мнению одной из его бывших жен, в зрелость, проснулся, с одной стороны весьма опечаленным, с другой – со всей решимостью как раз сегодня начать изменять собственную жизнь.

Для изменения жизни ему не доставало, пожалуй, главного: решимости это сделать.

Есенуарий сладко потянулся, почти зевнул, спустил ноги с постели, встал, вновь потянулся, теперь выпрямившись и став как можно выше, после чего уверенными шагами прошел в ванную комнату. Уверенность видимо у него все же была. Но вот как-то не всегда такая уверенность касалась непосредственно жизни. Почему? Да он бы и сам не смог ответить на этот вопрос. С одной стороны высокий, в меру красивый, в чем-то даже действительно решительный, Есенуарий Георгиевич, бывало, совершенно не знал, что ему делать и как жить дальше. То есть можно сказать, что попадал он в некий тупик относительно всего, что предстояло ему делать дальше. И само по себе понимание этого «дальше» - было каким-то запутанно-непонятным, что для своего же блага практически сразу переставал Есенуарий Георгиевич думать о чем-то не очень хорошем (для него), и начинал просто жить.

Просто жить в его представлении означало ничего не делать такого, что вызывало бы в нем тревогу и недовольство, в какой-то мере страдать, но страдание это направлять в нужное русло.

В зависимости от каких-то неподвластных Есенуарию Георгиевичу причин русло такое могло быть или книгами (в которые погружался он со всей страстью человека, только научившегося читать), или алкоголь (пил тогда Есенуарий безудержно, попутно ругая на чем свет стоит кого-то, известного только ему), или женщины. Без женщин Есенуарий не мог. Причем сами по себе женщины могли быть вымышленными, и поднятыми из глубин его воображения, а могли бы самые что ни на есть настоящие. С настоящими было сложнее. Период ухаживаний Есенуарий всегда пропускал. Для него был важен сам процесс сексуального соития, все остальное, что должно было предшествовать этому, было ему неинтересно.

Потому как подобное требовало приложение совсем ненужных, как он считал, усилий, Есенуарий Георгиевич часто обращал к женщинам вымышленным. С такими ему было проще, всегда свободней, и с ними он мог вполне проделывать все те штучки, что ему как-то по-особенному нравились. Блудил, в общем, Есенуарий Георгиевич в своих фантазиях. Кончал всегда страстно. Нравилось ему всегда подобное. Предавался порой он этому все чаще и чаще. И на каком-то этапе собственной жизни задумался вдруг о том, почему же все происходит с ним именно так, а не иначе. Был ли выход из создавшегося положения вещей? Мог ли он когда-нибудь по-настоящему

измениться, или на самом деле жизнь его уже была подчинена каким-то загадочным для него законам и шла согласно независящим от него обстоятельствам.

Признаться, вопросы эти беспокоили Есенуария Георгиевича. Не в пример прошлому, сейчас он решил не отпускать разрешение таких вопросов, и во что бы то ни стало разгадать загадку бытия. И став отгадывать, вдруг довольно быстро пришел к выводу, который стал вдруг вычерчиваться настолько явно, что прокрутив в голове еще пару-тройку иных вариантов, Есенуарий убедил себя, что все понятно, ничего нового он уже не откроет, что все, что происходит с ним происходило по одной единственной причине, и что, собственно, даже переживать по этому не стоило ибо все равно он был не в силах что либо изменить.

Нет, конечно же, Есенуарию не хотелось, чтобы все было именно так, а не иначе. Он хотел бы, чтобы было иначе. Он даже пытался бы тогда что-то сделать, что-то изменить, может даже вообще одуматься и начать жить иначе, но... Но все было совершенно бесполезно и необъяснимо для него. И потому Есенуарий смирился. И как-то быстро действительно убедил себя в том, что все, что происходило с ним ранее, как и то, что будет происходить после, как и вообще все что еще не происходило и даже может не будет происходить но непременно произойдет – все это ясно, понятно, даже видимо допустимо и приемлемо, и что уж точно совсем не зависит от какого-то его желания или не делания, и заключается все – в проклятии его рода. В этом корни всех бед и причина несчастий. И если бы даже он захотел что-то изменить – у него бы не вышло. И даже если бы решил во чтобы то ни стало это что-то изменить – все равно бы ничего не вышло. Просто потому, что жизнь его была заранее расписана на небесах. Он это понял. И... смирился. А смирившись – неожиданно начал жить. Вместо мечтаний о женщинах – женился. Вместо мечтаний о работе – устроился на работу. А все, что у него порой и когда-то возникало в виде фантазий – стал воплощать в жизнь.

И стал вдруг Есенуарий Георгиевич очень-очень занятым человеком. И образовалось у него вдруг очень-очень много дел. Но ведь это и хорошо, рассуждал он. Да видимо и правда было неплохо, вдруг подумали и мы. А значит до поры до времени можно оставить его заниматься сейчас самим собой. Да будет так.

Январь 2014

рассказ

Любовь к женщине

Он бы мог назвать это ядом. Мог вообще никак не называть. Сути от этого не менялось. У него была страшная зависимость, продиктованная, прежде всего, природой. Той ее сущностью, которая иной раз может принимать и вовсе ужасающие размахи. И, прежде всего, мучила его

бесконтрольность. И борьба. Вечная борьба со своими желаниями. Когда разум понимал что того, что делал он, делать не стоило. А сама жизнь словно бы диктовала обратное. Фактически насмехаясь над ним. И что уж точно, вводя его в серьезные печаль-тревогу.

.....

Таранцев не думал, что когда-нибудь ему предстоит раздумывать над тем, что стоит, а чего не стоит делать. И хотя на самом деле вопрос был двоякий, все больше склонялся Феликс Васильевич к необходимости принимать диктуемые ему природой условия. Но принимать их как бы условно. А на самом деле стараться все-таки пойти наперекор желаниям. И может быть даже наперекор судьбе. Хотя, видимо, все же ставить так вопрос не стоило. Потому как на самом деле все было более чем непредсказуемо (относительно его дальнейшего поведения). И если было бы возможно что-то изменить, наверняка он поспешил бы возвратиться назад. И уже оттуда, из прошлого, вновь начать разбег. Хотя и вполне могло получиться так, что этот разбег принял бы тот же вариант (жизни), который был сейчас. И тогда уже получалось, что может и не стоило что-то кроить. А необходимо было взглянуть на происходящее по-новому. Ну, то есть уже получалось, по-другому.

И в этом желании - не желании делать чего-то подобное пребывал сейчас Таранцев. И судьба периодически склоняла чашу весов то в одну, то в другую сторону. И получалось, шатало его из стороны в сторону. И не ведал он на самом деле, чью в итоге примет сторону. Потому что нравилось ему и так и этак. Как, впрочем, было и все в его жизни. И потому в отличие от многих других жил он не одну жизнь, а как минимум две. Или же одну - но в двух вариантах. Когда на любое действие был еще один вариант. И любую жизненную ситуацию можно было в итоге повернуть и в ту и в иную сторону.

Притом что как будет лучше -- Таранцев не знал. Задумывался, конечно. Но не знал. А сами раздумья иногда могли закончиться для него и вовсе чем-то до странности нехорошим. Тупиком, в общем. Жизненным тупиком. И когда близилось нечто подобное, Таранцев готов был бежать сломя голову. Но не бежал, понимая, что от себя не убежишь.

Вообще-то Феликс Васильевич Таранцев был образованным человеком. Имел высшее образование. Планировал получить еще одно. Думал даже о получении ученой степени. В общем, был во всех отношениях положительным человеком. Да к тому же был еще и добрым. Работал чиновником в госструктуре. Работа не пыльная, сиди, перебирай бумажки.

Но вот не любил Таранцев те моменты, когда в него вселялся бес. То есть вроде как был человек один, а тут вдруг словно ветром наносило нечто такое, отчего преобразовывался Феликс Васильевич самым загадочным образом. И даже если стремился к чему-то, то, пребывая в таком

состоянии, уже мог ни о чем и не задумываться. Потому как все равно знал, что провалится в пустоту. В пустоту неизвестности. Потому что не ведал, каким выберется из нее. Почему-то казалось, что окажется он с изменившимся сознанием. А оказывалось, что пока он оставался таким же после возвращения, как и уходил. Ну, или не уходил, а его уносило. Уносило без какой-либо возможности обрести покой.

Но пока так случалось, что он его все-таки обретал. Хотя и чувствовал Феликс Васильевич, что с каждым разом становилось все сумбурней на его душе. А что до сердца, так там вообще была какая-то странная тяжесть. Которой еще недавно, вроде как, и не должно быть. А вот была. И тогда... Тогда искал Таранцев успокоения в женщинах. Каким-то образом женщины действовали на него успокаивающе. Он подбирал их по интернету, часами просиживая на сайтах знакомств, делая только ему известный анализ представленных женщинами анкет, пока наконец не находил одну единственную, с которой разом загорался желанием переспать. И тогда он составлял ей такое письмо, от которого мог устоять уж совсем черствый человек.

Но среди отобранных Таранцевым таковых не было. Потому что никогда не писал он в пустоту. А поначалу действительно все прорабатывал более чем тщательно.

.....

Девушку звали Вера. По внешнему виду она походила на прожженную мадам из тех, кому за тридцать. Но, судя по тому, что было написано в анкете - походила скорее на черта в юбке. Причем красива была до безобразия. А в глазах ее был написан исключительно разврат.

И вот как раз этот разврат и смутил Феликса Васильевича. Потому как написал он ей, и уже на следующий день встретился, а вечером переспал. Ну, то есть, оказался прав по поводу возможности всего и сразу. Хотя с другой стороны, он ведь и анкеты смотрел такие, где девушки и женщины согласны были на все и сразу. То есть на не просто знакомство, а знакомство с непременно интимом. Причем желательно - в день знакомств.

Таранцев надежды дамы оправдал. Причем, даже не задумываясь об этом. Чем в какой-то мере и поплатился, потому что, желая после секса свалить, он понял, что так просто свалить не получится. Причем, конечно же, Вера его не держала. Но вот задала она несколько каких-то загадочных фраз. Причем как будто к делу совсем не относящихся. А в итоге получилось, что как будто и уйти хотел Таранцев, а не мог. И словно непреодолимая сила тянула его на Веру. Поэтому совсем скоро он совершил еще один акт любви. Что, по его мнению, в его сорок три года было некоторым перебором. По крайней мере, раньше так часто у него не получалось. Но с другой стороны раньше ведь и не было рядом Веры. "Она, она привязала его", --подумал Таранцев о себе в третьем роде, и, получалось, уже как о неживом человеке. Что очень ему не понравилось. И он

постарался тут же изменить проговариваемый набор (и относительный) порядок слов. После чего даже вслух произнес нечто такое, что Вера посмотрела на него широко раскрытыми глазами. И на самом деле видимо тогда уже задумалась о том, что что-то все-таки происходит с Феликсом Васильевичем не хорошее. Ну, или хорошее, но все же не совсем то. И видимо тогда же решила Вера изменить его. Можно сказать вылечить. Хотя и специалист по нейролингвистическому программированию Вероника Хараказ не очень любила слова типа лечение и прочее. Предпочитая лучше вообще об этом не говорить, чем говорить что-то такое, отчего явно будет чувствовать ее собеседник дискомфорт. А если дискомфорт, значит и затруднение в общении, и, главное, затруднение в получении от нее информации. Информации, согласно которой она могла управлять практически любым человеком. Ну, разумеется, если этот человек не был по уровню мастерства выше ее. А таких на ее пути... Хотя, встречались, конечно же. Но в последнее время тридцатидесятилетняя Вера Хараказ предпочитала использовать свои навыки на тех, кто не мог бы ей противостоять. И одним из таких людей оказался Таранцев. Который недоумевал, каким же образом он не может отвязаться от этой женщины. А даже наоборот, его всячески тянет к ней. И он уже даже (совсем неожиданно для себя) проникся к ней такой любовью, что уже если и хотел жить и думать по своему, то не мог. А если и жил, то сам Таранцев понимал что это не так. Хотя бы потому, что поступки он стал совершать такие, которые были не свойственны ему раньше. И с этим как будто ничего уже не мог поделать. Эта женщина подчинила его. Так считал сам Феликс Васильевич.

А вот Вера отчего-то в первый раз (быть может и в первый раз за долгое время долгой практики) почувствовала, что еще не совсем находится этот человек в ее власти. Притом что ни к какой власти она не стремилась. А просто коллекционировала мужчин. Которых у нее, помимо Таранцева, было уже десятка два. Причем каждый считал (Таранцев, например, считал так же) что был единственным. Тем единственным, которого она любила и подчинялась. Ведь она действительно подчинялась им всем. В постели. А они, глупые, считали, что подобное подчинение располагается и на остальную жизнь. И вели себя как хотели. А на самом деле делали то, что хотела от них она. А если не хотела, то все равно жили так, как хотелось бы ей. Словно с бессознательной оглядкой на нее.

И были у Веры Хараказ на каждого соответствующие рычаги управления. Благодаря которым накладывалось определенное табу на какие-то поступки и мысли. А что-то наоборот, беззаговорочно разрешалось.

И наверное каждый из мужчин Веры Хараказ мог сказать, что после встречи с Верой изменилась его жизнь удивительным образом. Потому что стал неволен он уже над своими поступками. Да и совершал порой те поступки, которые ранее были ему не свойственны.

.....

Таранцев стал чувствовать, что что-то не то. Прежде всего, он удалил свои анкеты со всех сайтов знакомств, в которых когда-то был зарегистрирован. Во вторых, уничтожил имеющуюся картотеку (базу данных) которую вел последние несколько лет.

Теперь он мог начать жизнь с чистого листа. Потому что даже место его работы, где раньше ему виделись какие-то перспективы, его теперь не устраивало. И совсем скоро ему предложили другую работу. Причем, почему ее предложили именно ему, Таранцев еще по привычке начал раздумывать, да теперь никакой раздумчивости не получилось. У него вообще куда-то исчезла неуверенность. И он совсем неожиданно для себя стал действовать решительно и наверняка. А в те ситуации, где могли быть раньше какие-то раздумья, он вдруг каким-то таинственным образом перестал попадать. И все было ясно и понятно. А он уже даже и не пугался этой ясности.

Тогда как раньше в любой ясности видел подвох. И предпочитал эту мнимую ясность самым надлежащим образом проанализировать.

Но то было раньше. Сейчас Таранцев стал другим. А из души его каким-то образом уже чуть ли не окончательно исчезла тревожность. Правда, окончательно она не исчезнуть не могла. Но у его тревожности словно бы сменились акценты. И теперь та стала проявляться главным образом когда не было рядом Веры Хараказ. И Таранцеву в таких случаях хотелось в срочном порядке отыскать Веру. И любить ее самой отчаянной любовью с половым уклоном. А она чтобы не сопротивлялась и отдавалась ему с пылом настоящей страсти. Доставляя Феликсу Васильевичу такое удовольствие, что ему хотелось от этого веселиться. И даже смеяться. Тогда как он давно уже решил смех из своей жизни исключить. Ну, если не окончательно, то по крайней мере здорово ограничить его. Оставив для каких-то исключительных случаев. Которые, рассчитывал, не наступят.

.....

И получалось так, что чем больше Таранцев стремился удалиться от Веры, тем наоборот - привязывался к ней. И уже даже восклицал иной раз (в самые отчаянные минуты), что, мол, все, устал, хочет свободы и прочее, это еще совершенно ничего не значило. Потому что уже почти тут же бежал он к Вере Хараказ как побитая собака. А она позволяла себя любить. И он не ведал, что его так программирует: ее тайные манипуляции, или же сексуальное желание, которое она провоцирует всем своим поведением. Поведением в котором просматривается исключительная доступность. И возможность реализовывать все и вся, возникающее в его бессознательном. Которое распоясалось в последнее время самым безобразнейшим образом. Ну а он ничего не мог поделать.

И только поддавался влиянию его. Ну и уже получается влиянию Веры Хараказ. Женщины, которую любил.

И понял Феликс Васильевич, что может и не стоило ему так-то уж мучиться да страдать. А и сами страдания вполне могли бы уже давно исчезнуть, сублимировавшись, например, в страсть. И тогда уже оставалось ему не препятствовать какими-то своими мыслями этой страсти. Тем более что у него была действительно женщина, которую он мог любить на раз и не два, а всегда. "А там уж как получится",--подумал Таранцев, и стал названивать Вере, с просьбой приехать и удовлетворить его. Он уже не мог ни без Веры, ни без страсти. Попал, получается, в зависимость. В зависимость от любви. И в зависимость от женщины, которую любил. Ну а что он мог поделать... Тем более если его женщина сама хотела этого. А он просто шел у нее на поводу.

27.08.2006 год.

рассказ

Трудный случай

пролог

По сути, он никогда не думал, что сможет так запутаться. Все что было до этого, можно назвать так, детские забавы. И это при том, что возраста он был хоть и молодого, но вроде как совсем не детского. А вот влюбился как мальчишка. А даже не влюбился. Нет. Пожалуй, о любви было говорить еще рано.

Но выходило так, что с момента знакомства, эта женщина не выходила у него из головы. И ведь совсем вроде как понимал...

Нет. Судя по всему (уж в этом он мог себе, пусть и неохотно, но признаться), он только силился что-то понять. Да и мозг его всегда, вроде как, работал как надо. А тут такое...

1

Началось все с того, что Алексей искал, чем бы ему заняться. Ну, в смысле, не то, что заниматься ему было нечем. Он был вполне успешный научный сотрудник НИИ. У него была ученая степень кандидата наук (социология). Отдельная квартира. Машина. Любящая жена. Но... Но вот все это было с частицей «но».

Степень – была. Но какого-то материального достатка она ему не приносила. Квартира – досталась от родителей (уехавших за границу). Машина – ВАЗ. Хоть и последней модели (одной из последних), но ВАЗ есть ВАЗ. Жена? Ну да. Жена его любила. Но при этом (об этом Леша узнал случайно) любила еще и остальных мужчин.

Но по большому счету не это было главное. Все дело в том, что Леша самым неожиданным образом стал испытывать чувство к замужней женщине. Причем не просто к замужней, а муж которой был на порядок успешнее и может быть даже умнее его. Да еще и внешне привлекательнее (выше, и с фигурой бывшего спортсмена-волейболиста). А сам Леша был маленький и щуплый. И кроме шахмат, никаким спортом не занимался.

Ну и может даже не это было то, что в последнее время очень даже его удручало. Ну, как бы это выразить. Леша чувствовал, что и Лиза (ту красивую женщину звали Лиза) была умнее его. А может и хитрее. Ну что уж точно, пока она опережала его в предвидении ситуаций. И это... Ну как бы сказать. Это его удручало.

Да что там. Алексей мучился тем, что он впервые встретил человека, поведение которого не мог предвидеть и предсказать.

С одной стороны, все вроде как было ясно. Но вот эта ясность его и пугала. Лет десять, даже пять назад, он, быть может, и не обратил бы на это внимание. Все-таки тогда он был моложе, а значит и самонадеяннее. Не увереннее, нет. Уверенным он был всегда, и на это возраст, в его случае, вроде как никогда и не распространялся. А сейчас выходило так, что Алексей понимал, что он, мало что понимает. И общаясь с Лизой, более чем отдавал себе отчет, что находится на грани, будучи вынужденным включать в полную силу интеллект, и все равно чувствуя, что ему дают некую фору. И что стоит только Лизе (Лизе было сорок один, Алексею тридцать четыре) захотеть, и она разделает его в пух и прах. А он совсем ничего не сможет ей противопоставить.

А ведь как было хорошо («хорошо ли»? — не раз уже начинал задумываться он) раньше. Практически все, с кем его сводила судьба, проигрывали (а большинство и значительно) ему в развитии интеллектуальных способностей. Нет, никто из них дураками (или дурами) не был (с такими он не общался). Но, разговаривая с ними, Алексей чувствовал себя на коне, потому как переигрывал своих подруг, знакомых, друзей и товарищей порой на несколько ходов вперед. Спокойно, без напряжения, манипулируя людьми, играючи провоцируя их на совершение интересных ему поступков, и, предвидя их, «вел» этих людей дальше.

В случае с Лизой все было не так. Еще год назад Лиза (Елизавета Андреевна) стала членом корреспондентом академии наук. Несколько лет назад стала доктором наук, профессором, заведующей кафедрой философии одного из вузов Санкт-Петербурга (помимо этого она была профессором нескольких зарубежных университетов). Муж ее был мультимиллионер, а в прошлом тоже доктор наук. И по всему выходило, что тягаться Алексею было не с кем. Он попросту (и как бы уже изначально) на порядок проигрывал. И чем больше он начинал узнавать Лизу, тем больше понимал, что этот разрыв увеличивается. И ему, быть может, и совсем было нереально заполучить

эту женщину. Внешне, кстати, очень красивую женщину. И, разумеется, прекрасно знающей себе цену.

Но вот как же он хотел, чтобы эта женщина была с ним!..

И при этом понимал, что это, в общем-то, невозможно. Впервые он вынужден был сказать себе, что невозможно. До этого, ничего невозможного для него не существовало. Он привык сам добиваться любых целей. Привык, совершенно ни на кого не надеясь, знать что всегда (до встречи с Лизой он еще мог говорить «всегда») добьется запланированного. А вот теперь...

Нет, так вышло, что и здесь Алексей сдаваться был не намерен. Причем, как бы уже не было, он знал, что все равно если не добьется, то, по крайней мере, очень даже приблизиться к выполнению своей задачи. Но вот как-то удручало его, что это невозможно было сделать (как раньше) сразу. Он вообще привык всего добиваться сразу. И привык, что достаточно свободно обыгрывал всех своих вольных или невольных конкурентов. Да и... быть может это его, в конце концов, и развратило. Слишком он уверился в своем могуществе. И долгое время все было действительно так. А вот сейчас...

Сейчас на душе Алексея было очень беспокойно. Можно даже сказать, он готов был впервые за долгие годы признаться себе, что до конца не контролирует ситуацию.

Но что было, пожалуй, самое интересное,-- ему это нравилось. Его мозг впервые за годы готов был плясать и петь от радости. Наконец-то ему выпала настоящая работа. Наконец-то он сможет включиться, заработав на полную мощность. Да он и так уже работал на полных оборотах. Общаясь с Лизой, совсем и невозможно было иначе. Невозможно было филонить. Любой подвох будет тут же обнаружен. А для Алексея было бы самым печальным потерять расположение этой женщины. Женщины, в чувствах которой он угадывал некоторую взаимность. Хотя и подозревая пока, что с ее стороны это была своего рода игра, проверка. Как меряются силой борцы перед схваткой. Как боксеры, начиная первый раунд, проверяют мастерство другого. А уже потом, начинают бить, используя обнаруженные ошибки соперника.

Меньше всего Алексей сейчас хотел быть соперником Лизы. Он даже не мог признаться себе, что полюбил эту женщину. Раньше, много лет раньше, он мог (и говорил) слова любви другим женщинам. А тут впервые обнаружил, что в случае с Лизой все совсем даже и не так. Все серьезнее. Намного серьезнее. И ему... ему очень хотелось разгадать загадку этой женщины. Алексей впервые признался, что его в первую очередь прельщало в этой женщине. Загадка. Он впервые столкнулся с тем, что объект нельзя было проконтролировать. Не то что потрогать руками,

а между ним и другим человеком обнаружилось некое невидимое поле. Быть может даже магнитное. Которое пока не действовало, и потому вы могли и приближаться и отдаляться. Но вот выходило так, что постоянно чувствовали, что вам попросту позволяют это делать. Не вы, а вас – контролируют. И в любой момент с вами могут поступить так, как захотят. Быть может даже, наигравшись, выбросят как ненужную вещь.

Алексей никогда ничего не выбрасывал. В крайнем случае, он мог что-то кому-то подарить. Но у него никогда не было чего-то не нужного. Все ему было необходимо и очень-очень дорого. И потому сейчас, он в какой-то мере даже стал осознавать, что человек перед ним, быть может, даже и не совсем тот человек, который был ему нужен. Необходим. Ведь все так могло получиться, что и действительно, не разгадав с какой целью Лиза общается с ним (перед глазами Алексея все время был муж Лизы, некий эталон мужчины), невозможно было и узнать, что его ждет впереди.

Впрочем, Леша понимал, что он, видимо, попросту форсирует события. А на самом деле все намного проще, и даже быть может неинтереснее.

Но в любом случае, это все будет впереди. И он обязательно разрешит мучивший его вопрос-загадку. А пока... пока Алексей тайно радовался в душе, что все это было именно так. Ведь это означало, как минимум, что жизнь продолжается. И в ближайшее время уж точно не будет скучна. И пока это было самое главное.

29. 06. 07.

рассказ

Просто жить

Он мог долго еще ходить по краю, да устал, и немного замерз.

И ведь, что было странным... Валя Кумачев не был каким разнеженным человеком. Даже сейчас, в свои сорок, он до сих пор оставался человеком слова и дела. Ну, это когда дела не расходились со словами.

И ведь сам ничего не делал, лишь управлял. Но как раз управление самое-то и трудное. Потому как яму начать копать может любой, а придумать, где взять экскаватор, да еще и договориться без денег - здесь уже не каждый. Далекое не каждый. А то и вообще, таковых были единицы. И Валя всегда был рад - что принадлежал к их числу.

Хотя еще пару лет назад он этого не осознавал. И все, что происходило с ним, случилось словно бы тогда, когда он в полной мере не отдавал отчет в том, что происходит. А делая попытку что-то проанализировать - Валентин почти непременно наталкивался на бездну того, что он упустил раньше. Да и что такое - раньше? Раньше он действительно не обращал внимание на что-то такое, что, как оказалось, способно в дальнейшем привести вот к такому вот раскладу. Притом что

Валя до сих пор не отдавал отчет в том, что и как должно (могло) произойти. Все казалось ему слишком преждевременным. И если предположить, что он действительно способен был предпринять какие-то шаги, способные разрулить такую ситуацию, то это действительно было так.

Но вот так выходило, что мало он что, по сути, мог, а еще меньшее - хотел.

И почти ни к чему не стремился.

Можно было предположить - такой был в жизни Вали период. И это было так. Потому как во все остальное время Валя был настоящим энтузиастом. Он делал многое, а хотел сделать еще большее. И ничто не способно было заставить его даже остановиться, дабы задуматься о том, что он делает, и сказать себе: чудак! Ты делаешь не то!

Или попытаться структурировать бег по жизни, разделив его на этапы, на преодоление оных, и на новые забеги.

К слову сказать, в теории (если бы Валя подобное попробовал бы) у него все могло получиться. И он, зная это, догадывался о том, что как раз в жизни будет все по-другому. Потому как жизнь...

Жизнь Вале казалась настолько сложной, что он, иной раз, и продолжать ее не хотел.

Хотя и так-то вот закончить - никогда бы не решился. Потому как все больше ему представлялось, что будет когда-нибудь так, что он запросто сможет подойти к любой проблематике с чуть ли не готовым решением. А, зная ответ, согласитесь, всегда жить легче...

Валя Кумачев, сорокалетний человек, жил в большом городе, и мечтал уехать в еще больший.

Сейчас его родной город с трудом дотягивал до миллиона жителей. Тогда как только однажды Валя побывал в городе с пятимиллионным населением, и навсегда загорелся желанием переехать туда.

Он и переехал.

Да вот пожив там какое-то время, понял, что город его не принимает.

Надо было уезжать.

Уезжать - или менять менталитет.

Валя выбрал второе.

На это потребовалось десять лет.

И вот сейчас, по прошествии столь недолгого как оказалось времени (недолгого в масштабах вечности; а Валя на многое стал смотреть теперь в таких масштабах), Кумачев Валентин вдруг понял, как ему необходимо жить. Как стоит строить эту жизнь. К чему на самом деле он может стремиться. Что в его силах достигнуть. А что бы он вообще хотел достигнуть...

Валя задавал себе вопросы, и заранее зная ответ, тянул время, наслаждаясь моментом таких знаний. Ведь это раньше он - не зная ответа, и не стремился узнать его, а все больше хотел как раз избежать дальнейших расспросов.

Теперь он стал другой. Теперь Валя - если того требовала действительность - сам лез в бой. Сам даже (случалось и такое) провоцировал постановку ему вопросов (вопросов от жизни, например), и с легкостью (и жадностью) отвечал на них.

И ему стало поистине хорошо жить. Ведь теперь не надо было мучиться, переживать о чем-либо. Все его переживания как раз отошли (а то и вовсе куда-то ушли). А сам он...

А сам Валя Кумачев стал вдруг теперь просто жить. И убедился, что даже просто жить - это прекрасно. Прекрасно - и замечательно. Жить, не накручивая в своей голове какой-либо ахинеи, от которой уставал, запутывая себя и тех, кто пытался помочь разгрести этот бред разума. Да и сам разум уже стал как-то избирательно относиться ко всему, что попадало в поле оценки действительности. А то и сама действительность стала иной. Она даже словно (стало казаться Вале) ждала чего-то подобного, чтобы измениться. И изменяясь, увлекала за собой Валентина. Который стал наслаждаться моментом. И даже стал жить этим моментом. А то и влюбился в то, что происходило с ним сейчас. И ни за что не хотел изменять своему состоянию. Ведь он понимал, что всего этого, быть может, и нет на самом деле.

--Но даже если это так,--говорил он себе,--и не продолжая фразы верил, что эффект от подобного несравненно выше любой самой распрекрасной реальности. Потому как реальность - реальность когда-нибудь заканчивается. А вот то где он находится сейчас - это как бы навсегда.

--Дайте мне просто жить,--молил когда-то Валя кого-то, а теперь стал он просто жить. Жить, не задумываясь о том, что да как будет завтра, послезавтра, да и вообще - всегда. Ему хотелось, чтобы всегда оставалось так же, как и сейчас.

По большому счету Валентин понимал, что он ни кого и не должен просить, просто потому, что все равно не послушает ничье мнение, кроме своего. А своего как будто специально не примет, положившись на нечто приходящее к нему интуитивно-загадочным образом. Тогда как при желании он вполне мог бы и отстоять свое такое мнение, потому как попросту привык доверять тому, что приходит к нему посредством каких умозаключений. Полагая, что это действительно необходимо и оправданно, потому как, предполагал он, подготовлено словно бы заранее соответствующим настроением, прежде всего, вследствие подпадания в соответствующие условия.

И тогда уже оказывается так, что Валентин Кумачев даже знал нечто большее, чем мог сказать. Потому как знания его в таком случае явно носили характер интуитивно-мыслительный. Когда во перед угла ставится то, что пришло интуицией, нежели чем опытом. И при этом как раз

опыт как будто не ставится под сомнения. И априори следует считать так, что все что необходимо - произошло и состоялось.

Ну а если допустить так...

Впрочем, Валя допускал такое в последнее время все чаще. И допуская, он тем самым помогал себе чуть менее, чем приходилось доселе задумываться над вопросами, ответы на которые хоть он периодически и искал, но в то же время они уже были как бы ему и не нужны.

Ну, или не нужны - но тогда предположим, что он позволить себе (приняв во внимание все и вся) временно самоустраниться от них. Полагая, что все равно придется возвращаться через какое-то время. А сейчас как бы - взять отсрочку.

Отсрочка могла носить и временный характер, и весьма затягиваться.

Но как бы в тех вопросах, к разрешению которых подходил Кумачев, это уже не имело практического значения. Потому как понимал он в последнее время несколько больше, чем раньше. И, собственно, радовался этому. Хотя и радость проявлял неким все больше таинственным образом. Понимая, что все это так, а не иначе, а если так - то как бы уже и не следовало об этом говорить лишнего.

А вообще Валентин Кумачев был хорошим человеком. Путался немного в жизни и по жизни, но то, что выходил в итоге на верную дорогу - было фактом.

А потому, быть может, и общалось с ним значительное количество людей. Причем большинство из них стремилось к Кумачеву само. А он всех принимал в свой круг. Пока не понял, что круг этот не только расширился до невообразимых размеров, но и потерялась сама необходимость какого-то общения вследствие потери продуктивности бесед.

А последние - словно в подтверждение - становились все больше поверхностными, туманными, и витиевато-затянутыми. Так что как-то быстро стало всем понятно, что продолжать их не было никакого смысла. А значит... А значит, собственно, и все. Надо было или что-то менять, или все равно перекраивать - но делать это не сразу, а медленно и постепенно.

Трудно было сказать Вале Кумачеву, как и что было делать ему лучше на самом деле.

Он даже сам знал за собой привычку внезапно запутываться, после чего уже невозможно было ничего вернуть-распутать. А все, на что он становился тогда способен - это привести себя в более-менее трезвое (адекватное) расположение духа, после чего сделать еще рывок к новым рубежам. Быть может даже и понимая, что достижение их есть очередная утопия его запутавшегося в реальности разума. И если что возможно сделать, так это попытаться: а) остановить мгновение; б) зайти с другой стороны.

--И может даже в другое время,--как пошутил кто-то из знакомых Кумачева. У него ведь, несмотря на все пертурбации с его сознанием, продолжали появляться знакомые. Которые

стремились в душе ему помочь. А кто-то с таким же энтузиазмом стремился наоборот - воспользоваться его слабостью. Чтобы добиться что-то для себя. Даже, может быть, добиться того, что ему совсем не нужно. Кто знает...

Валя Кумачев уже стал догадываться, что понимать что-то он стал хуже, чем это было раньше. И ему бы предположить, что находится сейчас он просто на новом этапе развития, и все что ему необходимо - замереть, остановившись.

А оказалось все наоборот. Он принялся вновь и вновь запутывать себя. Пока вдруг не понял, что ему надо просто жить.

Он и стал - просто жить. Жить немного в вымышленном мире. Ну, тут уж, как говорится, мир, какой есть. Да и в другой бы Валентина не пустили...

03.12.2007 год.

рассказ

Куб сомнений

Когда Глеб был маленький – он мечтал о многом. С возрастом мечты поубавились. В последнее время (Глебу Владимировичу уже за сорок) окружающим казалось, что он ни о чем не мечтает. Но он мечтал. Мечтал тайно, потому что мечты его на первый взгляд не укладывались в привычные шаблоны массового восприятия. «Но ведь главное, что мечтал»,--рассуждал иной раз Глеб Владимирович, допуская, правда, что иной раз теряет нить между мечтами как тем, что никогда не может быть осуществлено, и мечтами, которые в какой-то мере уже осуществились.

О чем он мечтал? Почти совершенно точно, что такой вопрос вверх бы в серьезные размышления и самого Глеба Владимировича. По крайней мере, он всегда терялся с ответом на вопрос: как и что происходит в реальности, и прослеживается такая уж связь между тем, что когда-то произошло, и тем, что могло произойти. Хотя конечно, в том, что он теряется, Глеб Владимирович не подавал вида. В иные разы он даже вообще старался ни о чем таком не думать. И лишь иногда, в минуты каких-то по-особенному мучительных размышлений, он погружался в бездну воспоминаний. Такие воспоминания путались, пересекаясь между собой иной раз совсем невообразимым образом. И даже казалось что выхода особого из них не будет; а он так и останется блуждать в потемках разума. С таявшей с каждым шагом надеждой отыскать выход, заключающейся, в его представлении, в любом логическом окончании пути.

Но что есть его путь? Является ли это путем в потемках, когда сам понимаешь, что как такового выхода нет; как иной раз нет даже желание продолжать это загадочное движение в никуда.

А нужен ли был ему этот путь? Так ли он был ему необходим? Или это все скорее фикция, чем какая-нибудь явно ощутимая реальность? Он тоже не знал. А может и не понимал. Ведь Глеб

Владимирович когда-то сам себе признался, что многое он с большим трудом понимает; и даже (что вернее) больше недопонимает, чем понимает.

Но он так не хотел думать. Когда наступали похожие минуты, ему казалось что уходит что-то важное. И ему будет почти невозможно догнать это нечто уходящее. А через какое-то время станет и вовсе невозможно. Как невозможно будет найти нить, связывающую с его прошлым, его будущим, его настоящим.

Среди трех составляющих земного бытия человека, для Глеба Владимировича самым непонятным было настоящее время. Он никак не мог понять: живет ли он сейчас в настоящем, или это является лишь повторением какого-то пройденного пути? Или сегодняшнее настоящее словно и ненастоящее вовсе, а, скажем, задатки будущего? Пусть и непонятого им, но ведь на то оно и будущее, чтобы хранить в себе какую-то тайну. Можно сказать, что как раз над такими вопросами размышлял Глеб Владимирович.

Размышляя – он иногда плакал. Плакал тихо, с извиняющимся выражением лица, словно в своем сознании до конца не понимая что делает, или же наоборот, понимая, и от того переживая еще больше. Хотя если разобраться, может и нет ничего такого, что бы ввергло его в такое уж депрессивное состояние, результатом которого были слезы («слезы – как эквивалент выражения душевных мук и страданий»,-- совсем некстати подумал Глеб Владимирович). И хотя слезы подразделяются на слезы грусти и слезы радости («совсем некстати подумал он»), от счастья Глеб никогда не плакал. Как старался не плакать и от грусти. Так, хмуриться быть может, да насупив свои густые брови погружаться вглубь себя. Иногда он при этом ложился на кровать, и его небольшое тело (Глеб так и не вырос, оставшись со своими школьными метр шестьюдесятью сантиметрами во взрослой жизни) сворачивалось в калачик, отчего казалось еще меньше.

Работал Глеб Владимирович... Впрочем, о работе он не любил говорить. Перебрав за свою жизнь множество специальностей и так ни на какой не остановившись, Глеб Владимирович не работал нигде постоянно, перебиваясь случайными заработками и мечтая...

Да. Несмотря ни на что он продолжал мечтать. Мечты Глеба для кого-то могли выглядеть и вовсе туманно-нереалистичными, но на самом деле вполне возможно, что это было не так. Не совсем так. Почти совсем не так. Или так – но наполовину, не до конца, и в этой самой загадочности был сам по себе весь Глеб Владимирович. Туманный, по сути, человек, с туманными и весьма неопределенными перспективами на будущее, да, пожалуй, и на прошлое. Ведь при всем своем уважении (и частичной любви) к прошлому, он это прошлое старался забыть, и что уж точно, лишний раз не вспоминать. Так для него было спокойнее. Притом что на самом деле творилось в душе Глеба Владимировича – не знал никто, и не знал он сам. А о чем он знал? Ну, например, Глеб Владимирович знал, что является, по сути, уникальным человеком. То, что вся его уникальность

иной раз сводилось и вовсе к необъяснимому, Терновский (фамилия Глеба Владимировича) старался не замечать. Но когда происходило подобное, он преображался, являя собой до удивительности загадочного человека. Человека, который готов был идти вперед несмотря на любые трудности. Человека, который не сникал ни перед какими сложностями этой жизни, понимая, что как таковых сложностей попросту не может быть; да и сами сложности скорее являются таковыми лишь в нашем представлении о них. Тогда как на самом деле...

То, что на самом деле, практически не известно никому. Почти каждый человек со временем начинает примешивать в любую проблему свой туман. И тогда в итоге получается нечто и вовсе непонятно-необъяснимое. И уже при всем желании разобраться, реально осуществить это становится очень даже затруднительно.

У Глеба часто менялось настроение если смотреть в каком-то глобальном масштабе, и почти не менялось – если особо не вглядываться в то, как он жил. И пусть жил он до удивления странно, это все-таки было не совсем так. Да и вся его жизнь видимо выстраивалась в единый куб сомнений. Когда почти невозможно было понять что было на самом деле, а что лишь только казалось. Но ведь ему это нравилось?! Эта жизнь действительно нравилась Глебу Владимировичу! Ему было в ней как-то спокойно. И он почти не хотел никаких изменений. Так, быть может иногда Глеб пускался в какие-то и вовсе престранные размышления о том, как было бы замечательно, если бы...

Но дальше он обычно не продолжал, и долго в таких размышлениях не задерживался. Да и вообще, по сути, жил он просто и незатейливо, если отбросить весь тот мистический налет, которым он иной раз окутывал сам себя. Да и если ему нравилось так жить, то, собственно, пусть и живет. Главное ведь чтобы жил. А остальное лишь детали...

26 августа 2009 г.

рассказ

Всемирная паутина

1

Гриша Рогов открыл для себя интернет.

Поначалу его немного смущало словосочетание «всемирная паутина». Но со временем он справился с первоначальным волнением. И даже нет-нет, в каком разговоре с тем или иным знакомым, уже с видом знатока делился мыслями-впечатлениями (почерпнутыми из полухакерских интернет-журналов) о том, что представляет из себя система интернет.

Гриша был уверен, что это была система.

На бессистемность ссылался, иной раз, его закадычный друг Ваня Пригов, но Гриша оставался непреклонен. Он вообще был упертый по жизни. Если начинал какое-то дело – шел до конца. Если

чувствовал неладное – так прямо и говорил об этом. Ну и вообще, был честным человеком, 23 лет отроду, заканчивал Академию связи, хотя до самой связи был, в общем-то, безразличен.

Можно сказать, что и в сам интернет первый раз он залез постольку-поскольку. А потом как-то и сам не заметил, как ему понравилось. И можно сказать, прошло еще какое-то время (весьма незначительное) и Гриша Рогов уже не мыслил себя без многочасового сидения в сети интернет. То, что это была сеть – он понял не сразу. Гриша часто встречал подобные упоминания, но не обращал на них серьезного внимания. Допуская, что в жизни может встречаться всякое. И если пропускать это все через себя – можно сойти с ума, или хотя бы немного – но все равно помешаться. А Рогов этого не хотел. У него была сумасшедшая прабабка, и он опасался, что как бы гены не сыграли с ним подобную шутку, и с ума не сошел уже он.

Пока вроде как проносило. Более того. Гриша Рогов даже решил последовать примеру Вани Пригова, и поступить учиться на психолога.

Не поступил. Закончив Академию связи, Гриша как-то быстро получил предложение о работе. Стал работать. Но и работав, все свободное время проводил в сети.

В сети Грише было интересно. И пусть он пока не дошел до возможности (прежде всего необходимости) прочитывать томами различные библиотеки (одна из функций интернета, прежде всего, информационная), но он знал, что это тоже со временем придет. А пока... Пока Гриша Рогов посещал только развлекательные порталы. И можно сказать, он получал информацию, конечно, но вот информацию совсем иного рода, чем, быть может, ему даже хотелось.

2

Так вышло, что Рогов вдруг отчего-то задумался о характере своих действий. Более того. Ему показалось, что он делает что-то не правильно. И это еще легко было сказано «что-то». На самом деле ему не нравилось, как он делает все. Можно даже сказать, в его жизни подступало какое-то раннее переосмысление происходящего с ним. И он склонен был во всем винить всемирную паутину. Хотя ее вины-то как раз не было, или почти не было.

--Впрочем,--рассудил добрый друг Ваня Пригов, вина могла все же быть. Если учитывать, что именно паутина подтолкнула Рогова к подобного рода переоценке. И не было бы ее...

Рогов с предположением друга не согласился. Поверить-то поверил, рассудив, что возможно все. Но вот что-то удерживало Гришу Рогова от того, чтобы признать, что все это именно так. И что совсем невозможны какие-либо изменения...

--А я разве говорил, что невозможны изменения?—перебил ход мыслей, угадав те, Пригов.

--Не говорил,--вспомнил Рогов.

--А я разве предполагал, что уже вообще все?—не мог успокоиться Ваня Пригов.

--Не предполагал,--улыбнулся Гриша Рогов.

И задав друг другу еще серию наводящих вопросов-размышлений, друзья забыли о причине спора, как забыли они и о самом споре. Но когда Пригов ушел, Рогов понял, что друг был прав. И что всему виной сам Рогов. И может даже самое лучшее что могло быть – срочные изменения. Изменения уже любого порядка. Важен был сам факт изменений. Да еще и таких изменений, чтобы, при случае, нельзя было повернуть назад, на попятную. А значит, следовало признать все и вся.

--Вот еще что,--вернулся Пригов («недалеко ушел»,--подумал Рогов).—Давай-ка все-таки вместе подумаем над тем, смогу ли я тебе чем-то помочь?

--Не сможешь,--быстро ответил Рогов, но тут же чуть не пожалел о столь скором ответе, потому как Пригов посмотрел на него более заинтересовано, чем смотрел доселе, а какого-то внимания к себе Рогову привлекать не хотелось. Он иногда любил побыть один. Сейчас было как раз такое состояние.

--Не, я серьезно,--ответил Пригов.—Если моя помощь необходима, я могу ее оказать. Если...

--Спасибо, друг,--перебил его Рогов как можно спокойнее.—Пока ничего не требуется.

--Ну да ладно,-- улыбнулся Пригов.—Это я так спросил.

На самом деле и Гриша Рогов и Ваня Пригов понимали, что все далеко не просто так. И если Ваня Пригов, по существу, уставал в институте, с трудов успевая разделяться с многочисленными контрольными да экзаменами, но Гриша Рогов все больше задумывался о жизни. И задумываясь, находил, что представляет эта самая жизнь иной раз удивительную цепь закономерностей, осознав которые, надеялся он, можно будет достигнуть многого.

--Ты многого хочешь,--улыбнулся Порфирий Геннадиевич, бывший школьный учитель, а ныне сосед-пенсионер, с которым Гриша Рогов поделился своими соображениями.

--Вы находите?—удивился Гриша, несколько скептически оглядывая неказистую фигуру Порфирия Геннадиевича.

--Более того, я даже могу тебе доказать,--как ни в чем ни бывало, не обращая на сомнения молодого человека, сказал Порфирий Геннадиевич.—Хочешь?

--Ну, я, пожалуй, еще не совсем уверен...--замялся Гриша.—Мне еще необходимо какое-то время, чтобы все окончательно проверить.

--Да что тут проверять?—удивился Порфирий Геннадиевич Коробков, который – Гриша только сейчас это заметил – был навеселе.—Что тут проверять!—убежденно произнес Коробков.— Я могу в три счета доказать ошибочность всей твоей теоретической базы.

--Ну... может быть...--раздумчиво ответил Гриша, и наскоро придумав какое-то дело, поспешил распрощаться с Коробковым.

--Как знаешь,--услышал Гриша Рогов смех подвыпившегося соседа, но он сейчас уже решил побыстрее войти в сеть, рассчитывая именно там найти все необходимые разгадки.

Однако стоило ему войти в сеть, как Гриша почувствовал, что словно бы появилось в его душе нечто, что требовало неременнейшей разгадки. И если он не сделает этого...

--Ничего не случится,--перебила одну его мысль другая.

--Не случится,--бессознательно повторил Рогов, и подумал, что вероятней всего -- все именно так. А он, получается, попросту излишне драматизирует ситуацию, как ему уже не раз говорили близкие, потому как судьба Гриши заботила их как минимум на порядок больше, чем кого бы то ни было. И поняв уже это, Гриша внезапно почувствовал такой прилив сил и уверенности в себе, что ему, собственно, стало вдруг безразлично многое, если не все. А потом прошло еще какое-то время, и Гриша уже не заметил, как лазил по сети интернет, жадно поглощая все новую и новую информацию, и ненасытно разыскивал сайты в поисках знаний. И можно было сказать, что с тех пор он уже не испытывал никаких сомнений в том, что делает что-то правильное и важное. Хотя и чтобы уж совсем говорить так, видимо, было пока преждевременно. Потому как какое-то время Рогов еще словно бы ждал какой-то ошибки. Ну, или просто считал, что должно было пройти определенное время, за которое все в его жизни придет в необходимую норму.

И по всей видимости, это все было уже точно так. По крайней мере, уверенный пользователь компьютера и любитель интернета Ваня Пригов, и Порфирий Геннадиевич, только недавно освоивший интернет, находили следы пребывания Гриши Рогова в сети. Ну а почему нет. Ведь интернет это для всех,--считал Гриша Рогов, и был, в общем-то, прав.

14.02.2008 год.

рассказ

Борьба

Лепетову, все чаще приходилось бороться. С самим собой. И нельзя было сказать, что эта борьба давала ему такую уж радость. Но и прекращать ее он, вроде как, и не мог. Уже не мог. Потому как – если брошен вызов – необходимо было сражаться.

Когда на самом деле был брошен этот вызов, – Иван Родионович Лепетов не помнил. А может быть, – и вовсе не знал. С недавних пор все случалось само собой. Как будто бы и без его ведома. Но если (вдруг) возникала мысль прекратить борьбу, – он тотчас же, эту мысль, прогонял. Точнее, – «почти» тотчас же. «Почти», – потому как (какое-то время) – все же: смаковал ее. Словно, боясь отпустить. Гадая: что было бы, если бы дело повернулось так, а не иначе?..

Но позволить себе размышлять об этом постоянно – он не мог. Сама его внутренняя сущность – просила борьбы. И он должен был сражаться.

Если у кого сложилось (неверное) впечатление о борьбе, – как о некоем страшном и загадочном действии, – то тут верно, пожалуй, лишь второе. Борьба Лепетова, действительно, была загадочная. И, мне думается, если бы он узнал: в чем истинный смысл ее – тотчас бы прекратил. (Зачем сражаться, если...).

Но никакой потаенный смысл Лепетову не открывался. Да, признаться, Иван Родионович и не делал таких уж усилий, – чтобы его узнать. Он просто (с определенных пор) принял борьбу – как должное. И необходимость ее – как то, с чем необходимо было смириться. Чтобы жить дальше.

Но более всего казалось ужасней то, что эта самая борьба – иной раз – намеревалась свести Ивана Родионовича с ума. Конечно, в какой-то мере, он уже и так был сумасшедший. Например, по заверениям бывшей жены (которая – как только представилась возможность – эмигрировала в Израиль; с удивлением, на прощание, посмотрев на, – решившего остаться, – Лепетова). Но можно ли верить «бывшим женам»?.. И Лепетов не верил. Он вообще, – не верил никому. Даже, иной раз, самому себе. И даже то, – что с детских лет принимал: «как должное», – с недавних пор: стало вызывать в нем недовольство. Недовольство, граничащее с раздражением. И, вероятно, тогда же, Иван Родионович заметил: как только «недовольство» начинало в нем разрастаться (порой до значительных размеров) – тот час же (куда-то) пропадало: и беспокойство; и тревога (точнее – постоянная тревожность); и даже,-- как будто, – неуверенность в себе. Эта самая «неуверенность», – тотчас же сходила на нет. А то и – исчезала. Совсем.

Поразмыслив – Лепетов, вдруг, признался себе, что его новое состояние (пусть «внутри» все и кипело от злобы), – для него значительно лучше, нежели предыдущее. Когда он опасался (сделать) лишний шаг. Дабы только не упасть в пропасть. Попасть впросак. Совершить очередную глупость. Когда (стоило ему только проснуться), – и тотчас же его заполняла тревога. Причем шла она откуда-то из подсознания. Отражаясь (от совсем не совершаемых) поступков. Поступков, от которых могло наступить раскаяние. Да оно и приходило к нему. Заочно. И, вероятно, тогда же – начинало мучить его чувство вины. Вины, как водится, ни за что.

Но он переживал всерьез. И доводил себя, иной раз, до сумасшествия. А заодно – и всех близких, которые, вероятно, (в какой-то мере) уже смирились. С его сумасшествием.

Но вот эта раздражительность?.. Эта раздражительность вызывала борьбу. Начало борьбы. А, быть может, – и вызывалось ею.

И уже тогда, – мог, Иван Родионович, наблюдать чудеса настоящего исцеления. Забавного, в своем роде. Ибо, каким-то образом, одно – подменялось другим.

Но что было самое главное: иной раз, Лепетов, (неожиданно) успокаивался. И ни тревога, не беспокойство – не появлялись. И даже «чувство вины» – было заглушаемо (чем-то). И наступало тогда – состояние умиротворенности. Своего рода – гармонии. И, с недавних пор, именно это состояние – Лепетов больше всего и любил. Любил до боли, до злости, до отчаяния. Не хотел с ним расставаться. Но и, в какой-то мере (тоже, ведь, парадокс), – боялся его повторения. Как будто: «появившись раз», – оно может: не появиться больше. И, в другой раз, – понадобится сделать нечто большее, – чтобы наступила – (эта самая) гармония. А то и – не будет уже – такого шанса.

Однако, об этом Лепетов предпочитал не думать. И, в какой-то мере, наслаждаться тем, что у него было. А была у него борьба. Борьба с самим собой. Борьба за внутреннее единство. Единство борьбы противоположностей. Ведь в конфликт, в какой-то мере, вступали два его начала: желание реализации коммуникативных склонностей (общаться, общаться, и общаться); и желание – одиночества.

И он терялся, не решаясь отдать предпочтение чему-то одному. И он боролся, – стремясь, как-то объединить, два (своих) подсознательных желания вместе.

Что ему на самом деле доставалось от той борьбы?

Но ему уже был интересен сам процесс. Процесс, от которого он не мог отказаться...

22. 02. 05 г.

рассказ

Воспоминание

1

Воспоминание... Воспоминание, бестелесная дымка чего-то, на самом деле, неизведанно–прекрасного; того, что, быть может, уже навсегда (но пока еще медленно и неохотно) улетучивается из памяти; и что, даже если захочешь, – уже не поймашь, не восстановишь в равной мере... несмотря на то, что до недавнего времени это еще удавалось... А ведь, и действительно, удавалось, – с неожиданно появившейся надеждой подумал Артем Исмаилович Веренберг, средних лет, и такого же среднего телосложения, мужчина в пенсне. Ему отчего-то невероятно нравились пенсне; и уже сходящие «на нет», в наш XXI век, – «костюмы-тройки». С отдельным, характерным для них покроем и тому подобными атрибутами давно ушедшего времени. Времени, о котором Артем Исмаилович почти ничего и не знал. А в книги, да учебники он не верил. Но так было лишь в последнее время. А еще недавно... Еще недавно (прошло-то всего... три... четыре... пять?... два!), еще недавно, всего два года назад Артем Исмаилович защитил кандидатскую диссертацию по филологии.

Но с каким трудом она ему далась!

Казалось, на последнем дыхании этот 49-летний мужчина пытался «втиснуть» в мозги членам диссертационного совета ту мысль, которую он сам-то понимал с трудом. Вернее – помнил. Потому как, диссертационная работа, на самом деле была написана еще почти четверть века назад; мертвым грузом, пролежав в ячейках нескольких банков; размноженные копии написанной сразу по окончании ВУЗа работы – бережно «перепрятывались» с одного хранилища в другое. Это позволило «запутать следы» (скрыв «исследование» от «преследователей»). Но и это же, – не прошло бесследно для Веренберга. И кто-то, кто находился где-то «свыше» (а во влиянии над собой, Артем Исмаилович, никогда не сомневался), вероятно, постарался, чтобы действительно все изменилось до неузнаваемости. Так что, преследователи (если они действительно были), давно уже должны были потерять то, что искали.

И, скорее всего, именно так и произошло. Но за это, действительно, потребовалось слишком высокая плата. Ибо, на каком-то этапе, Артем Исмаилович забыл, куда он спрятал свою диссертацию.

...Прошел еще один период, во время которого Артем Исмаилович, все-таки нашел, казалось бы, уже навсегда «потерянное». А, найдя, – заботливо обернул рукопись в еще большее (чем прежде, увеличивавшееся из раза в раз) количество специального «оберточного» материала (который ему подешевке, загнал один знакомый рабочий с «полусекретного» завода). Правда, «знакомым» того назвать было трудно. Разве только ориентируясь на сам факт «знакомства». Да, по большому счету, у Артема Исмаиловича никогда ни с кем не было каких-либо, – даже приятельских, – отношений. От людей, он предпочитал «держаться на расстоянии». И увеличивал это расстояние, иной раз, диаметрально противоположно пройденным дням с последней встречи, которая, чаще всего, была первая и последняя.

Но уже как бы то ни было, Артём Исмаилович спрятал диссертацию, – тщательно обернув ее, – в специально припасенный контейнер. Небольшой такой, чтоб еще раз запутать преследователей. И поместил этот контейнер... в стену строящегося соседского дома, как что, когда опомнился, – пришлось невероятно долго убеждать соседа разрушить недавно выстроенную им стену, для того чтобы достать... контейнер!?

2

Однако, уже как два, года диссертация была защищена.

И Артем Исмаилович внезапно потерял смысл жизни. Все эти годы он перепрятывал свою работу. Лелеял надежду когда-нибудь ее сдать, защитить... и получить славу. Быть может, как раз этой-то славы, он и боялся.

А что как обрушится она так внезапно, что он окажется, к ней просто не готов?! И Артем Исмаилович готовился. Почти ежедневно он «настраивал себя», планировал свое поведение на случай, когда «это», на самом деле, «случится». И все для того, чтобы, когда это на самом деле произойдет – встретить подобное событие (без сомнений – значительное в его жизни) – во всеоружии...

Проходили годы. Нового материала Артем Исмаилович почти не накапливал. Он перестал читать (лишь изредка открывал, какую-нибудь, случайно попавшуюся газету, да пролистывая взятую из библиотеки книгу); почти ничего не писал (отмечая лишь дни, прошедшие с момента помещения в «очередное» хранилище – которые он теперь менял с маниакальной настойчивостью сошедшего с ума и без конца запутывавшего следы разведчика); ни с кем не общался (боясь проговориться о своей «тайне»); да и вообще, предпочитал никого не видеть.

На что он жил? Каждый месяц его дедушка (оставшийся с недавних пор единственным родственником) посылал ему определенную сумму денег. Дедушка жил в поселке недалеко от одного Кубанского городка. Регулярно гнал спирт. Ну, и, видимо, как бы в искуплении грехов – убедил себя, что обязан содержать заблудшего, как он считал, внука. И хоть регулярно посылаемая сумма была невелика, – Артему Исмаиловичу вполне хватало, чтобы не только не искать другого приработка, но и даже раз в месяц заходить в недалеко расположенный от дома бар. Где его считали почти постоянным клиентом. Ибо заходил Артем Исмаилович в это заведение в один и тот же день – последний день месяца – брал всегда одно и то же: тарелку щей, бутылку водки и стакан воды. И приходя (по времени) где-то в начале второй половины дня – «аккуратно» досиживал до самого закрытия. И к нему, вскоре, так привыкли, – что некоторые уже готовы были считать его – чем-то, вроде, «талисмана клуба». Ну, или символа.

И с дедом своим, Артем Исмаилович почти не виделся. Посылая раз в год – в день милиции – открытку. С поздравлениями. Каким-то, видимо, загадочным и одному ему известным способом – намекая на призрачность правосудия. Или, открытка, в его исполнении была некой свечкой, за здоровье родственника «самогоноваренщика». Ну, или еще что-то... Нам сейчас и не догадаться. Впрочем, вряд ли и его дедушка что-то понимал, в этом «жесте доброй воли» внука. Потому как к милиции он, конечно же, никакого отношения не имел; до выхода на пенсию, всю жизнь, проработав сталеваром. Но это уже не имело никакого значения, ибо на своего заблудшего внука – дед давно уже махнул рукой. Не забывая его, впрочем, регулярно поддерживать.

Отец Артема Исмаиловича еще в середине 80-х пропал без вести. А мать – как раз дочка деда – мать, насколько помнил сам Артем Исмаилович, еще, когда он был младенцем, оставила его с отцом, вышла замуж, и уехала в Израиль, где, насколько было ему известно, почти сразу после приезда, и погибла в автомобильной катастрофе.

Удивительно, но Артем Исмаилович почти даже не вспоминал ни о ком из своих «родственников». Может быть, поэтому он и был склонен к «нарочитой», искусственно провоцируемой замкнутости; и уже как следствие, – к одиночеству.

Но Артем Исмаилович, никогда не переживал по этому поводу. И в том, что у него никогда не было жены, – находил даже счастье. Своего рода, «подарок судьбы». И пусть ошибаются те его редкие знакомые, которые почти все без исключения считали, что Артем Исмаилович, просто боится женщин. Нет. Это было не так. Вернее, Артему Исмаиловичу хотелось думать, что это не так. И ему даже почти всегда удавалось убедить себя в этом.

Впрочем, о подобном он старался особо и не размышлять. Артем Исмаилович вообще старался меньше думать о том, что могло нарушить в его душе своего рода равенство. Именно к этому самому «равноденствию», Артем Исмаилович все время стремился. Считая, что внезапные потрясения, – для его психики, будут, невероятно опасны. И тогда уже, почти инстинктивно, Артем Исмаилович стремился избежать всего, что так или иначе, могло свидетельствовать о каком-либо вмешательстве в его сознание. Ибо сознание его, и так уже давно было почти всецело подчинено «бессознательному». Признав его власть; и, быть может, уже и не делая попыток «освободиться». Это было не нужно. Хотя бы потому, что не казалось самому Артему Исмаиловичу Веренбергу возможным.

3

Артем Исмаилович Веренберг уже давно мучился воспоминаниями. Быть может, они и не были ему, чтоб так уж... нужны?.. А порой и хотелось прокричать, в слепой ярости убеждения, невидимому оппоненту, – что эти самые воспоминания, – и не нужны ему вовсе. Совсем... Да, и зачем они ему?.. Ибо понимал Артем Исмаилович (настолько, насколько он еще вообще мог что-либо понимать), что все подобные мысли достаются ему невероятно тяжело, требуя, какую-то свою (мучительную и страшную, и по всему – совсем даже не нужную), правду. Ибо, действительно, становилась эта «правда», – слишком страшной. А то и, – опасной. Конечно же, – опасной. И опасной она была еще и оттого, что как раз самой опасности Артем Исмаилович не видел. Почему-то не видел. Хотя точно знал, что она есть.

В чем она могла выражаться? Может быть... хотя нет... как раз это Артем Исмаилович почти наверняка – отметал. Отчего-то верил Веренберг в свое предназначение. Ну, если не «мессии», – то, что-то схожее с подобным предназначением, должно было быть и у него, потому что – никак не могло быть иначе.

Только это было единственным контрапунктом «за». А величие и предначертанность свыше, – казались Артему Исмаиловичу не только существующими вообще, но и, более чем явно, существующими в отношении него. Только было мучительно больно, что до сих пор Артем

Исмаилович не сумел разобраться, отыскав тот самый час «Ч», когда ему необходимо было начинать. Заявлять о себе. Что касается веры, – тут сомнений не было. И чем больше Артем Исмаилович размышлял по этому поводу, – тем больше он убеждал себя в этом.

Хотя, может быть, где-то в подсознании, где-то в глубине души, не верил и сам.

И, именно, в один из дней, когда начинавшая набирать силу внезапная самокритичность стала перехлестывать через край, – Артем Исмаилович принял душ, более чем тщательно выбрился, одел самую любимую одежду (тот его знаменитый костюм-тройку, который он одевал исключительно «по праздникам»), купил билет на пригородную электричку (по-моему, Выборгское направление), внимательно изучил расписание, отметив про себя время стоянок, число станций, и что-то еще, периодически отрываясь от записей в блокнот и, вероятно, обдумывая что-то, только одному ему известное.

После чего, сел в поезд (пройдя вдоль состава и выбрав вагон, где как ему казалось, было меньше народа), и, дождавшись самого длинного перегона (сверив блокнотные записи с заранее припасенной картой области и наручными часами), – вышел в тамбур. Там еще, зачем-то, всматривался в окно (хотя был уже поздний вечер, и, быть может, это вообще была последняя электричка), достал специально припасенную (и хранившуюся еще с детских лет) отмычку, которая была ничем иным, как выкраденным кем-то из ребят и обмененных на большое розовощекое яблоко (которое Артем без жалости отдал, заполучив штуку, которая тогда ему была, может быть, и не особо-то нужна, но значение которой оказалось «востребованным», много лет позже), вставил этот ключ-отмычку в замок двери, раскрыл ту, зачем-то оглядевшись назад, словно опасаясь, что кто-то его сможет остановить, и вобрав в свои легкие порыв удивленного ветра, – шагнул в пустоту...

01 ноября 04 г.

рассказ

Луис Альберто

Я шел по Нью-Йорку. Американцы надоели мне уже за неделю. Точнее – не американцы. Этот народ мне нравился. Достали меня все эти люди непонятных национальностей, которыми кишел Нью-Йорк. Латиноамериканцы, китайцы, арабы... Они задевали меня, когда я шел по улице; спешащие куда-то – матерились. Ну, или мне казалось, что они матерятся. Английского я не знал. И, по большому счету, я презирал их всех. За что? Наверное за то броуновское движение, участником которого я становился благодаря им.

Через четверть часа я должен был встретиться с Луис Альберто. Парня звали иначе. Это я назвал его так из-за схожести с героем мексиканского сериала. Луис Альберто знал, где продается

марихуана. Ну, или сам должен был принести ее. Мы так неопределенно договорились, что я понял только одно: мы должны встретиться. А там...

Луис Альберто мне нравился. Нравился, прежде всего, своей уверенностью. Казалось, он всегда знал, что нужно вам. И мог это достать. И, несмотря на то, что я догадывался, что это не так, бессознательно я симпатизировал ему. Да и какая разница? Что-то ведь он мог.

Луис Альберто на встречу не пришел.

– Ебаный мексиканец, – ругался я, уже в течении получаса после обусловленного времени свидания расхаживающий взад-вперед по улице, на которой мы должны были встретиться словно «случайно».

На случайности настоял Луис Альберто. Сейчас я его проклинал за эту, непонятную мне, конспирацию. Какая к черту конспирация, если я уже полчаса расхаживаю по одной улице. Улица была метров в двадцать длину. И понятно, что я уже успел засветиться.

– Серджо? – тронул меня кто-то за локоть, когда я уже собрался уходить, мысленно послав к ебням собачим и Луис Альберто и знакомого переводчика, который свел меня с ним.

– Серджо, – повторил голос. Всмотревшись, я узнал в говорившем Луис Альберто.

--На хуя ты так вырядился? – непроизвольно вырвалось у меня. Вместо костюма и дипломата (его повседневная одежда и дополнение к одежде) на моем мексиканском приятеле сейчас была одежда негров США: длинные до колен шорты, бесформенная бейсболка, кепка.

– Ничего себе маскарад! – присвистнул я, не дождавшись от Луис Альберто ответа. — За тобой, наверное, следили, – пытался я догадаться почему он так вырядился. – И, уходя от погони, ты решил замести следы? Или...

– Все намного прозаичнее, – перебил меня Луис Альберто. Луис Альберто говорил по-русски. Когда-то он был студентом московского института дружбы народов. – У меня спиздили одежду (ругаться его научили русские студенты), – вздохнул он. – Оставили этот маскарад, – он попытался окинуть себя взглядом со стороны. У него получилось. Он тотчас же попытался снять одежду.

– Ты ебанулся, – уберег я его от позора. – Зачем же раздеваться? Кстати, кроме этого одеть было нечего?

– Я же говорю, что все украли, – вздохнул Луис Альберто.

– Так давай зайдем в магазин и подберем что-нибудь, – я был преисполнен решимости доделать запланированные на сегодня дела. Если мой мексиканский товарищ не способен идти за марихуаной в таком одеянии, я готов был купить ему другую. Вечером ко мне должны были придти две подружки из Сербии. Я уже раз трахнулся с ними. По очереди и в разное время. Сейчас мы

договорились переспать втроем. Чтобы лучше стоял, мне нужна была марихуана. Ну и заодно марихуана нужна была, чтобы раскрепостить подружек. И хоть они в этом не нуждались, я решил подстраховаться. На случай, если кто-то начнет испытывать смущение. Ну и самое главное: втемняшив что-то себе в голову, я мог стоять на своем до последнего. Поэтому сейчас я, во чтобы-то ни стало, должен был достать траву. О чем и сказал Луис Альберто.

– Трава у меня с собой, – вздохнул Луис Альберто. – Но...

Я не дал ему договорить. Я схватил товарища и поволок его к фасаду ближайшего здания.

– Давай, давай поскорее передай мне то, что ты принес», – попросил я, как только его спина уткнулась в здание.

Луис Альберто видимо хотел что-то добавить, но я вырвал пакет из его рук.

– Трава очень хорошая, – сказал Луис Альберто. К нему вернулась его уверенность. – Совсем без семян.

– Так мне же наоборот нужно с семенами? – посмотрел я на Луис Альберто. – А ладно, какая разница, – тут же махнул я рукой, про себя подсчитывая, на сколько порций хватит пакета.

Выходило, что нам троим хватало обкуриться.

– Можно я приду к вам, – поверг меня в шок своим вопросом Луис Альберто, когда я, закурив сигарету, стал прогуливаться с приятелем по улице.

– Куда ты хочешь придти? – поинтересовался я, вспоминая, когда я ему говорил, что намечается сегодня вечером.

– Ну как же, – остановился, посмотрев на меня Луис Альберто. – Ты разве не встречаешься сегодня с русскими товарищами?

– Зачем мне встречаться с русскими това... – начал было я, да вдруг вспомнил, что Луис Альберто, поначалу, ни за что не хотел продавать мне анашу. И согласился только тогда, когда я намекнул о том, что, как я подозревал, он хотел бы услышать: что я специально приехал в Нью-Йорк из Москвы, чтобы встретиться с членами подполья. И хоть приехал я из Санкт-Петербурга, и совсем по другому поводу, я почему-то подумал, что Луису Альберто будет приятно услышать именно это. Переводчик, который меня свел с ним, намекнул, что мексиканец сбрендил на революции и верит в победу мирового коммунизма еще с обучения в Союзе. То что он до сих пор не знал что Советского Союза уже нет я понял сам, когда разговорившись с Луис Альберто, он доверительно сообщил мне, что, по его мнению, КПСС грозит скорый распад. «И у вас в стране», – доверительно сообщил он, – «могут появиться другие партии».

– Да партий уже до хуя, – непроизвольно вырвалось у меня. Но Луис Альберто не поверил.

– Я не могу тебя взять на встречу, – как можно вежливее сказал я. – Тебя в нашем подполье (я решил играть по его правилам) не знают. Могут посчитать, что твой приход это провокация – и убить нас обоих. – Надо выждать время, – улыбнулся я, пытаясь по глазам Луи Альберто понять, поверил ли он во всю эту лабуду.

Он поверил. И даже сам предложил разойтись немедленно, чтобы лишний раз не компрометировать меня.

– Это лишнее, – удержал его я. – Члены подполья засекречены. И никто из них в Нью-Йорке не живет. Приезжают из других мест четко к назначенному времени. Сейчас был полдень. Встреча с девушками (подпольем) была назначена на восемь вечера. Так что у меня еще вполне было время пообщаться и с Луис Альберто. Я предложил ему пойти в бар.

– А это не помешает конспирации? – спросил он, но я так отчаянно замотал головой, что мексиканский товарищ сразу успокоился. Луис Альберто мне всегда верил.

В баре Луис Альберто напился. Причем, то ли виски легло на старые дрожжи (у меня почему-то было подозрение, что Луис Альберто любил выпить), то ли не нужно было нам мешать виски, водку и пиво, но сейчас передо мной был результат: Луис Альберто был пьян. В хлам.

– Ебанный рот, – выругался я, не представляя куда я потащу мексиканца. Я совсем не знал, где он живет. А везти его в номер, который снимал я, по понятным причинам не мог. Все же другие номера в гостинице, как я знал, были заняты. Я сам хотел перебраться в другой, более большой. Но нагрянули китайцы, участники какого-то симпозиума, которые непременно решили остановиться в той же гостинице, где и жил я.

– Может оставить его в баре? – подумал я. – Вот так вот взять и уйти. А его оставить сидеть за столиком, аккуратно притулив к стеночке. До закрытия наверняка протрезвеет. И уйдет домой сам. К себе домой. Ведь я же не знал где его дом.

Погрузив Луис Альберто в такси, я повез его в гостиницу. «Брошу спать в ванну», – решил я. Но тут же подумал, что девочкам наверняка захочется принять душ (до или после). И что тогда делать с мексиканцем?

Рассчитавшись с таксистом, я, обхватив Луис Альберто за талию, с трудом потащил его в гостиницу. Он был тяжелый, этот мексиканец. Я, в джинсах, сандалиях, и рубашке на выпуск и мой спутник в одежде негров, с поникшей головой и волочащимися за его телом ногами, явно производили странное зрелище. Можно было решить, что я снял негра, напоил его, и теперь волок в свой номер. Ебать... Именно этим я объяснял себе все те взгляды, которые сопровождали нас еще с

улицы, перед входом в гостиницу, и закончились только когда я открыл свой номер, опустив Луис Альберта в ванну.

– Ебанный мексиканец, – выругался я. – Проклятый пидарас.

Я понимал, что до прихода сербок должен куда-то вывезти Луис Альберто. Заниматься любовью с девушками я хотел без посторонних. Да и пьяная рожа мексиканца помешала бы настроиться на нужный лад.

Время шло, а я так ничего путного и не придумал, как оставить Луис Альберто в ванной.

– Хуй с ним, – подумал я. – Девкам скажу что ванны у меня вообще нет. Буду ебать их грязных. Да и после анаши мне уже будет все равно. А после – пусть подмываются в тазике. Я решил уже было набрать женщинам тазик, как меня остановил рев в ванной. Луис Альберто пел песню.

– Вот же пиздюк, – сказал я и поспешил в ванную комнату. Если этот черт проснулся, его необходимо было побыстрее выпроводить. Скоро должны были придти герлз.

Когда я распахнул дверь, Луис Альберто спал. Я принялся его будить. «Вставай, скотина», – гневно закричал я, когда сонный Луис Альберто по-русски послал меня на хуй. «Ну, вставай немедленно, – приказал я. – Ты сорвешь встречу».

На удивление, мексиканец не только тотчас же открыл глаза, но и выглядел так будто совсем не пил. Он пробурчал что-то нечленораздельное.

– Что? – посмотрел на него я.

– И тогда меня убьют, – расслышал я слова мексиканского коммуниста и любителя подполья.

– Да, – честно сказал я. – Тогда тебя убьют. Я. Я убью тебя. За то, что ты сорвал встречу.

Луис Альберто вылез из ванной. Он был одет. Я даже не снял с него кроссовок. Поэтому, подав ему руку, помог дойти до входной двери.

– Как приедешь домой – обязательно позвони, – сказал я. – Я должен быть спокоен, что с тобой все в порядке.

Луис Альберто неопределенно кивнул, мол, что со мной может случиться? – и ушел. Я посмотрел на часы. До встречи оставалось десять минут. «Вовремя», – подумал я.

Сербки не пришли. Наверное, передумали. Я сам выкурил почти всю анашу. И в ту же ночь ебал одну из соседок, китайку. По-моему она была переводчицей. Но мне тогда было все равно.

27 сентября 2006 год

рассказ

Почти фантазия

Алексей боялся женщин. До боли, до жути, до страха. Его не останавливало даже то, что женщины его, в общем-то, любили. Ну, или скажем, ему так казалось. А ведь и вправду казалось...

Иногда Алексею действительно казалось, что почти все без исключения женщины в него влюблены. Безумно. И самой отчаянной любовью.

Причем они были готовы (вполне готовы) исполнить любое его желание. Какое попросит. Но... Но он не просил. Он боялся о чем-то попросить даже самого себя.

«Хотя себя бы, наверное, мог, -- думал я. Или, например, за него бы мог попросить я. И мне даже захотелось сделать что-то для него. Но... Но почти тут же мои мысли переключались на улыбку доброго приятеля, Леша Маслова. Ведь улыбка у него была такая, что хотелось заклеить его рот. Чтобы не растягивались его губы в этом idiotическом отображении полу-улыбки, полу-насмешки.

Иногда я вообще не знал, как мне реагировать. Вроде как и должен был, случалось, ему что-то сказать. Но на меня находила такая хандра, что хотелось послать все к черту. И Алексея в том числе. Ибо бывал он порой до невозможности неспокоен. И какой-то до едкости раздражителен. Причем, иной раз, ко мне закрадывалась мысль, что он совершенно не отдает никакого отчета в том, что делает. Ибо делал порой – откровенное безобразие. Например, мог напиться, войти в отделение милиции, и признаться в совершении страшного преступления.

Менты его били, конечно. Но уже на следующее утро. Потому что только произносил Алексей какую-то (очередную) глупость – так тотчас же падал мертвецки пьяный. И добудиться его не представляло никакой возможности. Разве что убить. Во сне. Но милиционеры этого, конечно же, не делали. А относили его в камеру. А утром снова допрашивали (в предвкушении раскрытия «страшного преступления» на допросах присутствовал чуть ли не начальник отделения милиции).

Но оказывалось, что Алексей уже ничего не помнил. И врезав по его дурной башке несколько раз дубинкой – его взащей выталкивали. Угрожая посадить, если придет еще. Он и не приходил. И других отделения было достаточно.

.....

Случилось как-то,-- Алексею удалось познакомиться с очень замечательной (как он считал) девушкой. Причем, девушка не только познакомилась с ним сама (что, в общем-то и можно было предположить; сам бы Алексей не сделал первого шага ни при каких обстоятельствах), но и привела (привезла точнее; у нее – свое авто) домой, накормила, напоила, раздела, и – изнасиловала. Причем с такой жестокостью (ну, страстью то есть), что у Алексея еще несколько дней после этого

стоял член. При мысли о том, как она все это проделывала, с самым что ни на есть самоотверженным неистовством набрасываясь на Алексея. И заставляя его проникать в нее столько раз – сколько хотела сама.

Причем Алексей никогда бы и не подумал, что он может столько раз.

Он и вообще себя считал чем-то навроде полу-импотента. А теперь вот так – просто и без всяких изысков – бери и еби. Куда хочет. Исходя из предположения – что находящаяся рядом женщина (обнаженная, заметим, женщина) – хочет сама. И Алексею было как бы неудобно отказываться от этого.

.....

Но иногда случалось – что с Алексеем ничего не происходило. То есть, он уже терялся в догадках – происходит ли что-то с ним или не происходит. Ему вообще ничего не казалось. И... И он совсем не знал – как реагировать ему на такие ситуации. Ведь раньше – было это или этого не было – не имело никакого значения (ну в том плане – происходило это в реальности или нет). Он все равно все пропускал через себя. И ему даже казалось, что что-то из этого – действительно происходит. Почти на самом деле. Так что проходило уже незначительное время – и он себя убеждал в этом. Ну, или почти убеждал. Ибо всегда находилась некоторая доля вероятности, что что-то у него не получится. И что-то на самом деле (в реальности как говорится) было не так – как это было. Совсем не так. Вообще – не так. А как-то иначе.

Но вот как – Алексей Маслов думать боялся. Мозг его словно бы отказывался анализировать подобную ситуацию. И ему, наверное, если честно – и совсем не хотелось думать. Ну или, как минимум, казалось,-- что это все было не с ним. А он был лишь в роли стороннего (некоего стороннего) наблюдателя.

Но так было не всегда. Иногда мысли Алексея начинали наслаиваться друг на друга с такой частотой, что у него уже совсем пропадала способность хоть как-то оценивать реальность. Анализировать ее. И казалось... Черт возьми! Что же ему и на самом деле казалось?

Вот уж поистине загадка. Загадка. И это, должно быть, была как раз та загадка,-- которая не требовала никакого разрешения. Разгадывания. И словно бы следовало оставить все как есть.

Но Алексей не мог. Не хотел. Не был способен.

И он решил оставить все так, как есть.

А еще через время – у него и вовсе все стиралось из памяти. И хотя бы на миг – но его мозг становился чистым. Почти как у младенца.

И совсем неважно было, что было Алексею уже тридцать два года. И что жизнь, которую он вел, -- и та, которая на самом деле была -- различались.

Это было совсем как будто и неважно.

Ибо перед Алексеем мир приоткрывал какие-то новые двери. И Леша Маслов стремился в них войти. Потому что мог опоздать. А этого он не хотел.

А однажды произошел случай, когда Алексею показалось, что он влюбился по настоящему.

И он почти месяц пребывал в состоянии влюбленности.

А потом неожиданно забыл: кого же он любил. И не только забыл имя -- но и даже образ своей недавней «возлюбленной».

А быть может эта девушка и не была его возлюбленной. А ему просто показалось. Или очень хотелось -- чтобы это было так. Но... но ведь мы даже не знаем кто она? А раз так -- то к чему как будто и вовсе говорить. Если все это было неправда.

Тем более что Алексей совсем не помнил, что он говорил кому-то (нам, например) о своей любимой. А раз так -- то и напоминать, вроде как, и неудобно.

А значит пусть все останется как есть. Фантазией, например. Чей-то фантазией...

14 апреля 2006 г.

рассказ

Музыка

1

Федя Кулибин пребывал в извечном поиске.

Чем больше он думал об этом, тем больше все казалось ему каким-то странным. И отчего по телу его расплзалась какая-то предательская неуверенность.

И потому он иногда совсем старался не думать ни о чем. Словно это и на самом деле приносило ему лишь только разочарование. И после этого -- уже больше ничего не хотелось. Как только выпить, и, например, уткнувшись в подушку (лучше просто было сесть у окна, оперев подбородок на раскрытые ладони) и начать плакать.

Если Федя когда-либо себе и позволял это, то старался, чтобы никто его при этом не видел. А так как его плачь с возрастом (сейчас Феде было 27) случался все чаще, то Федя вынужден был и работу подобрать себе такую, чтобы не связывать себя необходимостью общения.

Поэтому Федя был гармонистом.

Репетировал он исключительно дома. И почти всегда – в полном одиночестве. Притом что, если и можно было допустить нахождение рядом с Федей хоть кого-нибудь, то этим кем-то могла оказаться лишь только его бабушка. Почти совсем слепая и слабослышащая.

Но бабушка каким-то образом улавливала доносившуюся до нее из соседней комнаты (Федя играл в своей комнате) музыку. И должно быть это будило в Фединой бабушке (маме отца) какие-то воспоминания. Судя по всему – приятные воспоминания. Потому что бабушка вдруг ни с того ни с сего начинала смеяться. Или даже – подпевать.

Федя тут же прерывал игру и как-то даже смущался. Пусть бабушка и была единственной его слушательницей, но ведь это все-таки был слушатель. Воображение Феде рисовало какие-то совсем уж воздушные картины, в коих были цветы и поклонницы, и явно тешило Федино самолюбие. И от этого ему не только становилось приятно, но и он явно начинал смущаться. При этом, случалось, погружался в какой-то удивительный мир. В котором было совсем не так, как на самом деле.

И чем больше Федя пребывал в этом мире, тем больше он верил самому себе. А о том, что все это были лишь его иллюзии, уже не думал. Бессознательно боялся. Не хотел. Исключал для себя такую возможность. И желал... В душе Федя желал чтобы было все иначе. А как оно на самом деле было?

2

На самом деле все было, конечно же, не так. Но, наверное, мало кто из нас так-то уж желает жить в какой-то правде. Потому что будь она такой – и отказывалась бы психика в иных случаях принимать даже половину из нее. Ведь существует достаточно большое количество людей, которые возводят желаемое в действительное. И в этом даже не было бы ничего страшного, если бы тем самым эти люди не запутывали себя. И после уже начинали жить в исключительно искаженном мире, мире искаженной реальности.

Хотя и в ином случае, быть может, и вообще бы никакого мира не было. А опустились бы у них руки. И не хотелось бы больше ничего. Как тому же Феде. Ведь иногда на него накатывало именно такое состояние. И в лучшем случае он мог начать пить. И играть на своем баяне. Словно бы возводя с музыкой волшебный замок, который все время оставался недостроенным в его воображении.

И уже как бы то ни было, это вполне устраивало Федю. Хоть и действительно во всем этом больше угадывалось какой-то вынужденности. Чем... реальности.

3

Трудно было сказать: каким же Федя Кулибин был на самом деле?

Мне почему-то казалось, что он не был таким уж недоумком. Да и нельзя, наверное, было говорить об совсем уж отсутствии у Феди какого-то ума. Скорее всего уместней было вести речь о некоторых заложенных в подсознание Феди странностей.

И тогда уже именно эти странности порой и отзывались появлением загадочных поступков его. А еще раньше – характеризовались возникновением почти столь же странных (нелепых и загадочных) мыслей. Мыслей, которых никому почти и угадать-то было невозможно. Разве только хоть как-то предположить возникновение их.

Но и это почти совсем не решало проблемы. Ибо должно быть самой проблемой (главной проблемой) была жизнь Феди. Жизнь, с которой он иногда (случались такие мгновения) хотел и расстаться.

Но и все же мне почему-то казалось, что это было в большей степени неосознаваемо Федей. (Просто мне не хотелось верить, что он готов был сознательно уйти из жизни.) А Федя? А Федя, наверное, не думал и половины из того, о чем думали другие. А просто когда подступали совсем уж печальные мгновения – садился и играл. И играл он так, что хотелось плакать. Ибо в такие минуты и сам Федя необычайно преобразовывался. И у тех, кто оказывался невольным слушателем его (помимо бабушки – были еще люди, пусть и случайные в большинстве своем; ну, соседи, например) как-то подбиралось настроение, схожее с тем, которое было на тот момент в душе Феди. И окончательно мешала им всем разрыдаться именно музыка. Потому что совсем нельзя было допустить, чтобы упустить хоть аккорд из нее. И музыку хотелось действительно слушать. И как замороженные все следили за игрой Феди Кулибина, который играл как очень одаренный музыкант.

И музыка эта многим помогало что-то понять по-другому. И что-то вспомнить, что уже вроде как окончательно было забыто. И это действительно было так. Музыка радовала, будила воспоминания, и даже казалось – давала ответы на какие-то жизненные вопросы. Которые, конечно же, были у каждого. А тут вдруг – словно исчезали.

И пусть все знали, что музыка закончится, и все возвратится на круги своя. Ведь можно было допустить, что такого могло и не произойти.

А может и действительно не произойдет. Особенно если искренне верить...

12 июня 2006 год.

рассказ

Вымышленный герой

1

Он мог бы сказать о великих свершениях.

Он мог бы сказать о чем-то таком, что еще если и не свершилось, то произойти было готово в любое, быть может, даже и мгновение.

Он мог бы вообще о чем-либо сказать; но вот вопрос, что говорил Маланов об этом неохотно. А если и начинал говорить, то словно с надеждой, чтобы его через время прекратили слушать. В ином случае, и не заставишь его сдвинуться с места.

И при этом Валентин и сам, видимо, находил в своих поступках больше противоречия, чем это могло в его представлении быть. И все как бы шло у него к тому, что по прошествии какого-то времени взросления (сейчас большому ребенку было тридцать; но это как у других восемнадцать) Валентин Маланов до конца бы осознал, что все, что происходит с ним, несколько нелепо, да и может быть как-то по-особенному загадочно. В то время как если предположить, что можно было что-то изменить - в таком случае наверняка он смог бы как-то по иному подойти к жизни. И прежде всего, взглянуть на эту жизнь под иным углом.

Это ему всегда хотелось сделать. Как и мечталось совершить нечто большее, чем отводила ему судьба, ставив в определенные рамки, и словно бы обрывая на ходу подобные его устремления.

А может он сам накручивал себе лишнего да несуществующего. И ведь права-то такого ему никто не давал. А скорее - родилось оно у него как бы уже само по себе. И он считал, что даже если подойти к подобному вопросу более обстоятельно, то можно было бы выиграть с этого намного больше, чем, быть может, имел он сейчас. Тогда как даже выходило, что он все-таки чего-то опасался, чтобы делать настолько самостоятельно, чтобы как бы исключая помощь со стороны кого-либо (самостоятельность это в большинстве случаев как раз вера исключительно в свои силы), добиться всего да еще и самому. Ну, пока не готов был, что ли...

И как-то вышло так, что Валентин Маланов ко всем таким предположениям (как и к любым размышлениям вообще) отнесся с подобающим уважением. После чего предположил, что совсем как будто не может быть ничего, что могло бы затруднить его дальнейшую жизнь. Если предположить, что жизнь эта окажется весьма интересной, и даже любопытной.

И тогда уже можно говорить о том, что незачем так-то уж выходить из себя, когда даже к этому ведут определенные обстоятельства. Ну и значит - совсем по-другому предстоит взглянуть на мир. На окружающий мир, прежде всего. Ибо Валентин по-прежнему предпочитал замечать то, что было вокруг,-- словно бы не обращая внимание на то, что происходило совсем под носом, ну или же в относительном отдалении.

И даже как будто уже получалось, что все что происходило (и казалось Маланову), быть может так и не происходило и не казалось. А вовсе словно и наоборот - это он, как раз он вызывал в себе нечто подобное непонятное. То, что, наверное, несколько сложно было как-то оценивать его сознанию. Потому как все время возникало (норовило возникнуть) нечто, что шло в разрез с

заданным курсом-направлением. И даже если мы можем говорить о чем-то подобном, то непременно уже получалось все другое. То к чему невозможно было подойти с позиции логики да здравого смысла. Но ведь и невозможно ко всему подходить с позиции логики да здравого смысла. Особенно с такой расщепленной психикой, какая была у Маланова. Ну, так уж выходило.

И то, что на самом деле выходило, как будто иной раз и вовсе не укладывалось в привычное положение вещей. Потому как (просто потому как) запутывало оно невероятно и самого Маланова, и что уж точно, сбивало с толку тех, кто пребывал волей жизненных обстоятельств рядом с ним. И тогда уже можно было говорить (об этом говорить хотелось), что не всегда у Валентина получалось так, как он хотел. Да к подобному он вроде как и привык. Ну, или до сих пор еще учился привыкать.

И вот в этой запутанности он жил, продолжал жить, находился все время. Тогда как даже выходило так, что, несмотря на какие-либо решения, принимаемые им (принимаемые периодически), он, тем не менее, находил, что все это как бы действительно необходимо ему. И даже оправдывал эту необходимость своими какими-то шагами да поступками (шагами по жизни, и поступками, совершаемыми вследствие этих шагов). Так что уже совсем скоро начало ему казаться, что все, что кажется так, является и действительно таковым. А то, что будет казаться наполовину (то есть, это когда и - или - кажется, и - или - не кажется), словно бы и должно было быть именно так. Хотя бы потому, что многое еще пока в жизни казалось Маланову не совсем понятным. Но он стремился понять. А с той настойчивостью, с которой он подходил к подобному - можно было предположить (подобное предполагать даже хотелось), что у Валентина все получится. Ну, то есть, - выйдет все так, как он этого и хотел, как к подобному и стремился, как... Ну, в общем, как это и должно быть.

2

Нам, наверное, следовало бы предупредить кого-то, что Валентина Маланова никогда не было. Но получается так, что говорить о подобном мы попросту не можем. Потому как на самом деле - существует как минимум несколько Малановых, жизнь и психика (жизнь - как следствие влияния психики) которых оказала влияние на Валентина. Потому и взял он через двадцать лет после начала жизни псевдоним Маланов. Тем более что стал уже к тому времени работать в журналистике. И делая иной раз репортажи с места событий - настолько входил в образ кого-то другого (но не себя), что уже словно бы и не мог (не был способен) дистанцироваться от этого - ненастоящего - человека. А еще позже - понял что тот, в общем-то, не только нравится ему, но и необычайно на него похож. Или - что вернее - нравится как раз потому, что похож.

И вот этой схожестью он вскоре настолько проникся, что поменял паспорт, взяв вымышленную фамилию, схожую со своим псевдонимом. И даже что можно было предположить еще (да и что получалось на самом деле) - постепенно становился похож (иной раз - более чем похож) на своего героя. Героя вымышленного, но принявшего оттенки настоящего. И это к тому же еще настолько Маланову понравилось, что прошло совсем незначительное время, и он уже совсем и не думал ни о чем. Ну, то есть, он как бы по-прежнему думал о многом, но вот ничего плохого в себе сегодняшнем не замечал. И даже рассчитывал (предварительно рассчитав) что все, что произойдет после - получится. И получится настолько отчетливо (это ему уже виделось), что он совсем не собирался в ближайшем будущем что-либо менять. Его как бы устраивало все или многое ("многое это ничего"--иной раз запутывал он себя). И он, видя это многое, добивался еще большего. С надеждой, что когда-то это непременно произойдет, получится, свершится.

--Ну а почему нет,--говорил он себе.-- Почему нет...

-- А почему бы и нет?--сказал он как-то, и с тех пор стал не в меру задумчивым. Ему стало казаться, словно бы что-то в этом мире (с участием его) происходит не так (или не совсем так). После чего настроение становилось у него каким-то не в меру загадочным. И даже получалось, что будущее если пока и обещало быть прекрасным, то, что уж точно - могло бы казаться оно таковым, если...

Да нет. Он уже не накручивал себе лишнего. А умело распределял жизненные силы. Решая вопрос именно в том ключе, в котором и предполагалось разрешение его.

3

Ну а если на самом деле взглянуть на фигуру Валентина Маланова с той долей скепсиса, с которой он еще недавно привык на себя примеривать все и вся (происходившее с ним), то тогда выходило нечто запутанное и по всему - не очень хорошее. Тогда как ведь можно и не делать подобного.

И уже окажется, что наш герой вполне живуч, и похож на тех немного несчастных людей, которых встречается весьма превеликое количество в начале нового тысячелетия в нашей стране да и во всем мире.

Хотя сам бы Маланов (как и персонажи похожие на него из окружающей реальности) наверняка в чем-то и не согласились бы с нами. К тому же Маланов (словно увидев подобный нарисованный портрет) убедил себя в необходимости кардинальных изменений. Чем, должно быть, еще более запутал свое сознание да подсознание. Потому как и раньше эти два компонента психики жили споря да немного дуясь друг на друга. А тут как бы и вовсе грозило произойти откровенное безобразие. Хотя, быть может, мы и забегаем вперед. Да еще не только опережая события, но и

искажая (ненамеренно, конечно же, ненамеренно) ту реальность, о которой на самом деле можно только догадываться, но никак невозможно предвидеть.

Тем более что да как окажется на самом деле - покажет время. Время, за которое наш герой (вымышленный... вымышленный...) еще несколько раз будет делать попытки что-либо кардинальнейшим образом поменять да перестроить. Пока не начнет убеждать себя, что все должно оставаться так, как есть, как было доселе, как существовало до него.

Что предполагает, в свою очередь, какую-никакую устойчивость. Хотя так ли она необходима таким индивидам как он - весьма спорный вопрос. Потому как логично предположить, что они так и будут словно бы нехотя (и немного ругая себя, но не стремясь ничего изменить) находиться в вечном поиске чего-то доброго и вечного. Хотя и не факт, что сумеют найти.

--Будущее покажет,--насупившись, пробурчал Маланов, и стал собираться в дорогу.

Дорога вела в неизвестность. И ему очень хотелось дойти...

13.11.2007 год.

рассказ

Мои герлз

Мне хотелось выебать их всех. Я знал, что мог это сделать. Точнее – был способен. Признавая, что ебать всех не представлялось возможности. Тело женщин скрывалось за оболочкой из души и того образа, который вообразила себе каждая из них. И к тому, что скрывалось у них между ног – было не так-то просто подобраться. Причем я подозревал, что иногда они раскаивались в том, что это было так. И в душе хотели просто и откровенно ебаться. Без всяких условностей, к которым обязывало их общество.

Некоторые из них пытались восставать против общества. Свой протест они выражали беспорядочными половыми связями. Мне такие девушки нравились. Нравилась их независимость. Нравилось, что они могли подойти к вам, и предложить переспать с ними. Признавшись, что им этого хочется. Честно признаться. Я не брал откровенно фригидных или просто ебнутых женщин. Все остальные, подозревал, тоже хотят ебаться. Но вынуждены набрасывать на себя маску недоступности. Изображая целок. Суки! Я их ненавижу. Все что от них требовалось – лечь на спину и раздвинуть ноги. Все. Остальное я бы доделал сам. Но перед тем как они ложились на спину – они еще кочевряжились. Изображая чуть ли не жизненную необходимость в подобном шаге. А мне хотелось просто ебаться. И без всяких женских выебонов всунуть член в их пизду. Что еще нужно?..

Мне нравились девушки, любившие анальный секс. Одну мою знакомую звали Лина. Лине было лет двадцать пять – двадцать семь когда я с ней познакомился. Вернее, познакомился с ней мой приятель. Но он готов был передать мне ее в случае, если она не будет против. Против она не была. Как я понял позже, Лине было все равно с кем ебаться. Она любила секс в любых проявлениях. Для нее не существовало табу. Вы могли забежать к ней на минутку (работала Лина официанткой в кафе), и в эту «минутку» она успевала сделать вам минет. Не спрашивая ни о чем.

Я любил понимающих женщин. Лину я старался ебать чаще.

В начале наших отношений я открыл, что ей нравилось, когда трахают ее в попу. С тех пор, я трахал Лину только туда. Когда случилось, что она предоставила мне для проникновения пизду, я какое-то время размышлял что это, и могло ли это как-то мне пригодиться. Лина исправила оплошность. Повернувшись задом. Я воспользовался приглашением. Больше она не экспериментировала.

Почти в один жизненный период у меня было три женщины. Ни одна из них не знала о существовании другой. С одной я жил в гражданском браке. Двух других трахал на стороне. Количество сексуальных контактов со всеми тремя было одинаковое. Девушка, с которой я жил, подозревала, что у меня какая-то секретная работа. Я мог уйти в ночь. Мог подняться с постели среди ночи. Иногда отсутствовал днем.

Настоящая моя работа приносила мне пять-шесть новых сексуальных контактов в неделю. Я работал ди-джем в ночном клубе. Тогда в стране клубное движение только набирало оборот. Сейчас, с моим знанием музыки, я бы не справился. Тогда я вставлял кассету в магнитофон и все. Минут на сорок можно было заняться другим делом. Десятки кассет со смешанной, от танцевальной до рока, музыкой я всегда носил с собой. На случай, если кто-то решит их спиздить, когда меня не было. Если их спиздят – я могу остаться без работы. Об этом меня предупредил хозяин. Это подозревал и я сам.

В свободное от работы время я записывал новые композиции. Мои компиляции посетители любили. Еще больше меня любили девушки. С большим количеством из них я переспал. Некоторые отдавались мне за какую-нибудь песню, поставленную для них. Кому-то я делал в микрофон комплименты. За это мне готовы были сделать минет. Я не отказывался.

В середине 90-х из клуба я ушел. Каким-то непонятным образом клуб поменял ориентацию. Стал голубым. Тогда это становилось модным. У меня появились первые поклонники среди мужчин. Кто-то из них стал предлагать мне деньги, если дам им пососать свой хуй. Расценки колебались в районе ста и двухсот долларов. Время было богатое. За ночь люди могли сколотить

состояние. Или проиграть его в казино. Казино тоже тогда набирали силу. Я ушел работать в казино. Через месяц из казино я ушел. Не сработался с начальством. Работать не хотелось.

Вскоре я нашел работу по душе. Я стал наркотороном. Пока меня не посадили, я мог наслаждаться жизнью. И пользоваться телами наркоманок, которые считали не зазорным отдаться мне за дозу.

Некоторым из них мне хотелось заплатить. Из наркоторономов я ушел. Вернулся в шоу-бизнес. Стал писать песни, продавая их группам и отдельным певцам-исполнителям. Самому мне эти песни не нравились. Было в них что-то слащавое, тем более, что я подозревал, что часть моих клиентов пидарасы. Но у пидарасов были деньги. Они всегда хорошо платили. Я не отказывался. Тем более что писать было мне не в тягость. Появилось много свободного времени. В свободное время я занимался любовью. Любил я молоденьких девушек, и девушек постарше. Иногда мне попадались взрослые девушки. Многие из них были замужем. Мне наличие у них мужа не мешало. Я сдавал девушкам в аренду свой хуй. И не считал зазорным брать за любовь деньги. Хотя большей частью я занимался любовью бесплатно. Но если кого ебал за деньги, делал это, как мне казалось, с большей ответственностью. Ну, или тешил подобной мыслью свою совесть. Без разницы.

Как-то мне предложили написать песню для одной стареющей певицы. Она была модной в середине 80-х. Поднявшись на волне вседозволенности в музыке и в жизни, испытал успех, славу и полное забвение, «старушка» хотела вернуться в обойму. К тому времени ей было сорок пять. «Для возвращения может быть поздно», – подумал я. Но если бы вы знали как она ебалась! Она отдавала себя и кончала раз за разом. Она это действительно умела делать. Ей бы стать в свое время порнозвездой.

Я написал для нее альбом. Мне казалось, что это лучшее, что когда-то получалось у меня. Я ошибался. Слава певицы даже после выхода альбома была только в небольших провинциальных городах, жителям которых по большому счету было все равно кого слушать. Если бы она с ними ебалась, я думаю, здорово бы подняла свой рейтинг. По-моему о чем-то таком я ей сказал. Она обиделась. Больше мы не общались.

Кстати, за песни она мне так и не заплатила. Меня вообще многие обманывали. Получая от меня стихи, ебанные плагиаторы их слегка переделывали, композитор сочинял музыку, и считали, что у них выходила другая песня. Как бы не так! Из-под пера этих пидарасов выходила полная лажа. Я иногда жалел, что в свое время не ебал их в рот. Каждое мое стихотворение было на

понятный мне мотив. Часто композитор его не замечал. Я не узнавал песни, написанные на мои стихи. А эти сволочи записывали авторами себя.

По большому счету я не расстраивался. На продаже стихов я все равно зарабатывал. Некоторые из музыкантов были мне настолько благодарны, что иной раз благодарили со сцены. Это повышало мой рейтинг. А значит, я не знал отбоя и от заказчиков. Стихи выходили у меня сами собой. В иные дни я мог написать десяток. Потом начинал пить. Рождалось еще несколько.

Стихи появлялись у меня и во время занятий любовью. После те, которые вспоминал, я записывал. Но в основном я любил экспромт. Если какие-то строчки не выходили сразу – я пропускал их. Если сразу не шло стихотворение, я его забрасывал. Кто-то говорил, что для меня был важен сам процесс. Может быть и так. Тем более, что начав писать, без этого я уже не мог.

Со временем я перешел на прозу. Прозу писал для души. Стихи для денег. Их по-прежнему покупали композиторы. Многих композиторов я знал лично. С какими-то из них дружил. Кого-то ненавидел.

С возрастом общение с женщинами я не прекратил. У меня была достаточно веселая жизнь. Я кутил в ресторанах, соблазнял официанток крупными заказами и щедрыми чаевыми. С большинством из них потом занимался любовью. Я вдруг почувствовал, что эти девушки меня понимают. В официантки уже изначально шли девушки, согласные на многое. Когда ко мне подходила какая-нибудь из них принимать заказ, я уже знал, что знаю о ней даже то, что знать она не могла. Ну, например, что за деньги смогу переспать с ней. Особенно если обставить все не как покупку товара (женщины всегда оставались для меня товаром), а разыграть какие-то чувства. Например, случайно обнаружить «родство душ». Быть может сыграть на какой-то своей закомплексованности. Девушки любили унижение (штамп униженности накладывала на них работа) менять на лидерство. Повелевать. На работе повелевают ими. Со временем они к этому привыкают. А тут ситуация меняется. Пальму первенства как бы берут в свои руки они. Им это нравилось. Они на глазах менялись. Тем более, что к пальме первенства прилагался мой член и солидные чаевые. Денег я не жалел. Деньги были основными в том бале-маскараде, который устраивал я. Мне хотелось ебаться. За деньги я получал в свою постель отличную герлз. Которая, к тому же, не была проституткой. И даже если кто-то из них был блядью, в постели со мной она начинала разыгрывать невинность. Я очень возбуждался, когда кто-то из особо «невинных» брал у меня в рот. Когда я всовывал свой член им в зад, я чувствовал еще большее возбуждение. Главным образом от осознания того, что я делаю. И от того положения униженности, в котором оказывалась девушка.

Девушкам о своих ощущениях я не говорил. Я вообще предпочитал говорить с ними только о хорошем. Ведь больше мы могли и не увидаться. Так к чему мне было их расстраивать?

Иногда от секса я уставал. Я догадывался, что скоро устану и от песен. Но пока это не случилось, я должен был продолжать наслаждаться жизнью. И ебать своих многочисленных подружек. А как же иначе?..

01 октября 2006 год

рассказ

Каждому свое

Как-то так случилось, что Пересветов поверил, что все в его жизни скоро закончится.

Закончится, прежде всего, плохое. Андрею Вениаминовичу было уже под сорок. Какая-то часть прожита. Можно начинать новый виток.

Но, начиная новый виток (начинал он его уже два года) Андрей Вениаминович словно бы всякий раз угадывал, что еще не время. Попросту говоря - рано. Еще было рано.

Но вот проблема-то, что реальных сроков никто не обозначил. А Андрей Вениаминович как-то привык, что в его жизни все обозначалось. Кем? Руководством, например (в прошлом Андрей Вениаминович был кадровым военным, только недавно - как раз два года назад - уволившись на гражданку). Или, предположим, помимо руководства была еще жизнь. В которой все так же,-- Андрей Вениаминович словно бы подстраивался под какое-то расписание. При этом совсем не им разрабатываемое. А самому Андрею Вениаминовичу словно только доводилось до сведения: что и как он должен выполнять. Что делать. К чему стремиться.

Так вышло, что после начала гражданской жизни он не знал, что ему делать. Точнее, в общих масштабах как будто и знал. Но также и знал, что ничего путного эти знания не принесут. Попросту не смогут. Или смогут (теоретически ведь можно было допустить все что угодно), но сам Андрей Вениаминович не сумеет воспользоваться ситуацией. Не справится попросту. Тогда как раньше всегда справлялся. Но что такое раньше,--рассуждал Андрей Вениаминович.--Жить то необходимо было сейчас.

--А ты попробуй изменить ситуацию,--как-то попытался наставить его на путь истинный Кеша (Иннокентий Мазаев, товарищ Пересветова). Кеша был даже постарше Пересветова. Но выглядел моложе. Да и сам просил называть себя Кешей.

--Знаешь что,--Кеша, стареющий блондин, чуть прищурясь посмотрел на Пересветова.--А давай я тебе и впрямь помогу?

--Чем поможешь?--слегка опешил Пересветов, несколько подозрительно посмотрев на товарища.

--Давай поменяемся?--все так же прищурился один глаз, смотрел Кеша на Пересветова.

--Чем поменяемся?--недоверчиво переспросил Пересветов, ожидая какой-нибудь пакости (Кешу Андрей Вениаминович знал с детства, и всегда тот был более чем хваткий парень. С настоящей рабочей закалкой. Сейчас, впрочем, Кеша был бригадиром. Грузчиков).

--Нашими ролями в жизни,--неожиданно философски заключил Мазаев.

--Как это?--совсем уж растерялся Пересветов.

--Да все просто,--спокойно произнес Кеша, изучающее наблюдая за Пересветовым.--На время ("заметь - только на время", - поднял он указательный палец) мы поменяемся местами. Ты станешь Иннокентием Мазаевым, а я...

--Да не хочу я меняться местами,--не дал ему закончить Пересветов.--Мне и так хорошо.

--А вот и не хорошо,--понимающе произнес Мазаев.--А вот и не хорошо,--повторил он, посмотрев на Андрея Вениаминовича.--И ты об этом знаешь.

--Знаю,--грустно признался Андрей Вениаминович, опустив глаза.

--Знаешь, а поделаться ничего не можешь,--радостно заключил Мазаев, подводя его к изменениям в жизни.

--Не могу,--в согласье кивнул Пересветов.

--Чудак человек,--с теплотой в голосе сказал Кеша.--А я ведь знаю,--как-то по особенному сделал он ударение на "ау". Знаю-знаю,--быстро повторил он, не сводя глаз в Пересветова.--Не сомневайся.

--Ну, может, и знаешь,--нехотя согласился Андрей Вениаминович.

--Ну так и я говорю!--обрадовано воскликнул Кеша.--Ты согласен мне довериться?

--Согласен,--неожиданно для себя готов был уже согласиться с чем угодно Пересветов.

--Нет, мне не нужно, чтобы ты так обреченно говорил,--неожиданно стал в позу Кеша

--А что тебе нужно?--обозлился Андрей Вениаминович.

--Мне необходимо твое искреннее желание изменить ситуацию,--спокойно ответил Кеша.-- Изменить ситуацию - через улучшение ее.

Андрей Вениаминович Пересветов с удивлением посмотрел на товарища. Себе он мог признаться, что никогда всерьез не воспринимал того. То есть они общались, конечно. Но общение это было такое, чтобы ни того, ни другого, ни к чему не обязывать. Ведь сколько они друг друга знали, а в дружбу их общение так и не переросло. Что уж говорить...

--А знаешь, я пожалуй соглашусь,--прервал Пересветов свои же мысли-размышления.-- Соглашусь, и все. Что мне необходимо делать?

--Ну, вот это уже другой разговор,--радостно сказал Кеша, и пристально посмотрел на Пересветова, словно бы оценивая, действительно ли тот готов.

--Говори же,--торопливо проговорил Пересветов.--Не томи,--попросил он.

--Ну, знаешь,--неожиданно готов был обидеться Кеша.--А впрочем, ты прав. И так, ситуация состоит в следующем.

И в последующие полчаса он поведал Андрею Вениаминовичу часть своего гениального (он не преминул заявить о гениальности) плана. Другую же часть пока приберет на потом. Но и того, что он рассказал, уже было достаточно, чтобы Пересветов понял, что в скором времени все в его жизни изменится. И даже быть может - в лучшую сторону.

План заключался в следующем. Иннокентий Мазаев и Андрей Вениаминович Пересветов действительно должны были поменяться. Помнятся внешностью и именами. Ну, то есть - Мазаев должен был стать Пересветовым, и наоборот. Соответственно - менявшись таким образом - каждый брал карму другого. Ну и, уже получалось, жизненный путь. После чего Кеша должен был моментально (он так и сказал - моментально, и улыбнулся) решить все жизненные проблемы Пересветова. Ну а Пересветову было главное, попросил Кеша, не загубить то, чего уже достиг Иннокентий Мазаев.

Ну а чтобы Андрей Вениаминович не передумал (а равно, видимо, желая закрепить договор), Кеша предложил ударить по рукам и распить полбанки.

Что они и сделали. Причем Андрей Вениаминович неожиданно быстро опьянел. И вскоре он уже готов был согласиться на что угодно. И Кеше даже пришлось немного посетовать, отчего он не напоил Пересветова раньше. И словно бы для закрепления достигнутого успеха, Кеша извлек из-за пазухи (была ранняя осень; они очень мило разместились во дворике домов, где жили. Они были соседями) еще поллитра.

Но еще через время Кеше пришлось пожалеть, что душа его захотела "продолжения банкета". Потому как Андрей Вениаминович вдруг начал себя вести как последняя свинья. Сначала он, правда, по дружески обнимал Кешу и искренне благодарил его. Но потом неожиданно ударил в челюсть. А когда обескураженный Кеша упал, Пересветов вскочил, и стал бить Кешу ногами. Пока тот не затих (притворился). Прекратив избиения (Пересветов был крепкий и высокий; что не сказать о худосочном и низкорослом Кеше), Пересветов допил оставшуюся водку, и ушел.

Далеко он не дошел. До первого магазина. Где, как отмечалось в протоколе, приобрел бутылку водки, которую и стал пить, выйдя из магазина. Пил ее Пересветов как заправский алкоголик, прямо с горлышка. Может, уже вошел в образ Кеша? Кеша, кстати, оклемался, и, чертыхаясь, поплелся домой. А Пересветов, не допив до конца бутылку, зачем-то метнул ее в витрину магазина. Потом сел и заплакал.

Подъехал, вызванный администратором магазина, наряд милиции. Пересветов представился Кешей. Иннокентием Мазиным. А после, когда через 15 суток его отпустили (Пересветов честно отбыл свой первый срок за нарушение общественного порядка и мелкое хулиганство), Андрей Вениаминович пришел к Мазину. Мириться. Кеша простил. Он все понял. Также как и понял, что каждый должен жить своей жизнью. Потому что на некоторых - смена личности может очень даже негативно сказаться.

А Андрей Вениаминович был очень рад, что Кеша его простил. И с тех пор стал называть его исключительно по имени отчеству, -- Иннокентием Гавриловичем. И они даже стали чаще общаться.

--Ну а разве может быть иначе?--рассуждал, бывало, Мазин.--Ведь мы теперь фактически братья.

А Пересветов с ним соглашался. И даже, бывало, говорил ему хорошие слова. Добрые. Видимо желая как-то искупить вину за то, что он сделал с добрым знакомым. Ставшим теперь другом.

А потом Андрей Вениаминович Пересветов стал неожиданно отдаляться от Мазина. Чувствуя в компании с Мазиным какое-то все возраставшее внутреннее неудобство.

И уже не называл его по имени-отчеству. А со временем и вообще перестал как-то называть. Они уже не общались.

--Да оно и понятно,--сказал кто-то, из знавших и Пересветова и Мазина.--Каждому свое.

И с ним, должно быть, по-своему могли согласиться и Андрей Вениаминович и Кеша Мазин. Незачем искусственно перекраивать судьбу. У каждого она своя. А при любых попытках через время все вернется на круги свои. Каждому свое?

26 июль 2007 год

рассказ

Миф

Жизнь Святослава Мазура уже с детства была окружена тайной. Загадкой – было само его рождение. Даже близко, как им казалось, знавшие его люди – на самом деле не знали ничего. Ну, – или почти ничего.

Нет, конечно же, основные вехи пути – были известны. Хотя и тут – не обошлось без недомолвок. Например, была путаница с годом рождения. Причем, как мне видится, чем Святослав становился старше – тем больше возникало споров у его друзей. (Вернее, тех многочисленных знакомых, – которые, при случае, легко выдавали себя за близких, обязательно близких, друзей Святослава).

К тому же – и сам Мазур (с необъяснимым удовольствием) подливал масла в огонь. Прибавляя (или отнимая) годы жизни.

Было ему где-то около 45. Среднего роста, коренастый, с какой-то странной походкой (словно он перепрыгивал при ходьбе с ногу на ногу), лучезарной улыбкой и каким-то отчужденным взглядом (так, что по его глазам никогда ничего нельзя было прочитать), Святослав Мазур являл собой, в принципе, достаточно узнаваемый тип. Этакого, – рубахи парня. Однако, как я узнал почти случайно, – подобное впечатление было очень даже обманчиво. А метаморфозы с характером поведения на людях, – находились в прямой зависимости, от собравшегося общества. Например, я с удивлением слушал рассказы, – когда собеседники, перебивая друг друга, спорили, желая представить, в одном случае, Святослава – как отчаянного балагура, а в другом – как явного молчуна, погруженного исключительно в свои мысли и ни в коем случае не желавшего ни с кем вступить в контакт.

И в тоже время я хорошо помнил, – как один из моих приятелей, на просьбу (в двух словах описать характер Мазура), – ответил, что Святослав – это невероятный сноб?!). Да и вообще, – «хам, и мерзавец»; всегда «слышавший, только себя»; и «безразличный, по отношению к другим».

И почти в тот же день, – мне позвонил другой мой приятель, и вздохом, рассказывал о «искренней природной доброте и отзывчивости» Славы Мазура.

Вот так вот.

...Что до моей оценки – то, признаюсь, мое первоначальное мнение было тоже ошибочным. И, вероятно, Мазур – был достаточно талантливый игрок. Потому как имел в запасе с десятков различных масок (образов); перевоплощался в которые он – в зависимости от, – только ему понятных, – обстоятельств.

Он словно бы вел какую-то игру. Игру, по каким-то своим (или только ему известным) правилам. Но вот незадача, – иной раз, словно рикошетом, эта игра задевала и нас. Тех, кто с ним каким-то образом соприкасался. Причем, большей частью, как мне казалось, такие «контакты» были связаны с профессиональной деятельностью Мазура. Он был профессиональным фотографом. И, – насколько я мог судить, – достаточно известным, в «своих кругах». Хотя бы потому, – что заказы получал бесперебойно. (Запись – чуть ли не на год вперед). А качество... о качестве (как бы косвенно) свидетельствовал уровень жизни. А Мазур – принадлежал к тем людям, которые ни в чем себе не отказывали. Если хотели. Но вот проблема, – что он почти ничего и не хотел. Так, – минимально допустимые условия существования: вместо машины – метро; вместо квартиры, – комната в коммуналке; вместо костюма, – потрепанные джинсы, изношенные кроссовки, потрепанный свитер... В летнее время, – футболка и бейсболка. В остальное время, – кожаная куртка (времен «первых чекистов»).

В питании прослеживалась схожая линия: пища (по возможности), – должна была быть, – как можно более, простая. Без изысков.

И наряду с этим, – Святослав Мазур мог в одночасье сорваться, – и укатить на какой-нибудь самый, причём, дорогой курорт мира. Независимо от времени года. Где с легкостью расставался с суммами, которых хватило б на существование (аскетичной жизнью, что жил он), – в течение нескольких лет...

И здесь не было ничего странного. Как многим казалось, – Мазур выбрал именно тот путь, при котором достигалась (на его взгляд) жизненная гармония. А значит, – (психическое состояние его), – могло оставаться «в норме». (Притом, что и норму, могу предположить, придумал он сам).

Нечего не было удивительного в том, что и я Мазура (наравне с другими), считал своим другом. Как раз удивительное было в другом. То, – что, «другом», – он, считал меня. А это (признаться) многого стоит. Особенно если учесть, – что Мазур, на самом деле, – чурался людей. А общение с ними, – воспринимал как необходимость.

И уже, видимо, отсюда, – было его отношение к людям. К которым он относился, – как к солнцу, воздуху, дождю, луне... То есть, как тем вещам, – которые «есть». И которые «будут», – независимо от нашего отношения к ним. (Так что правы, оказывались те, кто замечал эгоцентризм Мазура).

Но, иной раз, словно опомнившись, – Мазур проявлял образцы истинного человеколюбия. (Так что, – точно также правы и те, кто восторгался «самоотдачей» Славы Мазура).

Но, должно быть, только я один, на самом деле, знал причину подобной «разности»; порой кардинальной, – смены его настроения.

И было так, – из-за, (невероятного по силе), «чувства вины» Славы Мазура. Причем, ощущение вины, – иной раз, – настолько «доставало» его, что он с легкостью готов был пожертвовать чем угодно; в надежде: «искупить» – вину. (И, иной раз, это удавалось).

Скорей всего, именно, из-за этих вот, «смен образов» – Святослава Мазура и считали загадочной личностью. И, наверняка, оказывались, правы все. Потому как, (примеряя новую маску), Мазур, – почти вынужденно, – и менял (собственную) биографию. Добавляя (или убирая) данные, – в соответствии со «следованием (разработанному) плану». (Причем, все «изменения», – Мазур держал в памяти. Не только не делая никаких записей, – но и не ошибаясь. Что было уже для меня, – загадкой. И, признаться, подспудно, я все время ожидал прокола. Но, с таким же успехом, я мог ожидать «второго пришествия»...).

Чуть не забыл: разные люди (общавшиеся с ним в разные годы) – знали Святослава Мазура... под другой фамилией. А то и именем. (У меня даже собралась небольшая коллекция. Воланд, Лужин, Бездомный, Самгин... по моему, еще были: Парамонов, Найт... – Нет. Больше не вспомнить. Но и это, – наводило на цепочку, в принципе, «забавных» выводов...).

Ну, как бы то ни было, Святослав жил. Не обращая внимания на других. И периодически перевоплощаясь, – в какой-нибудь (выбранный) образ. Тот образ, который (сейчас) был им взят за основу. Но вот возникло у меня предположение, – что Слава Мазур (слегка) запутался в своих «перевоплощениях». И он явно хочет, – совсем иного... Быть самим собой, – например...

И я это чувствовал лучше, чем кто бы то ни было. Быть может лучше, – чем сам Мазур...
Ведь я – и был им...

13. 02. 05 г.

рассказ

Жизненный период

Он мог заключить, что ему было приятно.

Аркадий понимал, что в вопросе отношения с женщинами у него еще был достаточно юный опыт, чтобы так-то уж судить обо всем, но свое-то мнение он мог иметь. И вот согласно этому мнению - то, что происходило в последнее время в его отношениях с женщинами - казалось Аркадию весьма приятным делом.

Конечно, он понимал, что его могли упрекнуть в чрезмерной заносчивости, да еще в чем угодно. Но это был весьма трезвомыслящий молодой человек, который, несмотря на юный возраст, знал себе цену; и согласно этой цене - он мог позволить себе не обращать внимания на разные там шутки.

Критику в свой адрес Аркадий называл шутками.

Студент второго курса факультета социологии, Аркадий Мещериков вполне адекватно относился к действительности, которая норовила не только его окружать, но и делала попытки подчинить себе.

Согласно этим попыткам он должен был придерживаться жизненного графика, навязываемого обществом. В график входило не только расписание жизни, но и стереотипное отношение к ситуациям, возникающим в этой жизни со стороны окружающих. Тех окружающих, которые стремились, чтобы Аркадий на те или иные жизненные обстоятельства реагировал точно также.

А он не хотел. И даже не столько не хотел, сколько попросту не собирался этого делать. Сохраняя в своем воображении ту модель собственного поведения, которому старался придерживаться, да и вообще - следовать, и ни в коем случае не изменять.

Знакомым девушкам он тоже старался не изменять. В виде эксперимента подобное, конечно, пока еще случалось, но Аркадий и тут нашел выход из положения: для своих случайных связей молодой человек подбирал случайных девушек. Рассудив, что, учитывая свой юный возраст (двадцать с небольшим), он может себе позволить сейчас многое. С обязательным условием через определенное время остановиться.

Сколько должно пройти времени, прежде чем он должен остановиться - Аркадий не знал. Но допускал, что случится нечто, согласно которому он сам все поймет. И остановится.

Когда Аркадий был маленьким - он на самом деле казался сам себе или еще меньше, или наоборот - много больше, чем реально ему было лет. Сейчас же - Аркадий весьма уверенно чувствовал свой возраст. Не путался в оценках себя, и старался не запутывать других. Тех, кто по каким-то причинам решил сделать о нем суждение, высказав какой комплимент. Заметим, к любым комплиментам молодой человек относился весьма скептически. Он их попросту не любил. Не любил, потому как знал за собой нехорошую привычку поддаваться влиянию от высказываний других. Причем был, конечно, вопрос, насколько он таким влияниям поддавался. Кто-то считал, что у Аркадия это, своего рода, игра. И в зависимости от собственного настроения - он мог придерживаться той или иной позиции как в своей оценке окружающих, так и в положении, которое он должен принять согласно влиянию информации, исходившей от окружающих в отношении него.

Это могло быть зависимое положение. Положение победителя. Или же Аркадий мог попросту проигнорировать мнение окружающих относительно его персоны. То есть - попросту не заметить.

Достаточно сложно было сказать, что Аркадий испытывал на самом деле. Ходили слухи... Впрочем, слухи они на то и слухи, чтобы иметь необъяснимую природу возникновения. Тогда как можно было заметить, что в большинстве жизненных ситуаций Аркадий был себе на уме. То есть он мог слушать вас, а мог и только делать вид, что слушает, а при этом находиться где-то в глубине себя. И при этом, когда вы уже начинали думать, что он и на самом деле где-то далеко, Аркадий мог сделать какое-то замечание относительно темы беседы, которую вы вели с ним, и ответ этот мог вам настолько понравиться, что, во-первых, у вас разом отпадали все сомнения относительно всего, а во-вторых - становилось немного стыдно за то, что вы так думали об Аркадии.

Но когда вы, словно бы желая загладить собственную вину (природа которой, заметим, весьма условна) стремились оказать Аркадию свою поддержку в темах, которые он раньше, как

помнили вы, поднимал в разговоре, Аркадий словно бы не замечал вас. Или делал вид, что не замечает, думали вы, и так как после этого он обычно уходил - смотрели ему вслед, словно бы рассуждая про себя о природе такого феномена, как этот молодой человек. Который вдруг переставал вам казаться таким уж молодым. Но, учитывая то, что вы знали его возраст - через время вы уже окончательно терялись, и решали, что на сегодня хватит всяких размышлений. По крайней мере, размышлений об Аркадии.

Что в это время делал Аркадий - большой вопрос.

Можно было предположить, что занимался он делами, которыми, как знали знакомые его, мог придумывать в невероятных количествах. А может и вообще, думал кто-то, Аркадий думает о них. И таким людям обычно не хотелось, чтобы о них думал такой человек как Аркадий. Вообще, всегда как минимум подозрительно, когда о вас кто-то начинает часто думать.

Впрочем, здесь при случае можно усмотреть или великое зло, или наоборот - исключительное благо. Аркадий, например, предпочитал думать исключительно о хорошем (особенно зная, как сильно поддается влиянию плохого). Кто-то другой, впрочем, мог думать иначе.

Ну и если уж совсем серьезно задуматься над размышлениями Аркадия, то видимо вполне можно было предположить, что природа их необъяснима. И, по сути, весьма туманна.

По крайней мере Аркадий с недавних пор предпочитал стать весьма осторожным в каких-то вопросах, касаемых собственного взгляда-восприятия действительности, и самое главное - в отношении людей, населявших эту действительность.

И тут можно было заметить, что ситуация иной раз и вообще выходила из под контроля.

Что говорил сам о себе Аркадий - так тут вообще больше походило на загадку, потому как говорил он всегда разные вещи. Но удивительным образом держал в голове все свои ответы. Поэтому его было достаточно сложно (а то и невозможно) поймать на какой-то простой ошибке. Аркадий вообще был достаточно смысленный. И хотя казалось немного странным, почему при такой доступности к знаниям он не получит диплом какого-нибудь вуза, а то и пойдет учиться дальше - в аспирантуру, тем не менее так выходило, что образование Аркадий большей частью признавал самостоятельное. Проходя, впрочем, при таком обучении достаточно внушительные объемы знаний, получая те, и видимо внутренне наслаждаясь наличием их в себе.

Хотя, забегаая вперед, скажем, что к тридцати годам Аркадий Мещериков уже стал профессором ряда вузов. В том числе его пригласили читать лекции в США, и вообще, можно было сказать, что к тридцати годам все у него стало на свои места.

Но пока Аркадию было чуть больше двадцати. И пока он только выстраивал свою жизнь. Причем, нисколько не находил, что в этой жизни делает что-то не так.

--Быть может ему так было удобно?--задавались вопросами знакомые Аркадия.

--Скорей всего,--отвечали они сами себе.

С Аркадием же никто подобные темы не поднимал. А он сам никогда особо инициатором каких-то тем не был. Рассудив, что ему достаточно спокойно жить так, как он жил. И хотя по мнению многих, тут вопрос мог быть более чем спорным, тем не менее, если на тот жизненный период ему было необходимо чтобы это было так, то почему бы, как говорится, так этому и не быть. Ну а будущее покажет.

Будущее, тем не менее, не стремилось ничего особенно показывать.

В будущее вообще Аркадий смотрел сквозь призму прошлого. А такой взгляд если и мог быть оправданным, то что уж точно - не сейчас.

А что происходило сейчас? Сейчас Аркадий жил своей жизнью. Выстраивая в этой жизни те многочисленные схемы, которыми он, по сути, наслаждался.

Но при этом старался как-то особенно не замечать наслаивающейся на него реальности. Он вообще в иных случаях предпочитал эту реальность не замечать. Допуская, что в конечном итоге разберется со всем сам. Когда подойдет время. А пока...

А пока он жил, быть может даже -- наслаждался жизнью; и что уж точно - знал, что это всего лишь жизненный период, каких будет еще много в его жизни.

Поэтому он особенно и не спешил. Веря, что будущее действительно покажет.

6 апреля 2008 год.

рассказ

Любовь

Я знал ее, казалось, сто лет. И как оказалось – я не знал ее вовсе.

Вот, уже как... (что год, два, три – в сравнении с вечностью?..) мы встречались в одном и том же месте, в кафе, на углу Марата и Невского (ну, быть может, где-то рядом; только недавно я поймал себя на мысли, – что никогда не задумывался о точном адресе... что-то привело меня туда первый раз...и с тех пор – независимо от планов, – каждый второй день новой недели – я был там)...

Как сейчас помню ее, вбегающую в зал... она приносила с собой потоки свежего воздуха, напоминая прогнозируемую синоптиками, но все не начинавшуюся осеннюю бурю... Или в любую секунду грозящий сдетанировать взрыв какой-то нерастроченной энергии; и ее шарф, вздымающийся и остающийся где-то позади нее ленточкой, который грозил зависнуть надолго; а она уже снимала плащ и – еще мгновение – усаживалась за столик...

Удивительно, но мне всегда почему-то она виделась именно такой... Хотя на самом деле, я порой даже не замечал, когда приходила она... и бывало, погружившись в непрерывные потоки мыслей, лишь случайным поворотом головы обращал внимание на ее гордый профиль...

Какой же это все было для меня загадкой?..

...Мы сидели напротив друг друга, всегда думали о чем-то своем, и... молчали... В зале играла легкая музыка (обязательно на каком-нибудь непонятном для нас языке... вероятно, так нужно было, чтобы мозг не отвлекался – переводя текст – и я лишь чувствовал еле фиксируемый сознанием набор ритмичных фраз, положенных на неспешную мелодию, казавшуюся на тот момент божественной...); был вполне приемлемый полумрак (когда еще видишь собеседника, но уже не ощущаешь присутствие кого-то постороннего), и все было так, как словно и должно было быть... Для меня?.. Для нее?... Для нас...

...Я еще пытался отвечать на какие-то возникающие у меня вопросы... но, может быть, я их напрасно задавал себе... потому что – желание получать ответы незаметно пропало само собой... вернее – они стали мне совершенно не нужны... как бы изначально... а может быть, я начинал понимать, что все равно не смогу уловить заложенный в них смысл... или же их и вовсе не было... но тогда – было ли все это на самом деле?..

Удивительно, но я часто ловил себя на этой загадочной (и отчего-то возникающей в голове) мысли... Иной раз казалось, что ничего этого действительно не было... Не было того кафе... Не было меня... не было ее...

Хотя нет... Может быть, забавно, но она была... На ее высокий лоб, который она иногда морщила (и оттого казалась еще загадочней), порой готова была упасть шаловливая челка, которая, впрочем, чуть огорчившись, что с ней не играют – не делала того... необычайно умный взгляд, казавшийся еще более таким из-за немного увеличенных стекол оправы, – был всегда устремлен куда-то поверх вас... и даже, когда она смотрела исключительно на меня (я всегда это чувствовал... может быть, потому что входила она – и для меня уже не существовало никого вокруг... лишь только она и я...) – мне все равно казалось, что она смотрит сквозь... не смотря на то, что в глазах ее не читалось, – что я был тем, ради которого она решилась бы вырваться из прошлой жизни – тем не менее, как-то подспудно ощущалась в них теплота и близость чего-то родного, и, быть может (почему-то в это особенно хотелось верить?!), – чем-то похожего на меня человека... но чем?.. может быть, одиночеством?.. мне отчего-то всегда казалось, что слово – одиночество, – может быть, и не должно быть синонимично понятию «одиночества»... Вероятно, так было, потому что я знал – совсем неважно: живет кто сейчас с вами, или нет... И тогда уже – слово и понятие «одиночество» (по крайней мере в моем воображении), – существовали как бы отдельно друг от друга... Может быть, так случалось потому что у одиночества на самом деле

намного больше прав, чем мы представляем... и тогда уже – мы ощущали: как для нас важны эти встречи... встречи, значение которых, может быть, никто из нас и не понимал до конца... встречи, на которые мы срывались, оставляя незавершенными дела... обманывая потенциальных любовников и любовниц... встречи, ради которых медленно разрушалась невидимая преграда прошлой жизни... моей?... ее?... и в какой-то момент каждый начинал понимать, что рушились барьеры из недосказанных слов, нелепых сомнений, ненужных предчувствий... И как-то разом, вслед за этим, – исчезал и терялся смысл несбывшихся (так и несбывшихся) желаний и утраченных (теперь уж навсегда?) иллюзий...

Словно в одночасье, все оказалось поставленным на кон... И, казалось, это была наша общая тайна... По крайней мере, никто из нас первым не решался разрушить эту невероятную мозаику бытия... И, удивительно, – лишь только однажды что-то заставило меня было подняться (в каком-то необъяснимом желании уйти), – но почти в то же мгновение, почувствовал я (даже, именно, почувствовал больше, чем до конца осознал) – ее жест, ее движение чуть вскинутых бровей навстречу мне... И остался... Остался, для того, чтобы навсегда отказаться даже от мысли уйти от нее...

...Кому были больше нужны наши встречи?... За все время никто из нас не проронил ни слова... Кофе допивалось само собой, пепельница заполнялась, а стрелки часов – не дожидаясь никого – отсчитывали свой неспешный ход, приближаясь к только известному им – финалу... казалось, совсем не обращая внимания на сидевших друг против друга людей... Не замечая их... И, быть может, только опасаясь ненароком сделать какое неосторожное движение, чтобы, не дай бог, даже слегка, не спугнуть молодых людей... Людей, – рядом с которыми жило одиночество... может быть, тоже не решавшееся сделать первый шаг... По крайней мере, в присутствии их обоих...

Но, на самом деле, никто из нас не чувствовал одиночества. Совсем наоборот. За тот недолгий (час, два?...) срок нашего «общения», не проронив ни слова – мы успевали сказать друг другу целую вечность... недосказанную вечность... и каждый ощущал на себе всю полноту чувств, которыми делился с ним другой... И тогда уже скажу, что именно эти встречи давали мне возможность (вдохновение?) жить... И всегда было невероятно трудно представить – что было бы – если б не было ее?... Что вообще со мной тогда бы было?... Ведь, уже все, что с нею связано, все то, что, быть может, со стороны казалось невысказанным и недопонятым – все это, теперь, жило внутри меня... и в какой-то момент я даже перестал бояться... я действительно перестал бояться... – не увидеть ее рядом...

...Но однажды она не пришла... Боюсь даже признаться себе (ощутив тем самым это еще раз), что мне пришлось пережить... (я даже нарушил – никем, впрочем, не установленную –

договоренность и пришел на следующий день – тот же результат... попробовал через день – без изменений, с трудом дождался начала следующей недели – но уже ничего не изменилось... Больше ее я не видел...)

Сейчас понимаю, насколько я был наивен... что мешало мне тогда (когда мы были еще рядом) заговорить с ней?.. И не мучиться после...

Что мешало тогда сделать так, – чтобы больше не расставаться?.. Сделать так, – чтобы она осталась со мной навсегда?.. Что мешало?... Не знаю?..

Сейчас прошло уже достаточно времени... Я так и не нашел ее – хотя и пытался, призывая в помощники, может быть, и не свойственную мне решительность... И только иногда (почему так выходит, – я иной раз боюсь и себе признаться... может быть, психика находит в этом какую свою, доступную только ее пониманию защиту...), и только иногда, мне начинает казаться, что, на самом деле, этого ничего и не было...

А, может быть, и правда – не было?...

Но почему – я до сих пор еще живу?...

04. 02. 04 г.

2004-2014 гг.

Сергей Зелинский.

© С.А.Зелинский. Каждому свое. Сборник повестей и рассказов.

